

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2713-1513

#40 (275), 2025

часть II

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 40 (275)

Часть II

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Zufарович, кандидат технических наук (Высokотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермакбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хаитова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЖУРНАЛИСТИКА

Замалеева А.А., Абдулганиева В.Р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА В ХРЕСТОМАТИЙНЫХ ТЕКСТАХ О ВОЙНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»)..... 6

Юнусова Г.С.

ВЛИЯНИЕ И.С. ТУРГЕНЕВА НА А.П. ЧЕХОВА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ И
ФОРМ..... 10

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Фролов А.В.

СОЛАРИНГ: КОНЦЕПЦИЯ СУТОЧНОГО ЦИКЛА У ДРЕВНИХ СКАНДИНАВОВ 14

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Архипова Е.С.

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ..... 18

Барабаш А.Р.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ
ДЕЯНИЯ 21

Баяндина А.В.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ 23

Давлетов М.А.

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОСГВАРДИИ С ОРГАНАМИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ..... 26

Дейнекина А.А.

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИМУЩЕСТВА 29

Мишина Е.В., Коробкова А.С.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ НАРОДА В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
НАРОДОВЛАСТИЯ) 36

Мурадханова О.Л.

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ 42

Шавлак А.А.

ЖЕНЩИНА-АДВОКАТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ГЕНДЕРНЫЕ БАРЬЕРЫ И
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ..... 46

Швецов Е.С.

ФОРМЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ
ПО СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ 49

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА, РР

Гулян В.Л.

АЛГОРИТМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ SMS-КАМПАНИЙ: СТРАТЕГИИ ВАРИАЦИИ СООБЩЕНИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТАВЛЯЕМОСТИ ПРИ СОБЛЮДЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ОПЕРАТОРОВ И РЕГУЛЯТОРОВ.....	53
--	----

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Sidenko M.A.

HUMANIZATION OF THE ECONOMY – AN EFFECTIVE DEVELOPMENT PATH OR A UTOPIA?.....	57
--	----

Арцыбашев Д.В., Шумаков Р.А.

СТАНДАРТЫ ОПЕРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ РЕСТОРАННОГО СЕРВИСА НА ПРИМЕРЕ РЕЗИДЕНЦИИ «КРЫМСКИЙ БРИЗ HOTEL & VILLAS».....	76
--	----

Нарбин В.А.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ	79
--	----

Хачатурян А.

СТРАТЕГИЯ НУЛЕВОЙ ПРИБЫЛИ: КАК РЕИНВЕСТИЦИИ НА СТАРТЕ ЗАКЛАДЫВАЮТ ОСНОВУ ДЛЯ ЛИДЕРСТВА НА РЫНКЕ	83
--	----

ПЕДАГОГИКА

Андросова А.Ю., Божкова Н.П., Воропаева О.В., Пахомова Н.И.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ СЕНСОРНОЙ КОМНАТЫ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОВЗ И ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ	87
---	----

Баранова Н.М.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЧЕРЕЗ КАДЕТСКИЕ ОТРЯДЫ	90
---	----

Власенко Н.А., Багно А.А.

ВОСПИТАНИЕ ДРУЖЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	92
--	----

Гурьянов А.С., Букалина Д.А., Чепенко С.А., Маклакова С.Д.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ	95
--	----

Каземская А.В., Садаков Д.Г., Жирова Н.В., Дуракова Т.М.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ	98
--	----

Каземская А.В., Садаков Д.Г., Жирова Н.В., Дуракова Т.М.

ТИПОЛОГИЯ УРОКОВ ОТ КЛАССИКИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ	102
---	-----

Мавлянова Р.М.

СОЗДАНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ	106
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЖУРНАЛИСТИКА

ЗАМАЛЕЕВА Алия Альбертовна

студентка, Елабужский филиал Казанского (Приволжского) федерального университета,
Россия, г. Елабуга

АБДУЛГАНИЕВА Валерия Ранисовна

студентка, Елабужский филиал Казанского (Приволжского) федерального университета,
Россия, г. Елабуга

*Научный руководитель – доцент Елабужского филиала Казанского (Приволжского)
федерального университета, кандидат филологических наук Божкова Галина Николаевна*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА В ХРЕСТОМАТИЙНЫХ ТЕКСТАХ О ВОЙНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»)

Аннотация. В статье рассматривается отражение исторической панорамы в художественных произведениях, посвящённых Великой Отечественной войне. Объектом исследования стал роман А. Фадеева «Молодая гвардия». В произведении представлены такие виды хронотопов, как календарное и пространство героев. Авторы статьи исследуют, как в «Молодой гвардии» переплетаются исторические события и личные истории героев, создавая многогранную картину военного времени.

Ключевые слова: историческая панорама, хронотоп, роман «Молодая гвардия», Великая Отечественная война, оккупация, Краснодар, молодогвардейцы, календарное время.

Сюжет романа А. Фадеева «Молодая гвардия» разворачивается на фоне исторических событий и охватывает длительный промежуток времени – 1942 год: сражения под Краснодоном, страдания людей в оккупационном городе во время Великой Отечественной войны; работа молодёжной подпольной организации под названием «Молодая гвардия».

Исторический контекст романа заключается в том, что повествуется об освобождении Краснодона от немецкой оккупации 14 февраля 1943 года. Сразу после этого началась эксгумация нескольких десятков трупов членов подпольной организации «Молодая гвардия» из шахты № 5, замученных немцами перед казнью. Организация была создана вскоре после начала фашистской оккупации Краснодона, она насчитывала около 110 человек: юношей и девушек. «Молодая гвардия» выпустила и распространила более 5 тысяч листовок, её члены участвовали в проведении диверсий в

электромеханических мастерских, поджоге здания фашистской биржи труда, где хранились списки людей, предназначенных к вывозу в Германию. Молодогвардейцы готовились устроить вооружённое восстание в Краснодоне, чтобы разбить немецкий гарнизон и присоединиться к наступающим частям советской армии. Однако, незадолго до планируемого восстания, организация была раскрыта. Персональное заглавие усиливает борьбу героев за жизнь без фашизма.

Хронотоп в романе А. А. Фадеева «Молодая гвардия» является важной единицей изображённого мира, который формирует эмоциональное состояние персонажей, а также отражает историческую и социальную действительность исторического времени.

В произведении ярко представлен хронотоп, как календарное время, выражающееся через лексические единицы с семой «время» и «дата»: «23 июня», а «3 июля», «12 июля»,

«июльские дни 1942 года», «немцы взяли Ворошиловград 17 июля», «в 2 часа дня в ночь на 20 июля», «шестого июля», «все эти дни августа», «в течение седьмого сентября», «шестого ноября», «22 ноября 1942 года», «19 декабря 1942 года», «30 декабря», «тридцать первого января» [5]. Автор использует конкретный хронотоп в романе, чтобы создать атмосферу исторической реальности, а также изобразить течение времени, которое то стремительно, то замедляет ход, способствуя усилению психологизма.

Важную роль играет территория оккупации, город Краснодар, где разворачивается действие романа: «Поселок Первомайский был самым старым шахтерским поселком в этом районе, – от него, собственно и начался город Краснодар» [5, с. 31]. Он становится символическим пространством, на котором подростки, у которых впереди была вся жизнь, становятся свидетелями и участниками исторических событий: «Как ни тяжела и ни страшна война, какие бы жестокие потери и страдания ни несла она людям, юность с ее здоровьем и радостью жизни, с ее наивным добрым эгоизмом, любовью и мечтами о будущем не хочет и не умеет за общей опасностью и страданием видеть опасность и страдание для себя, пока они не нагрянут и не нарушат ее счастливой походки» [5, с. 12]. В цитате контрастно соединяются слова и словосочетания: «страшная война», «жестокие потери», «опасность», «страдания» с – «радость жизни», «любовь и мечты», «счастливая походка», – усиливая антивоенный пафос.

Хронотоп воссоздает образы улиц, площадей, домов, в которых каждое место хранит свои переживания, каждое окно может стать дорогой в другую жизнь. Однако после прихода немецких оккупантов они были заключены: «Долго ходил он по притихшим улицам, среди домов с закрытыми ставнями, не решаясь зайти и спросить» [5, с. 87]. Люди вынуждены покинуть свои дома и оставить привычную жизнь, чтобы спастись от оккупации. Заключенные окна символизируют запустение и отсутствие жизни в домах Краснодона. Страх застался, опасность присутствует, даже если она не видна сразу. Данная цитата показывает, как война влияет на отношения между людьми. Матвей не решается зайти и спросить, опасаясь за свою жизнь. Война делает людей осторожными и подозрительными.

Город не просто фон, он живой организм, в котором под воздействием событий войны

происходит преобразование. Недавно только жители эвакуировались, до прихода немцев Краснодар был наполнен жизнью: «всё это кричало, ругалось, плакало, тархтело, звенело» [5, с. 24]. Но когда в город проникают захватчики жизнь замирает, он становится тихим и безжизненным: «Необыкновенно тихо было и в городе, и во всей степи вокруг. Ждали, что в город вот-вот войдут немцы» [5, с. 156].

Конкретный хронотоп раскрывает внутренний мир героев [3, с. 48]. Улица, на которой происходят столкновения с врагом переполнена страхом: «Казалось, весь город, на улицах которого не видно было местных жителей, заполнился мундирами грязно-серого цвета, такими же пилотками и фуражками с серебряным германским орлом. Серые мундиры растекались по дворам и огородам; их можно было видеть в дверях домов, сараев, амбаров, кладовых» [5, с. 177]. Вместе с тем, этот же путь, по которому проходят герои, становится символом стремления к свободе: «Было даже странно бежать по поселку, в котором не было уже ни одного немца. Девушками овладело чувство свободы, они сами не заметили, как оживились» [5, с. 309]. Их любовь к малой родине, к земле, где они родились и выросли, становится движущей силой.

Это пространство, которое они хотят защитить ценой жизни, обретает сакральный смысл. Каждое напоминание о доме, о маленьких радостях, о знакомых людях становится источником вдохновения и внутренней силы: «Девочки, девочки! – вдруг сказала Лиля своим тихим, проникновенным голосом. – Сколько раз, когда я сидела в лагере, когда шла через Польшу ночью, босая, голодная, сколько раз я вспоминала нашу «Первомайку», нашу школу и всех вас, девочки, как мы собирались и как в степь ходили и пели <...> и кому же это, и зачем же это надо было все это разломать, растоптать?» [5, с. 315].

Пустующие здания, разрушенные войной постройки – это метафора разрушенных судеб. Они свидетельствуют о распаде мирной жизни, о невозвратимости утраченным ценностям и идеалам: «Это были люди, которые собственными руками взорвали шахту № 1-бис - гордость Донецкого бассейна» [5, с. 28]. Взорванная шахта создает атмосферу безысходности и одновременно подчеркивает необходимость борьбы.

Сквозь призму пространства в романе наблюдается трансформация понимания

войны. А. Фадеев описывает места, в которых пробуждается потенциальная энергия противостояния и идеи сопротивления. Таким местом является штаб-квартира организации: «Шестого ноября, в канун Октябрьского праздника, днем, штаб «Молодой гвардии» собрался в полном составе на квартире Кошевого с участием связанных – Вали Борц, Нины и Оли Ивановых» [5, с. 481].

Важным аспектом анализа времени является то, как А. Фадеев включает в текст историческую и внутреннюю хронологию – время отдельных героев течёт параллельно, пересекается и накладывается друг на друга. Это создает эффект коллективного переживания, придавая произведению глубину. Например, Олег Кошевой, один из лидеров подпольной организации, проявляет мужество и решительность в борьбе с фашистами. Он готов пойти на всё ради освобождения своей страны. Однако его судьба трагична: он попадает в плен и подвергается пыткам, но не сдаётся и сохраняет верность своим идеалам. Ульяна Громова, ещё одна героиня романа, также демонстрирует силу духа и преданность своей стране. Она готова пожертвовать собой ради свободы Родины. Судьба героини также трагична: она погибает от рук фашистов, но остаётся символом мужества и стойкости.

В ходе повествования внутренние переживания героев не всегда соответствуют внешним событиям. Несмотря на опасность, они обсуждают свои надежды и страхи, находят время для размышлений и самоанализа. Эти переживания служат контрастом к внешним событиям, показывая, как молодые люди пытаются выжить во время войны. В результате темп повествования задается этими внутренними переживаниями, обращая внимание на изменение человеческой психики в условиях жестокого времени: «Партизан никогда не дорожит своей личной жизнью. Он никогда не ставит свою жизнь выше счастья родины. И, если надо выполнить долг перед родиной, он никогда не пожалеет своей жизни» [5, с. 276]. Повтор слова «никогда» расширяет границы хронотопа,

переходя от конкретного – к абстрактному, усиливая все положительные качества народа-победителя.

Пространство героев и календарное время способствуют формированию конкретного вида хронотопа, раскрывая исторические реалии Второй мировой войны и антивоенный пафос, влияющий на осмысление исторического контекста [2, с. 27-32]. В начале романа мы видим мирную жизнь Краснодона до оккупации, затем – полуразрушенные мертвенные улицы этого же города. Хронотоп сужающе-расширяющийся имеет метафорическое значение, переходя от частной жизни одного человека к хоровой судьбе нации. В заключительных главах происходит освобождение Краснодона. Город, охваченный войной, становится свидетельством человеческой воли и стремления к жизни. Главная авторская мысль романа заключается в том, что даже в самых тяжелых условиях люди способны на героические поступки и борьбу за свободу.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс]. – URL: <http://philolog.petrus.ru/filolog/lit/bahhron.pdf> (дата обращения 20.12.2024).
2. Божкова Г.Н., Давлетшина А.Ф., Быков А.В., Замалеева А.А. Тема скулуштинга в современной прозе о подростках и для подростков // *Modern Humanities Success (Успехи гуманитарных наук)* - 2024, № 1 – С. 27-32.
3. Божкова Г.Н., Садриева Ю.И. Хронотоп как важная составляющая изображённого мира в произведениях Д.И. Стахеева // «Вопросы современной науки»: коллект. науч. монография; [под ред. Н.П. Ходакова. – М.: Изд. Интернаука, 2020. Т. 54. – С. 48.
4. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 613 с.
5. Фадеев А. Молодая гвардия: роман / Александр Фадеев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 608 с.

ZAMALEEVA Aliya Albertovna,

Student, Yelabuga Branch of Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Yelabuga

ABDULGANIEVA Valeria Ranisovna,

Student, Yelabuga Branch of Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Yelabuga

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Yelabuga Branch
of Kazan (Volga Region) Federal University,
Candidate of Philological Sciences Bozhkova Galina Nikolaevna*

HISTORICAL PANORAMA IN CREST TEXTS ABOUT THE WAR (BASED ON THE NOVEL BY A. FADEEV «YOUNG GUARD»

Abstract. *The article examines the reflection of the historical panorama in the works of art dedicated to the Great Patriotic War. The object of the study was A. Fadeev's novel "The Young Guard". The work presents such types of chronotopes as calendar and hero space. The authors of the article explore how historical events and personal stories of the heroes intertwine in the "Young Guard", creating a multifaceted picture of wartime.*

Keywords: *historical panoramas, chronotope, novel "Young Guard", Great Patriotic War, occupation, Krasnodon, Young Guards, calendar time.*

ЮНУСОВА Гульчехра Саидовна

к.ф.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы,
Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова,
Республика Таджикистан, г. Худжанд

ВЛИЯНИЕ И.С. ТУРГЕНЕВА НА А.П. ЧЕХОВА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ И ФОРМ

Аннотация. В статье рассматривается влияние И. С. Тургенева на творчество А. П. Чехова с точки зрения преемственности идейно-тематических и формальных элементов. Анализируются общие мотивы, характерные для произведений обоих писателей, такие как тема «лишнего человека», конфликт личности и общества, трагедия обыденности.

Ключевые слова: Тургеневское начало, преемственные связи, своеобразие, предшественники, традиции.

В истории русской литературы имя Антона Павловича Чехова неизменно связано с традицией, заложенной классиками XIX века. Среди них особое место занимает Иван Сергеевич Тургенев – писатель, чьё влияние на формирование художественного метода Чехова несомненно. Оба автора создавали произведения, в которых важнейшую роль играют психологизм, социальная рефлексия и внутренний мир человека.

Мы придерживаемся мнения, что нельзя определить место и роль великого писателя в истории литературы без изучения вопроса о генетических связях этого писателя с его предшественниками. Вопрос о связях Чехова с его великими предшественниками был поставлен еще в дореволюционной литературной критике. Такие авторы, как А. Измайлов, В. Сперанский, Н. Носков, А. Лисовский и др., говорили о традициях Пушкина, Гоголя, Щедрина, Тургенева и Л. Толстого в творчестве Чехова. В исследованиях Г.П. Бердникова, З.С. Паперного, И.В. Грачевой и др. проанализированы литературные связи Чехова с произведениями зарубежных и русских писателей – Данте, Шекспира, Гюго, Флобера, Пушкина, Лермонтова, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Достоевского, Бунина и пр. В статьях трудах критиков встречаются интересные наблюдения и ценные высказывания.

Многие исследователи говорят об особом влиянии Тургенева на творчество Чехова. Общепризнанно, что связь Чехова с Тургеневым носит генетический характер, характер литературной преемственности.

Реальность органической близости писателей подтверждает постоянный интерес Чехова к великому предшественнику как в эпистолярной, так и в художественном творчестве. Письма Чехова свидетельствуют о его осведомленности во всем, что касается Тургенева – от издания сочинений до тургеневских спектаклей, рецензий и т.д. В них же дана оценка значимости Тургенева для русской литературы: Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев – таков чеховский ряд великих имен. Дана и характеристика почти всех произведений Тургенева, из которых особенно высоко он ставил «Отцов и детей»: «Боже мой! Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел, и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? А Кукшина? Это черт знает, как сделано. Просто гениально» [6, с.174].

Тургеневское начало постоянно проявляется в творчестве Чехова, начиная с первых его рассказов («Каникулярные работы институтки Наденьки N.» – 1880, «Цветы запоздалые» – 1882, «В ландо» – 1883) и кончая «Невестой» и «Вишневым садом» (1903). Но проявляется по-разному. Если в произведениях первой половины 1880-х годов имя Тургенева, его герои упоминались преимущественно с целью сатирической характеристики персонажей, которым не доступен тургеневский мир поэзии и красоты, то начало второго периода отмечено уже осознанным усвоением тургеневских традиций и прежде всего в изображении народного характера. Цикл рассказов о «вольных

людях» из народа – «Егеръ» (1885), «Художество» (1886), «Агафья» (1886), «День за городом» (1886), «Свирель» (1887), «Рано!» (1887) и более ранний рассказ «Он понял!» (1883) – исследователи называют «чеховскими «Записками охотника», возникшими не без тургеневского влияния» [1, с.184]. Это наиболее изученные в аспекте тургеневской традиции произведения Чехова [5, с.20].

Этапным в аспекте проблемы традиций стал выход в свет сборника «В сумерках» (1887), после чего писатели и критика почти единодушно признали Чехова «продолжателем пушкинско-тургеневского направления в русской литературе». Особый акцент рецензенты сборника сделали на тургеневских истоках мастерства Чехова-пейзажиста [5, с.200]. А Д.В. Григорович в письме Чехову из Ниццы от 4 февраля 1888 г. прямо сравнивал с тургеневское и толстовское мастерство Чехова-пейзажиста: «...чуть-чуть тронута, а между тем вот так и видишь перед глазами; такое мастерство в передаче наблюдений встречается только у Тургенева и Толстого...» [6, с.441]. И далее: «...такую фразу, как сравнение зари с подергивающимися пеплом угольями (в рассказе “Агафья”) был бы счастлив написать Тургенев, если бы был жив...» [6, с.442].

«Степь» (1888) еще более подтвердила мысль о тургеневской поэтичности и «картинности» описаний природы у Чехова. Повесть эта своим тонким лиризмом пейзажных зарисовок, несомненно, продолжала тургеневскую линию в литературе; но не просто продолжала, а и преобразовывала открытия Тургенева-пейзажиста, что не сразу уловила современная Чехову критика. Сам же автор через несколько лет скажет: «Описания природы хороши, но... чувствую, что мы уже отвыкаем от описаний такого рода и что нужно что-то другое» [6, с.174-175]. Почувствовал Чехов – это еще в 1880-е годы и не только в «Степи», но и в «Агафье», «Весной», «Святою ночью» и др. Опираясь на отдельные находки Тургенева-пейзажиста, такие, как сравнение звездочки со свечкой, бережно несомой в руках («Бежин луг»), Чехов превращает «случайный» у великого предшественника прием в новаторский принцип изображения природы: «...налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошелся по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало

глухо» [4, с.62].

А.Г. Головачева убедительно пишет о полемике Чехова-драматурга с Тургеневым-пейзажистом (Треплев выступает как продолжатель традиций последнего) и об утверждении в «Чайке» нового способа художественного описания (в изображении картин природы Тригоринным) [2, с.10].

С начала 1890-х годов Чехов признан как талантливый художник и, по выражению С.А. Андриевского, «наследный принц наших крупных писателей» [5, с.115]. Его все чаще ставят в один ряд с Гоголем, Тургеневым, Толстым. Почти в каждом произведении 1890-х годов критика находила тургеневские традиции. Она же справедливо указала на отсутствие в литературе после Тургенева общественно значимого типа и возрождение, и трансформацию его в творчестве Чехова. Это «лишний человек» Лаевский («Дуэль», 1891), революционер-народник (герой «Рассказа неизвестного человека», 1893), аналитики законов несправедливого жизнеустройства Королев («Случай из практики», 1898) и Лыжин («По делам службы», 1899) – герои, соотносимые с тургеневскими типами.

Иной тип женщины, и тоже тургеневский, представлен в рассказе «Ариадна» (1895). Это женщина-хищница, лицемерная и честолубивая, «роковая» женщина, внушившая герою непреодолимую страсть, превратившую его в безвольного раба. Сопоставив образы Ариадны и Марии Николаевны Полозовой («Вешние воды») в статье «"Тургеневское" в «Ариадне» Чехова» [5, с.105-107], Е.В. Тюхова завершает свой анализ выводом о депоэтизации Чеховым этого литературного типа и вопросом-раздумьем: «...измельчание ли тургеневских типов в жизни стремился показать писатель или сознательно полемизировал со своим знаменитым предшественником, слишком возвысившим то, что с точки зрения Чехова, не достойно поэтизации...» [5, с.113]. Предлагаемый далее ответ на этот вопрос непосредственно связан с проблемой: преемственность и /или типология.

Героини Тургенева и Чехова принадлежат к одному типологическому ряду, родословная которого явно не тургеневская. Здесь, очевидно, следует обратиться к стадильному функционированию типа «роковой» женщины в русской литературе. В 1860-1870-е годы, прежде всего, в творчестве Достоевского, но и

Тургенева этот тип представлен в различных вариантах и в своем полном развитии. Настасья Филипповна, Грушенька у Достоевского, княгиня Р., Ирина Ратмирова, Мария Николаевна Полозова у Тургенева, Надежда Николаевна у Гаршина в своеобразно индивидуальном преломлении репрезентируют основные черты типа действительно inferнальной, демонической женщины, об одном взгляде которой героиней Достоевского скажет: «Так меня тут и прожгло!».

На новой стадии литературного развития и, в частности, у Чехова, идет переоценка известного художественного образа-типа. Если прежде представительницы этого литературного ряда несли в себе глубокое содержание, что позволяет говорить о проявлении в них в той или иной степени начал «самобытности, самостоятельности», отмеченных Гончаровым в пушкинской Татьяне (пусть они и уклонились от подлинной сущности «идеального типа»), то чеховская героиня – это ординарный слепок со своей эпохи, лишенный всякой самобытности, оригинальности и подлинного «демонизма». Тем не менее она все-таки может быть включена в тот же типологический ряд и сближена именно с Полозовой. И роднит этих героинь, при всем их различии, хищническое начало и актерство, «игра». Но если у Полозовой игра – лишь тактический прием, которым не исчерпывается содержание сложной и противоречивой натуры, то лицедейство Ариадны и есть ее сущность: «Она хитрила постоянно, каждую минуту, по-видимому, без всякой надобности, а как бы по инстинкту».

Чехов развенчивает свою героиню, не находя в самой русской действительности 1880-нач. 1890-х годов тургеневских женщин. Именно это, по мнению Е. Тюховой, позволяет говорить в данном случае не о преемственной, а о типологической связи образов Ариадны и Полозовой, представляющих собой две разные стадии в литературной разработке типа «роковой» женщины. Причем, типологическая общность образов поддерживается здесь не столько контактными отношениями, сколько их связями по контрасту, сосуществующими и взаимодействующими друг с другом в живом литературном процессе. Н.И. Пруцков, теоретически обосновавший выделение разных типов связи литературных явлений в историко-сравнительном изучении художественных произведений, справедливо заметил:

«Установление типологической общности имеет опору не только в анализе отношений контактных, но и в исследовании связей произведений по контрасту». Фактически образ Ариадны, лишенный всякой загадочности, демонизма, героини, которая только тужится играть роль «инфернальницы», выходит за пределы указанного типологического ряда. Однако в силу не столько контактных связей, сколько связей по контрасту с образом тургеневской роковой женщины он удерживается в рамках этого ряда, представляя новую фазу в развитии типа [5, с.102].

Сложнее решить вопрос о характере связей писателей в области психологизма. Правы исследователи (А.Б. Есин, А.П. Чудаков), которые видят истоки чеховского психологизма в «тайной» психологии Тургенева. Преемственные связи здесь несомненны. Самый принцип «скрытого», «тайного» психологизма, отказ от аналитического разложения чувства, стремление к синтезу определяются близостью существенных моментов в их художественной концепции человека и – прежде всего – общей для них мыслью о недоступности для рационального знания глубинной сущности личности.

В то же время трудно оспорить другой вывод исследователей о Чехове как создателе новой оригинальной психологической манеры, явившейся, по мысли А.Б. Есина, удачным выходом из назревавшего в конце XIX столетия кризиса аналитического, объясняющего психологизма [3, с.125].

«Чехову приходилось, – пишет исследователь, – искать новые дороги, создавать новые приемы и принципы художественного освоения внутреннего мира человека» [3, с.126].

А.П. Чехов, безусловно, унаследовал от И.С. Тургенева многое – как в идейном, так и в формальном отношении. Тургенев повлиял на Чехова тонким психологизмом, вниманием к внутреннему миру героя, интересом к «маленькому человеку», а также стремлением передать атмосферу времени через детали и настроение. Чехов развил эти традиции, усилив элементы подтекста, неоднозначности и драматизма в повседневности. Он пошел дальше Тургенева в лаконизме, отточенности формы и отказе от прямой авторской оценки, что стало шагом к модернизму. Таким образом, Чехов не только продолжил лучшие традиции Тургенева, но и преобразовал их, открыв новые художественные горизонты русской литературы.

Литература

1. Бялый Г.А. Чехов и русский реализм [Текст] / Г.А. Бялый. Очерки. - Л.: Советский писатель, 1981. - 400 с.
2. Головачева, А.Г. А.П. Чехов и Крым: поэтика и поэзия диалога [Текст] / А.Г. Головачева. // Литература в школе. - 2008. - №2. - С. 7-11.
3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы / А.Б. Есин. - 2. изд., перераб. - Москва: Флинта: МПСИ, 2003. - 288 с.
4. Катаев В.Б. Проза Чехова: Проблемы интерпретации [Текст] / В.Б. Катаев. - М.: Изд-во МГУ, 1979. - 327 с.
5. Тюхова Е.В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи / Е.В. Тюхова // Спасский вестник. - 2009. - №10. - С. 102-119.
6. Чехов А.П. Избранные сочинения в трех томах [Текст] / А.П. Чехов. - Т. 2. Повести и рассказы (1888-1896). - М.: Художественная литература, 1960. - 610 с.

YUNUSOVA Gulchekhra Saidovna

Ph.D., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature,
Khujand State University named after academician B. Gafurov,
Republic of Tajikistan, Khujand

THE INFLUENCE OF I.S. TURGENEV ON A.P. CHEKHOV: CONTINUITY OF IDEAS AND FORMS

Abstract. The article examines the influence of I. S. Turgenev on the work of A. P. Chekhov from the point of view of the continuity of ideological, thematic and formal elements. Common motifs characteristic of the works of both writers are analyzed, such as the theme of the "superfluous person", the conflict between the individual and society, the tragedy of the ordinary.

Keywords: *Turgenev's origins, continuity, originality, predecessors, traditions.*

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ФРОЛОВ Алексей Владимирович

кандидат филологических наук, Россия, г. Брянск

СОЛАРИНГ: КОНЦЕПЦИЯ СУТОЧНОГО ЦИКЛА У ДРЕВНИХ СКАНДИНАВОВ

Аннотация. Представление средневековых скандинавов о суточном цикле называлось «соларинг», или «солнечное кольцо». Оно включало в себя восемь «оттов» – приблизительно равных отрезков времени, которые отмечали положение солнца на небосводе, включая те периоды, когда оно скрывалось за горизонтом. Определять «отты» скандинавам помогали «данмарки», или «солнечные места» в окружающем ландшафте.

Ключевые слова: древнескандинавская культура, концепция времени, солнечный цикл.

Все древние цивилизации на определённом этапе своего развития сформировали концепцию времени, утилитарным воплощением которой стало деление суточного цикла на фиксированное количество отрезков.

В некоторых культурах родились нетривиальные парадигмы, отличавшиеся от тех, что встречались несравнимо чаще. Например, в Древнем Китае сутки делили на двенадцать отрезков, а в Древней Индии – на шестьдесят [1, с. 44]. Однако большинство цивилизаций либо сами начали делить суточный цикл на две части по двенадцать отрезков (как Вавилон или Древний Египет), либо в какой-то момент восприняли эту концепцию от соседей (как сделали греки и римляне) [3, с. 89].

Поскольку древние народы отслеживали время по единственному непреложному ориентиру – солнцу, нет ничего удивительного в том, что отрезки, на которые они делили сутки, отличались по продолжительности. Ведь летом световой день длиннее, чем ночью. Поэтому у вавилонян, египтян, а потом и греков с римлянами летние дневные часы длились до 75 минут в современном эквиваленте, тогда как летние ночные – около 45 минут. Зимой дневные часы укорачивались до 55 минут, а ночные удлинялись до 70 минут [3, с. 132].

Разумеется, «плавающие» часы создавали некоторые трудности при отсчёте времени, и

не могло идти речи о точности, хоть скольконибудь приближенной к нынешним стандартам. С другой стороны, для цивилизаций, развивавшихся вблизи экваториальной зоны, различие между летними и зимними «плавающими» часами не являлось концептуальным. Поэтому хотя идею фиксированных часов выдвигал ещё Гиппарх во II веке до нашей эры, а затем в VIII веке нашей эры её активно продвигал Беда Достопочтенный, тем не менее, «плавающий» подход к отслеживанию времени исчез лишь в XIV веке, когда механические часы получили относительно широкое распространение [6, с. 160].

Так или иначе, для народов средневековой Скандинавии «плавающие часы» изначально не могли выступать практичным решением. Потому что в этом регионе продолжительность светового дня кардинально отличается в зависимости от сезона. Выше 66,5° северной широты солнце едва-едва заходит за горизонт в период летнего солнцестояния (так называемые «белые ночи»). В то же время есть зимние недели (или даже месяцы, в зависимости от конкретной локации), когда светило вообще не восходит.

Тем не менее насколько бы короток, или наоборот – продолжителен, ни был путь солнца по небосводу, в полдень оно всегда находится над одной и той же точкой, различается только

его высота над горизонтом. Понимая это, древние скандинавы сформировали собственную концепцию суточного цикла, которая называлась соларинг («sólarrhringr», с древнескандинавского – «солнечное кольцо») [2, с. 213].

Как мы делим сутки на двадцать четыре часа, так скандинавы делили их на восемь частей, называемых оттами. В переводе с древнескандинавского «отт» («átt») означает «семья». Таким образом, восемь частей солнечного цикла вместе составляют условную семью, единое целое. Кстати, эта словоформа лежит в основе современного английского «eighth», что значит «одна восьмая» [7, с. 194].

Любопытно, что в некоторых регионах вместо «átt» использовалось слово «eykt», которым обозначали упряжь для тягловых лошадей. Здесь аналогия более вариативная и вполне вероятно присутствует связь с древнескандинавским мифом про Арвака и Альсвина – лошадей, которые тянут по небу солнце.

Каждый отт/эйкт имел собственное название, а главным из них являлся тот, который обозначал полдень. Скандинавы называли его миддаг («middag»), дословно с древнескандинавского – «середина дня». Важно отметить, что хотя полуденное солнце всегда находится на одном и том же месте в течение года, визуально не так-то просто определить его точное положение на небосводе. Поэтому средневековые скандинавы использовали элементарные ориентиры из своего окружения, например – горы.

Горы хорошо видно на большом расстоянии и по ним удобно определять положение солнца на соларинге. По этой причине на территории Скандинавии и Исландии есть сотни названий гор, которые включают слово «middag», например: Middagsfjället, Middagshorn, Middagshaugen, Middagsnib, Middagsberg, Middagsfjeld. Кстати, такие ориентиры скандинавы называли данмарк («dagmark»), в переводе – «солнечное место» [2, с. 98].

Отмечая полдень, скандинавы не могли не отметить его противоположность – полночь. Тем более, что в «белые ночи» расположенное под углом 6° к горизонту солнце легко различимо. Полночь называлась миднайтти («miðnætti»), дословный перевод – «середина ночи». Таким образом, наивысшее положение солнца на юге в полдень и его самое низкое положение на севере в полночь составляли ось, делившую соларинг на две половины.

За миддагом следовал ундорн («undorn»). Это слово восходит к протогерманскому «undurniz», что можно перевести как «промежуточный». В британских диалектах английского языка «undorn» приобрело формы «oanders», «aunders» и «andrum». Все эти слова обозначают «послеобеденный приём пищи» [5, с. 270]. После христианизации скандинавы начали использовать слово «nón», заимствовав латинское выражение «hora nona», что значит «девятый час». Это заимствование не вполне понятно, ведь ундорн следовал за миддагом (полуднем).

Следующий отт, третий по счёту от полудня, назывался мид аптанн («miðr aptann», в переводе – «середина вечера»). В дни весеннего и осеннего равноденствия направление на мид аптанн точно соответствовало западу. После мид аптанна и перед миднайтти в соларинге располагался ещё один отт – ноттмол. С древнескандинавского слово «náttnál», переводится как «ночная пора».

После миднайти (полуночи) в «солнечном кольце» древних скандинавов шла временная метка под названием отта («ótta», этимология неясна, точного перевода нет). Очевидно, так называли время перед рассветом, которое считалось наиболее мистическим и опасным [4, с. 152].

Следующий отт назывался мид моргун («miðr morgun») или рисмол («rismál»). Оба слова можно перевести как «середина утра». В дни весеннего и осеннего равноденствия направление на мид моргун точно соответствовало востоку. После этой временной метки шла следующая – дагмол («dagmál»). Она располагалась ровно напротив ноттмолла и, как нетрудно догадаться, в переводе означает «утренняя пора».

Затем наступал миддаг и цикл – соларинг – начинался с начала. Названия всех перечисленных оттов встречаются в топонимах даже сегодня, хотя остальные уступают по популярности миддагу. Например, в Исландии есть Dagmálahóll, Miðaptansdrangur и Undornsfell [4, с. 212].

Чтобы представить, как средневековый скандинав воспринимал соларинг, возьмём поселение, в котором он постоянно проживает, за центр условного круга. Тогда по периметру круга будут располагаться восемь данмарков. Все они ориентированы по сторонам света: на юге – миддаг, на юго-западе – ундорн, на западе – мид аптанн, на северо-западе –

ноттмол, на севере – миднайти, на северо-востоке – отта, на востоке – мид моргун, на юго-востоке – дагмол.

Конечно, ни в один из сезонов солнце не будет проходить по небосводу через все эти точки. Но, например, летом, в солнцестояние, когда наступит полночь, оно окажется чуть ниже горизонта точно на севере, так что его свет будет хорошо различим. Подмечая такие моменты, скандинавы понимали, что даже когда светила нет на небе и его положение невозможно определить визуально, в соответствующее время оно всё равно пройдёт через соответствующую точку, пусть и находится за линией горизонта (за краем мира в их мифологическом представлении).

Любопытно отметить, что в древнескандинавском языке существовал оборот для обозначения времени между оттами. Например, сейчас мы говорим «половина третьего» или «половина двенадцатого». Скандинавы же говорили «*jafn næggi báði*», что можно перевести как «равноудалённый от обоих». Таким образом, середину между миддагом и ундромом они называли бы «*jafn næggi báði middag ok undorn*» [3, с. 124].

Очевидно, что соларинг с его восьмью оттами и даже промежуточными состояниями не позволял средневековым скандинавам отмечать время так же точно, как это делали в древнем Вавилоне, Египте или Греции, хотя и там в период «временных» часов не было высокой точности. Но это не представляло большой проблемы, ведь в быту того исторического периода современная точность не требовалась.

Тут ещё нужно учитывать тот факт, что если летом основные данмарки в окружающем ландшафте легко читались, то зимой в определённые недели солнце проходило только через ориентир на миддаг или вообще не появлялось на небосводе. При этом все «солнечные места» оставались там же, где и были, и солнце всё равно проходило через них, но – за горизонтом, вне поля зрения. Соответственно, зачастую очень сложно было определить, какой сейчас отт.

Однако и в этом скандинавы не видели большой беды. Ведь зимой не только темно, но и холодно, в связи с чем перемещения вне дома сводились к минимуму. Разумеется, нужно было и скотину накормить, и воды нанести.

Но отсутствие зрительно идентифицируемых временных отметок никак не мешало этим задачам.

Так или иначе, соларинг являлся глубоко реляционистским представлением о природе точного цикла, поскольку опирался на движение солнца вокруг земли. За отсутствием данных, сложно говорить о субстанциональности и экзистенции этой концепции. Очевидно, она была связана с мифологическим мировоззрением средневековых скандинавов, о чём говорит хотя бы тот факт, что день (Даг) и ночь (Нотт) они персонифицировали в качестве богов-воплощений соответствующего времени суток [3, с. 201]. Также было бы умозрительно игнорировать «эйкт» (аналог «отта»), который весьма вероятно отсылает к мифу о небесных лошадях. Но, как я уже отметил, у нас недостаточно сведений, чтобы делать однозначные выводы.

Исторически сложившийся, традиционный соларинг в Скандинавии и Исландии сменился двадцатью четырьмя фиксированными часами ориентировочно в XIV веке. То есть тогда же, когда и в остальной Европе (да и в мире в целом). Впоследствии от него остались лишь топонимы, в которых до сих пор «зашифрованы» названия оттов.

Литература

1. Borst A. The Ordering of Time: From the Ancient Computus to the Modern Computer. – Cambridge: Polity Press. – 1993. – 215 p.
2. Cleasby R., Vigfusson G. Craigie A. An Icelandic-English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press. – 1957. – 460 p.
3. De Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. – Leiden: Brill. – 1961. – 268 p.
4. Hastrup K. Culture and History in Medieval Iceland: An Anthropological Analysis of Structure and Change. – Oxford: Clarendon. – 1985. – 314 p.
5. Nilsson P. Primitive Time-Reckoning: A Study in the Origins and First Development of the Art of Counting Time among the Primitive and Early Culture Peoples. – Lund: Gleerup. – 1920. – 241 p.
6. O'Neill W. Time and the Calendars. – Sydney: Sydney University. – 1975. – 322 p.
7. Simpson J., Weiner E. The Oxford English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press. – 1989. – 394 p.

FROLOV Alexey

Candidate of Philological Sciences, Russia, Bryansk

SÓLARING: THE OLD NORSE CONCEPT OF THE DAILY SOLAR CYCLE

Abstract. *The medieval Norse concept of the daily solar cycle was called Sólaríng (Solar Ring). It encompassed eight áttir (roughly equal time segments) marking the sun's position across the sky, including periods when it lay beyond the horizon. The Norse determined these áttir using dagmarkar (daymarks, or solar landmarks) in the surrounding landscape.*

Keywords: *old Norse culture, concept of time, solar cycle.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АРХИПОВА Екатерина Сергеевна

магистрантка, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье особое внимание уделяется принципам государственной семейной политики, их взаимодействию и сочетанию в рамках регулирования государственно-семейных отношений. Обосновывается возможность и необходимость внесения дополнения в принцип обеспечения доступности адресной, своевременной и эффективной помощи для нуждающихся в ней семей, в особенности отнесенных к группам социального риска, а также равного доступа к социальным услугам для всех семей, в целях своевременного восстановления нарушенных семейных прав.

Ключевые слова: государственная семейная политика, принципы государственной семейной политики, семья, помощь, гарантии, концепция.

На данном этапе становления, Российская Федерация, пропагандируя политику уделяния особого внимания принципам семейного права, их взаимодействию и сочетанию в рамках регулирования семейных отношений, является мировым идеологическим центром поддержки традиционных духовно-нравственных ценностей.

На законодательном уровне установлен государственный приоритет семейной политики. Конституция Российской Федерации гарантирует защиту государством семьи, материнства, отцовства и детства, утверждая таким образом традиционные семейные ценности и семейный образ жизни как важнейшую правовую гарантию общества.

В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации – политика нашего государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Данное положение подтверждается также и статьей 38 Конституции Российской Федерации, согласно которой на территории Российской Федерации осуществляется государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, а также реализуются и иные гарантии социальной защиты [1, ст. 7, 38].

Во исполнение соответствующих конституционных положений, в Российской Федерации, помимо норм Семейного кодекса Российской Федерации, существует целенаправленная

государственная семейная политика, нормы которой закреплены, в частности, в «Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г» [2].

Государственная семейная политика, реализуемая на территории Российской Федерации, основана на позиции укрепления социальной значимости института семьи, на поддержании условий жизнедеятельности социального института семьи, в том числе, путём оказания адресной необходимой помощи конкретным семьям, пропагандируя важность сохранения ценности традиционной многопоколенной семьи.

В соответствии с рассматриваемой ранее Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации, государственную семейную политику следует рассматривать как целостную *систему принципов*, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей [2].

Обращение к категории принципов в праве знаменует собой стремление уловить самое главное, сущностное в природе исследуемого явления, его приоритеты. В механизме

правового регулирования общественных отношений принципы определяют пределы допустимого применения права, приносят необходимые праву определённости и стабильности.

Считается нецелесообразным признавать какой-либо из рассматриваемых далее принципов главенствующим по юридической силе, так как каждый принцип является собой равнозначное по правовой природе явление.

В основу государственной семейной политики Российской Федерации положены следующие принципы:

- *принцип самостоятельности семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни* – данное положение закрепляет право каждой семьи, проживающей на территории Российской Федерации, на субъектную самостоятельность в определении траектории построения решения вопросов семейного воспитания. Таким образом, члены семьи выступают как полноценный субъект правоотношений, наделённый правом автономности определения траектории построения внутрисемейных отношений. Данный принцип вытекает из положения, закреплённого в Семейном кодексе Российской Федерации, который гласит: «недопустимо произвольное вмешательство кого-либо в дела семьи» [3, ст. 1]. Меры государственной семейной политики должны не регламентировать поведение семьи, а способствовать ее саморазвитию, предоставлять возможность выбора форм поддержки;

- *принцип равенства семей и всех их членов в праве на поддержку независимо от социального положения, национальности, места жительства и религиозных убеждений* – данный принцип носит межотраслевой характер и является детализацией конституционного принципа, согласно которому «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [1, ст. 19]. Несмотря на схожесть данных принципов, по своей сути они не тождественны, так как каждый имеет своё собственное содержание;

- *принцип презумпции добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и повышение авторитета родительства в семье и обществе* – законодательное закрепление данного принципа предполагает развитие

гарантии сохранения авторитета родителей и родительского воспитания, что, естественно, возможно только при добросовестном осуществлении родителями своих прав и обязанностей;

- *принцип ответственности каждой семьи за воспитание, образование и развитие личности ребенка (детей) и за сохранение его здоровья;*

- *принцип партнерства семьи и государства, а также сотрудничества с общественными объединениями, благотворительными организациями и предпринимателями* раскрывается в процессе решения социальных вопросов, требующих особого внимания. Так, например, одной из социально острых проблем является проблема низкой рождаемости. Для её решения государство реализует ряд мер, таких как: материальное стимулирование рождаемости, предоставление бесплатных земельных участков под строительство жилья, социальные пособия на детей и иные меры поддержки;

- *принцип дифференцированного подхода к предоставлению гарантий по поддержанию уровня жизни для нетрудоспособных членов семьи и создание экономически активным членам семьи условий для обеспечения благосостояния на трудовой основе;*

- *принцип единства принципов и целей семейной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях* – означает, что принципы и цели семейной политики строятся на единых началах вне зависимости от различий в демографической ситуации и социально-экономических условиях в конкретных регионах и муниципалитетах Российской Федерации. Принцип единства не отождествляется с унификацией, на региональном и муниципальных уровнях семейная политика адаптируется к своим реальным условиям, но при этом соответствует общим принципам и целям;

- *принцип обеспечения доступности адресной, своевременной и эффективной помощи для нуждающихся в ней семей, в особенности отнесенных к группам социального риска, а также равного доступа к социальным услугам для всех семей.* Данный принцип включает в себя такие компоненты как: идентификацию и точное установление получателя социальной помощи, доступность получения социальной помощи или услуги, безотлагательная своевременность предоставления помощи семьям в момент потребности в данной помощи, направленность

оказанной помощи на непосредственное решение проблемы.

Проанализировав принципы государственной семейной политики, видется целесообразным утверждение, что государственная семейная политика Российской Федерации направлена на формирование благоприятной среды для семьи и семейного воспитания детей, реализацию основных ее социальных функций и гармонизацию взаимоотношений в ней [4, с. 471].

В целях продолжения успешной реализации государственной семейной политики развития и укрепления статуса традиционных семейных ценностей, предполагается целесообразной дальнейшая разработка и модернизация принципа обеспечения доступности адресной, своевременной и эффективной помощи для нуждающихся в ней семей, путем дополнения в данный принцип положения о беспрепятственности восстановления нарушенных семейных прав. Таким образом, нормативное закрепление получит положение о гарантии своевременного восстановления нарушенных семейных прав, что в свою очередь повлечёт предотвращение социального неблагополучия семьи. Восстановление нарушенных семейных прав всеми законными способами, включая судебную защиту, оказание правовой, психологической, социальной и иной необходимой помощи – правовая гарантия гражданина Российской Федерации, чьи семейные права были нарушены.

Полагаем возможным считать, что по своей сути данное изменение поспособствует укреплению престижа института семьи, повысит значение семейных ценностей и традиций.

Усовершенствование государственной семейной политики – это непрерывный процесс, требующий постоянного анализа и корректировки, отвечающий на поставленные вызовы современного меняющегося общества. Приоритетами развития государственной семейной политики должны стать укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной от рисков.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 7, 19, 38.
2. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.09.2014 г. – № 35. – ст. 4811.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. От 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
4. Бурова Е.В. Принципы государственной семейной политики в РФ: постановка проблемы исследования // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXII национал. науч. конф. – Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2021. – С. 469-471.

ARKHIPOVA Ekaterina Sergeevna

Graduate Student, Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

PRINCIPLES OF STATE FAMILY POLICY

Abstract. *In this article, special attention is paid to the principles of state family policy, their interaction and combination in the framework of regulating state-family relations. The article substantiates the possibility and necessity of making additions to the principle of ensuring the availability of targeted, timely and effective assistance to families in need, especially those classified as social risk groups, as well as equal access to social services for all families, in order to restore violated family rights in a timely manner.*

Keywords: *state family policy, principles of state family policy, family, assistance, guarantees, concept.*

БАРАБАШ Александр Русланович

студент юридического факультета,
Московский университет «Синергия», Россия, г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с процессами криминализации и декриминализации деяний в современном обществе. Анализируются основные подходы к определению критериев для установления уголовной ответственности, а также проблемы, возникающие при применении этих критериев на практике. Особое внимание уделяется вопросам общественной опасности деяний, их распространённости и возможности правового регулирования.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, деяние, правовая политика, общественная опасность, уголовное законодательство, принципы справедливости и гуманности.

Криминализация и декриминализация деяний являются важными инструментами правовой политики государства. Они позволяют адаптировать законодательство к изменяющимся условиям общественной жизни, обеспечивая адекватную реакцию на новые вызовы и угрозы. В данной статье мы рассмотрим актуальные проблемы, связанные с этими процессами, и предложим пути их решения [4].

Под криминализацией понимается процесс признания определённого деяния преступным и наказуемым. Декриминализация, напротив, означает исключение деяния из числа уголовно наказуемых. Оба процесса требуют тщательного анализа и обоснования, основанных на объективных критериях.

Основными критериями криминализации являются:

- общественная опасность деяния;
- его распространённость;
- возможность правового регулирования;
- соответствие принципам справедливости и гуманизма [3].

Проблемы возникают при определении степени общественной опасности деяния, особенно в случаях, когда оно не представляет непосредственной угрозы для жизни и здоровья людей. Кроме того, необходимо учитывать возможность правового регулирования, то есть наличие эффективных механизмов контроля и предотвращения таких деяний [1].

На практике процессы криминализации и декриминализации сталкиваются с рядом проблем. Одной из них является сложность определения общественной опасности деяния.

Например, некоторые деяния могут быть признаны общественно опасными на основе субъективных оценок, что может привести к необоснованной криминализации или декриминализации.

Другой проблемой является отсутствие чёткого разграничения между административными правонарушениями и уголовными преступлениями. Это приводит к путанице и неопределённости в правоприменительной практике.

Кроме того, процессы криминализации и декриминализации должны быть основаны на принципах справедливости и гуманности. Однако на практике эти принципы не всегда соблюдаются, что приводит к нарушению прав человека и другим негативным последствиям [2].

Для решения проблем, связанных с криминализацией и декриминализацией деяний, необходимо разработать более чёткие критерии и процедуры. Эти критерии должны основываться на объективных данных и анализе общественной опасности деяний. Также необходимо обеспечить участие общественности и экспертов в процессе принятия решений о криминализации и декриминализации [5].

Важным шагом является создание системы мониторинга и оценки эффективности процессов криминализации и декриминализации. Это позволит своевременно выявлять и устранять проблемы, а также корректировать законодательство в соответствии с изменяющимися условиями.

Процессы криминализации и декриминализации являются необходимыми

инструментами правовой политики, но они требуют тщательного анализа и обоснования. Для решения проблем, возникающих при применении этих процессов на практике, необходимо разработать чёткие критерии и процедуры, основанные на объективных данных. Участие общественности и экспертов, а также система мониторинга и оценки позволят обеспечить эффективность и справедливость процессов криминализации и декриминализации.

Литература

1. Довголюк, Н. В. Криминализация экономических отношений как угроза экономической безопасности России: причины (детерминанты) и формы криминализации / Н. В. Довголюк // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2021. – № 1(41). – С. 22.
2. Лопашенко, Н. А. Анализ принципов криминализации на примере криминализации преступлений в сфере экономической деятельности / Н. А. Лопашенко // Современные проблемы уголовной политики: V Международная научно-практическая конференция, Краснодар, 03 октября 2024 года / Под редакцией А.Н. Ильяшенко. Том I. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2024. – С. 143-155.
3. Баландина, Н. В. О соотношении криминализации деяний и криминализации общественных отношений / Н. В. Баландина // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2021. – № 5(81). – С. 190-194.
4. Халитов, Р. К. Общественная опасность как основание криминализации деяния (в контексте криминализации деяний, обусловленных административной преюдицией) / Р. К. Халитов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2023. – № 2(7). – С. 271-275.
5. Пивоварова, А. Теоретические предпосылки криминализации публичного распространения заведомо ложной информации: вопросы криминализации и проблемы юридической техники / А. Пивоварова // Сравнительное правоведение в условиях интернационализации науки и образования: Материалы IV Всероссийской научной конференции молодых ученых Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, Москва, 20 апреля 2022 года / Редакция: М.Ю. Воронин (председатель редколлегии) [и др.]. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2022. – С. 534-538.

BARABASH Aleksander Ruslanovich

Student of the Faculty of Law,
Moscow University Synergy, Russia, Moscow

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION OF AN ACT

Abstract. *The article deals with topical issues related to the processes of criminalization and decriminalization of acts in modern society. It analyzes the main approaches to determining the criteria for establishing criminal liability, as well as the problems that arise when applying these criteria in practice. Particular attention is paid to the issues of public danger of acts, their prevalence and the possibility of legal regulation.*

Keywords: *criminalization, decriminalization, act, legal policy, public danger, criminal legislation, principles of justice and humanity.*

БАЯНДИНА Анастасия Вячеславовна

студентка, Сибирский университет потребительской кооперации, Россия, г. Новосибирск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные основы взаимодействия следователя и органов дознания в процессе расследования уголовных дел. Проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие данный вид деятельности, раскрыты основные формы и направления сотрудничества между следователем и органами дознания. Особое внимание уделено проблемам, возникающим в практической деятельности, таким как несогласованность действий, дублирование функций и недостаточный обмен информацией. Автор предлагает пути совершенствования взаимодействия, включая развитие межведомственных инструкций, внедрение информационных технологий и повышение профессиональной подготовки сотрудников. Сделан вывод о том, что эффективное взаимодействие следователя и органов дознания является ключевым фактором успешного расследования и обеспечения принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, органы дознания, уголовное дело, предварительное расследование, координация, оперативно-розыскная деятельность.

Эффективность расследования уголовных дел во многом зависит от четкой организации взаимодействия между следователем и органами дознания. В современных условиях, когда преступность становится все более латентной и организованной, координация деятельности различных субъектов предварительного расследования приобретает особую значимость. Взаимодействие этих органов обеспечивает полноту, объективность и своевременность расследования, а также способствует реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Основы взаимодействия между следователем и органами дознания закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также в ведомственных нормативных актах.

Ключевыми нормами являются:

- ст. 38 УПК РФ, определяющая полномочия следователя;
- ст. 40 и 41 УПК РФ, регламентирующие статус органов дознания и дознавателя;
- ст. 144–146 УПК РФ, устанавливающие порядок возбуждения уголовного дела и взаимодействие при проверке сообщений о преступлениях.

Кроме того, взаимодействие осуществляется на основании совместных приказов и инструкций, например приказов МВД, СК РФ, ФСБ, а также межведомственных соглашений.

Взаимодействие между следователем и органами дознания проявляется в различных формах, среди которых можно выделить:

- Информационно-аналитическое взаимодействие – обмен сведениями, касающимися преступления, личности подозреваемых, оперативной обстановки.
- Организационно-тактическое взаимодействие – совместное планирование расследования, участие сотрудников органов дознания в проведении следственных действий.
- Оперативно-розыскное сопровождение – осуществление органами дознания оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя (ст. 38, 39 УПК РФ).
- Совместное участие в следственных действиях – например, при задержании подозреваемого, обыске, выемке, осмотре места происшествия.
- Контроль и координация деятельности – следователь вправе давать обязательные для исполнения поручения органам дознания (ч. 3 ст. 38 УПК РФ).

На практике нередко возникают проблемы, связанные с разобщенностью действий следователя и органов дознания.

К числу основных проблем относятся:

- несвоевременное исполнение поручений следователя;
- дублирование функций при проверке сообщений о преступлениях;

- недостаточный уровень информационного обмена;
- ведомственная разобщенность и отсутствие единого подхода к планированию.

Для повышения эффективности взаимодействия необходима четкая система координации на уровне руководителей следственных подразделений и органов дознания. Практика показывает, что проведение совместных оперативных совещаний, создание межведомственных следственно-оперативных групп способствует оперативному решению задач расследования.

Руководитель следственного органа играет важную роль в организации взаимодействия. Согласно ст. 39 УПК РФ, он обеспечивает согласованность действий следователей, контролирует исполнение поручений органами дознания, а также решает возникающие споры. Эффективное руководство предполагает как контроль, так и стимулирование сотрудничества между структурами.

Для совершенствования системы взаимодействия следователя и органов дознания необходимы следующие меры:

- Разработка единых межведомственных инструкций по организации взаимодействия.
- Использование современных информационных технологий и общих баз данных.
- Повышение уровня профессиональной подготовки следователей и дознавателей.
- Усиление процессуальной ответственности за неисполнение поручений следователя.
- Формирование единого подхода к организации следственно-оперативных групп.

Таким образом, эффективное взаимодействие следователя и органов дознания является неотъемлемым условием успешного расследования уголовных дел. Оно должно строиться на принципах законности, взаимного уважения полномочий и тесного сотрудничества. Совершенствование правового регулирования и организационных механизмов взаимодействия позволит повысить качество предварительного расследования и укрепить доверие общества к правоохранительной системе. Действия, объединенные общей целью – раскрытие и расследование преступления.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 07.06.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.
4. Бегова Д.Я. Формы взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений / Д.Я. Бегова, Р.С. Кчибеков // Закон и право. – 2022. – № 2. – С. 132-134.
5. Кром В.С. Взаимодействие следователя и органа дознания в уголовном процессе // Научный Лидер. 2022. № 23 (68). URL: <https://scilead.ru/article/2434-vzaimodejstvie-sledovatelya-i-organa-doznaniy>.
6. Малыхина Н.И. К вопросу о формах взаимодействия следователя и органов дознания по уголовным делам / Н.И. Малыхина, А.А. Давлетова // Молодой ученый. – 2020. – № 47. – С. 331-333.
7. Пясецкая Е.А. Формы взаимодействия следователя с органами дознания / Е.А. Пясецкая // Роль следственного аппарата МВД России в борьбе с преступностью: Материалы Всероссийского круглого стола, посвященного 60-летию образования органов предварительного следствия в системе МВД России, Сочи, 07 апреля 2023 года. – Сочи, Ростов-на-Дону: Спутник науки, 2023. – С. 109-117.
8. Телигисова С.С. К вопросу о проблемных аспектах взаимодействия следственных органов с органами дознания в ходе раскрытия и расследования преступлений / С.С. Телигисова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1(176). – С. 261-263.

BAYANDINA Anastasia Vyacheslavovna

Student, Siberian University of Consumer Cooperation, Russia, Novosibirsk

INTERACTION OF THE INVESTIGATOR AND THE BODIES OF INQUIRY IN CRIMINAL CASES

Abstract. *The article discusses the legal and organizational bases of interaction between the investigator and the bodies of inquiry in the process of investigating criminal cases. The normative legal acts regulating this type of activity are analyzed, the main forms and directions of cooperation between the investigator and the bodies of inquiry are revealed. Special attention is paid to problems that arise in practice, such as inconsistency of actions, duplication of functions and insufficient information exchange. The author suggests ways to improve cooperation, including the development of interdepartmental instructions, the introduction of information technology and the improvement of professional training of employees. It is concluded that effective cooperation between the investigator and the bodies of inquiry is a key factor in a successful investigation and ensuring the principle of the inevitability of criminal liability.*

Keywords: *interaction, investigator, bodies of inquiry, criminal case, preliminary investigation, coordination, operational search activity.*

ДАВЛЕТОВ Марат Альмирович

начальник отделения обеспечения горючим и смазочными материалами тыла,
Приволжский округ войск национальной гвардии Российской Федерации,
Россия, г. Нижний Новгород

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОСГВАРДИИ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ

Аннотация. В статье рассматриваются современные механизмы взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в контексте стратегического управления регионом. Анализируются нормативно-правовые основы, институциональные практики и организационные формы координации усилий по обеспечению безопасности, правопорядка и устойчивого развития региональных сообществ. Определены основные проблемы и противоречия в сфере межведомственного взаимодействия, предложены направления совершенствования координационных механизмов, включая цифровизацию управления, развитие совместных программ и проектов, а также усиление роли стратегического планирования. Выявлено, что эффективное взаимодействие Росгвардии и органов власти напрямую влияет на уровень региональной стабильности, снижает социальные риски и обеспечивает условия для устойчивого развития территорий.

Ключевые слова: Росгвардия, органы государственной власти, местное самоуправление, стратегическое управление, региональная безопасность, межведомственное взаимодействие, государственное регулирование, общественный порядок, цифровизация управления.

Современное стратегическое управление регионом требует комплексного подхода, включающего не только социально-экономическое планирование, но и обеспечение безопасности как ключевого фактора устойчивого развития. В условиях роста внутренних и внешних угроз – от террористической активности до гибридных рисков, связанных с кибербезопасностью и информационными войнами, – взаимодействие силовых структур с органами государственной власти и местного самоуправления приобретает первостепенное значение.

Росгвардия, как федеральный орган исполнительной власти, обладающий функциями по обеспечению общественного порядка, охране важных государственных объектов и борьбе с терроризмом и экстремизмом, играет особую роль в системе стратегического управления регионами. Однако эффективность её деятельности во многом определяется качеством взаимодействия с региональными и муниципальными органами власти.

Цель исследования – выявить и проанализировать механизмы взаимодействия Росгвардии с органами государственной власти и

местного самоуправления в рамках стратегического управления регионом.

Задачи исследования:

1. Определить правовые и организационные основы взаимодействия Росгвардии и органов власти на региональном уровне.
2. Провести обзор научных подходов к проблеме межведомственного взаимодействия.
3. Выявить основные проблемы и противоречия в практике координации.
4. Предложить направления совершенствования механизмов стратегического взаимодействия.

Вопросы межведомственного взаимодействия силовых структур и органов власти нашли отражение в научных трудах российских исследователей, работающих в области государственного управления, права и безопасности.

В работах В. Е. Чиркина, А. В. Оболонского и Г. В. Атаманчука акцент сделан на необходимости интеграции функций государства и органов власти в рамках обеспечения безопасности и правопорядка.

Исследования в области регионального стратегического управления (Е. В. Охотский, В. Н. Иванов) подчеркивают важность координации силовых структур для достижения устойчивого социально-экономического развития.

Практические аспекты деятельности Росгвардии освещаются в материалах ведомственных изданий, таких как «Вестник Росгвардии», где рассматриваются вопросы оперативного реагирования и охраны общественного порядка.

При этом в современной научной литературе наблюдается дефицит исследований, посвящённых именно системному анализу механизмов взаимодействия Росгвардии с региональными и муниципальными органами власти в рамках стратегического управления

Методологическую основу исследования составляют:

- системный подход, позволяющий рассматривать взаимодействие Росгвардии и органов власти как часть общей системы стратегического управления регионом;
- компаративный метод, использованный при сопоставлении различных моделей координации силовых структур;
- структурно-функциональный анализ, применяемый для выявления ролей и функций каждого субъекта взаимодействия;
- нормативно-правовой анализ, направленный на исследование федерального законодательства и региональных правовых актов.

Основу взаимодействия Росгвардии с органами власти составляют:

- Федеральный закон № 226-ФЗ от 3 июля 2016 г. «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»;
- Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
- Указы Президента РФ, регулирующие деятельность Росгвардии;
- региональные законы о безопасности и стратегическом планировании.

Важным элементом является участие представителей Росгвардии в координационных и антитеррористических комиссиях, советах по безопасности при губернаторах, а также в межведомственных рабочих группах.

Ключевыми формами взаимодействия являются:

1. Институциональные механизмы – участие в комиссиях и советах по безопасности.

2. Оперативные механизмы – проведение совместных учений и операций по обеспечению общественного порядка.

3. Информационные механизмы – обмен данными и использование единого цифрового пространства управления.

4. Программно-целевые механизмы – совместная реализация региональных и муниципальных программ безопасности.

Выявленные в ходе исследования проблемы и противоречия

- разрозненность нормативной базы и отсутствие унифицированных стандартов взаимодействия;
- недостаточный уровень цифровой интеграции Росгвардии и органов власти в регионах;
- проблемы кадрового взаимодействия и распределения полномочий;
- недостаточная включённость муниципалитетов в процессы стратегического планирования в сфере безопасности.

Предлагаемые направления совершенствования для решения проблем и противоречий:

1. Цифровизация управления: развитие платформы «Безопасный регион» с интеграцией данных Росгвардии, МВД и органов власти.

2. Укрепление институциональных связей: создание региональных центров стратегического взаимодействия Росгвардии и органов власти.

3. Развитие совместных программ: реализация проектов по профилактике экстремизма и правонарушений на муниципальном уровне.

4. Повышение прозрачности: регулярное публичное представление отчётов о совместной деятельности для населения.

Проведённое исследование показывает, что эффективность стратегического управления регионом во многом зависит от согласованных действий Росгвардии и органов государственной власти. Несмотря на наличие правовой базы и институциональных форм сотрудничества, существующие механизмы нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы, что взаимодействие Росгвардии и органов власти является необходимым условием обеспечения региональной безопасности. Вместе с тем, современные вызовы требуют внедрения цифровых инструментов и унифицированных стандартов взаимодействия. Муниципальный уровень должен

быть более активно вовлечён в процессы стратегического планирования.

Предлагаемые перспективы исследований:

- разработка моделей интеграции цифровых систем управления безопасностью;
- изучение международного опыта координации силовых структур и его адаптация к российским условиям.
- оценка социально-экономической эффективности совместных программ Росгвардии и органов власти.

Литература

1. Федеральный закон № 226-ФЗ от 03.07.2016 г. О войсках национальной гвардии Российской Федерации.
2. Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации.
3. Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.
4. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. – М.: Омега-Л, 2020.
5. Оболонский А. В. Государственное управление: вызовы XXI века. – М.: РАГС, 2021.
6. Чиркин В. Е. Публичное управление: теория и практика. – М.: Юридическая литература, 2019.
7. Охотский Е. В. Региональное управление в условиях глобализации. – М.: Наука, 2022.
8. Иванов В. Н. Стратегическое планирование и безопасность регионов России. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021.
9. Вестник Росгвардии. – Официальное ведомственное издание, 2018–2024.
10. Материалы заседаний Совета безопасности РФ (официальный сайт).

DAVLETOV Marat Al'mirovich

Head of the Fuel and Lubricants Logistics Department,
Privolzhsky District of the National Guard of the Russian Federation,
Russia, Nizhny Novgorod

MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN NATIONAL GUARD AND GOVERNMENT AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES AS PART OF STRATEGIC MANAGEMENT OF THE REGION

Abstract. *The article examines the current mechanisms of interaction between the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation (Rosgvardia) and the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local self-government bodies in the context of strategic management of the region. The article analyzes the legal and regulatory framework, institutional practices, and organizational forms of coordinating efforts to ensure security, law and order, and sustainable development of regional communities. The main problems and contradictions in the field of interdepartmental interaction have been identified, and directions for improving coordination mechanisms have been proposed, including the digitalization of management, the development of joint programs and projects, and the strengthening of the role of strategic planning. It has been revealed that effective cooperation between the National Guard and government agencies directly affects regional stability, reduces social risks, and ensures conditions for sustainable development.*

Keywords: *National Guard, government agencies, local self-government, strategic management, regional security, interdepartmental cooperation, state regulation, public order, digitalization of management.*

ДЕЙНЕКИНА Алина Айдаровна

студентка, Сочинский государственный университет, Россия, г. Сочи

Научный руководитель – доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса

Сочинского государственного университета,

кандидат юридических наук Кашлакова Анастасия Сергеевна

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИМУЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных проблем наследования современных видов имущества в российском правовом поле. Исследуются правовые пробелы и коллизии, связанные с переходом по наследству цифровых активов, интеллектуальных прав и доли в коммерческих организациях, а также предлагаются системные решения для модернизации наследственного права в данных областях. В исследовании обосновывается необходимость перехода от универсального преемства к созданию специализированных правовых режимов, включая расширенное завещательное распоряжение и формирование целостной экосистемы наследования для обеспечения правовой определённости.

Ключевые слова: наследственное право, цифровые активы, интеллектуальные права, наследование доли в коммерческих организациях, реформирование законодательства, преемство.

Современная действительность демонстрирует, что традиционные нормы наследственного права и перечень разнообразных видов имущества, закреплённые в главах 65–77 ГК РФ, уже не охватывают всего спектра рассматриваемого феномена [1]. Принцип универсального преемства, при котором наследственная масса умершего переходит как единое целое в неизменном виде, сталкивается с реалиями, вышедшими далеко за рамки классического понимания исследуемых отношений.

Актуальность темы обусловлена тем, что несмотря на попытку создать детальную законодательную базу, правоприменительная практика свидетельствует о наличии существенных коллизий и «пробелов» при наследовании, в частности – отдельных видов имущества, – что подтверждает качественное усложнение структуры наследственной массы под воздействием трансформации общества и развитием цифровой экономики. Именно поэтому в современном мире все большее значение приобретают не только традиционные объекты (недвижимость, транспорт и т. д.) наследования, но и цифровые активы, корпоративные права (доли в коммерческих организациях), а также результаты интеллектуальной деятельности.

Так, например, количество судебных споров, связанных с цифровым имуществом и интеллектуальными правами в России, стремительно растёт. По данным исследования Moscow Digital

School и юридической компании ЭБР, в 2023 году количество дел, связанных с цифровым имуществом, выросло в пять раз по сравнению с 2021 годом – с 510 до 2653, а в 2024 году число судебных споров о защите интеллектуальных прав достигло 28803, что на 35% больше, чем годом ранее (21396 дел) [13]. Кроме того, активные реформы претерпевает механизм наследования доли в коммерческих организациях – с 01.09.2025 года уже вступили в силу изменения в Федеральном законе от 07.07.2025 г. № 186-ФЗ, позволяющие гибко настраивать в уставе ООО преимущественное право приобретения долей наследниками [3]. Соответственно, приведенная статистика наглядно показывает, что новые виды имущества прочно вошли в правовое поле, поэтому задача формирования четких правил их наследования не просто актуальна, а безотлагательна – современное законодательство должно успевать за динамикой социальной и деловой жизни общества, обеспечивая определенность в вопросах регулирования исследуемого имущества как для владельцев, так и для их наследников.

Цифровые активы – это самая проблемная категория имущества на данный момент в наследственном праве, несмотря на огромную распространенность: только в соцсетях на 2025 г. зарегистрировано порядка 73,4% граждан РФ и по приблизительным прогнозам Федеральной нотариальной палаты, к 2070 году в

соцсетях будет больше аккаунтов умерших людей, чем живых, а к 2100 году их число достигнет 1,4 млрд [12]. Аналогичная динамика и с финансовой составляющей цифровых активов – суммарные остатки средств российских пользователей на криптобиржах уже в марте 2025 г. составили 827 млрд руб. (+ 27% к сентябрю 2024 г.) [15], вследствие чего отсутствие чёткой политики наследования и регламента доступа к данному имуществу может привести к безвозвратной утрате колоссальной денежной массы.

Ключевая проблема заключается в отсутствии легального определения «цифровых активов» и их правового статуса в наследственном праве. В ст. 1112 ГК РФ цифровые активы прямо не упомянуты, их пытаются классифицировать как «иное имущество», что вызывает в обществе и кругах специалистов споры – ведь, данные активы могут носить и неимущественную ценность [10, с. 315-316]. Попыткой урегулировать эту сферу стал Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, который ввёл понятия цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты [2]. Однако закон охватывает далеко не все виды цифровых активов, оставляя без внимания такие объекты, как аккаунты в соцсетях и мессенджерах, доменные имена, виртуальное игровое пространство, личный контент, переписки, платные подписки, NFT-токены, электронные подарочные карты, файлы на устройствах, сайты, электронные ключи и seed-фразы, что сохраняет правовые пробелы, тем более учитывая, что разнообразие этих активов растёт год от года, а некоторые подвиды могут классифицироваться даже как интеллектуальную собственность [8, с. 325].

В ответ на это в 2025 г. группа депутатов Госдумы выступила с инициативой ввести в ГК РФ конкретизацию понятия «цифрового наследства», которое позволило бы гражданам завещать доступ к своим цифровым активам назначенным лицам, так как с точки зрения правовой доктрины, исследуемые объекты всё-таки обладают свойством переходности. Очевидно, что цифровое наследство требует выделения в самостоятельную правовую категорию из-за особого режима защиты паролем и дополнительного контроля со стороны поставщика услуг (провайдера, сервиса, площадки размещения и т. д.), а также двойственной природы аккаунтов, которые могут одновременно содержать как финансово ценные активы, так и личную информацию, не предназначенную для публичного доступа [16].

В итоге, на практике перед нотариусами сейчас встают сложные вопросы: что относится к цифровым правам, как подтвердить их существование и как правильно описать их в завещании. Наследники сталкиваются с непреодолимыми барьерами: односторонняя политика IT-компаний и платформ по отношению к нематериальному цифровому имуществу («Вконтакте» проводит «меморизацию» или удаление страниц умерших пользователей, западные социальные сети полностью запрещают доступ даже для прямых наследников, иные платформы – позволяют пользователям ещё при жизни назначить наследника или запланировать удаление), отсутствие механизмов подтверждения права собственности на актив и риск нарушения тайны переписки (ст. 138 УК РФ). Кроме того, абсолютно не регламентирован доступ к логинам и паролям, биометрическим данным для аутентификации, а сами платформы часто отказывают в их передаче, ссылаясь на внутреннюю политику или соглашение о защите персональных данных.

Дополнительным препятствием является нерешённость вопросов налогообложения цифровых активов и оценки их стоимости из-за высокой волатильности – отсутствие ясных правил и инструкций по уплате налогов при их наследовании создаёт «серые зоны» для наследников и потенциальные уголовно-правовые риски. Таким образом, анонимность, децентрализованность и отсутствие единой системы учёта серьёзно осложняют для наследников как сам процесс идентификации активов, так и доказательство своих прав на них.

В качестве решений предлагается заранее планировать передачу данных через блокчейн-хранилища, зашифрованные файлы, банковские ячейки и прямое завещательное распоряжение, в котором наследодатель самостоятельно указывает всю информацию для доступа к активам (логины, пароли, приватные ключи). Для конфиденциальности рекомендуется использовать закрытое завещание. Эксперты подчеркивают, что право на контроль над своими цифровыми данными должно быть признано одной из личных свобод.

Нотариусам же при ведении наследственных дел необходимо правильно квалифицировать вид цифровых данных, гражданам – заблаговременно и с привлечением юристов организовывать их будущую передачу [14], а регулятору (государству) – разработать реестр цифровых активов граждан (с интеграцией, например, в

«Госуслугах») и своевременно информировать наследников о существовании данного имущества и порядке доступа к нему.

Не менее сложной категорией имущества является наследование интеллектуальных прав, которые регулируются разделом V ГК РФ

и играют ключевую роль в экономике и культуре, поэтому любые законодательные пробелы в данной области создают серьёзные сложности для наследников и общества в целом. Спорные моменты подробно проанализированы в таблице 1:

Таблица 1

Проблемы наследования интеллектуальной собственности

Категория проблем	Конкретная проблема	Суть проблемы и правовые последствия
Природа прав и состав наследства	Наследование только имущественных прав	По наследству переходят лишь исключительные (имущественные) права (возможность использовать объект, распоряжаться им и получать доход). Личные неимущественные права (право авторства, на имя и неприкосновенность произведения) наследникам не передаются, но они могут их защищать (ст. 1283 ГК РФ).
	Сложность идентификации активов	Наследникам сложно установить полный перечень объектов ИС, особенно неформализованных (незарегистрированных произведений). Нотариусу требуются документальные доказательства (патенты, свидетельства) для включения прав в наследственную массу [11, с. 506].
Специфика объектов	Ограниченный срок охраны прав	Имущественные права на объекты ИС действуют ограниченное время, в зависимости от вида конкретного объекта (от 3 до 70 лет). Также необходимо своевременно уплачивать пошлины для поддержания в силе патентов, товарных знаков и т. д.
	Наследование товарных знаков	С лета 2023 года право наследования товарных знаков распространено на физических лиц. Однако наследник-физлицо, не являющийся ИП, может столкнуться с ограничениями на использование знака для предпринимательской деятельности.
	Проблема «совместного авторства»	Если произведение создано в соавторстве и признано неделимым, то после смерти одного из авторов его права на произведение не переходят по наследству. Доля умершего соавтора переходит к другим соавторам, а не наследникам.
	Дискуссия о правовой природе права на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности	Существует коллизия в трактовке: считается ли это право неразрывно связанным с личностью автора (и потому ненаследуемым) или же это обычное имущественное право, переходящее к наследникам.
Процедурные сложности	Распределение долей между наследниками	При наличии нескольких наследников исключительное право переходит в их общую долевую собственность. Последующее управление таким объектом и принятие решений о его использовании требует согласия всех правообладателей, что может привести к конфликтам и правовым коллизиям [6, с. 194-195].

При этом особый «режим исключения» установлен для наследования таких специфических прав, как:

1. Право следования – право автора (и его наследников) получать процент от перепродажи оригинала произведения искусства через аукционы, галереи и т. д. (ст. 1293 ГК РФ) является неотчуждаемым (нельзя продать или подарить при жизни автора), однако, в отличие от других личных неимущественных прав (например, права авторства), оно переходит к наследникам и действует в течение всего срока действия исключительного права на произведение (то есть всю жизнь автора и 70 лет после его смерти). Основная сложность заключается в практической реализации этого права: наследникам необходимо отслеживать сделки на арт-рынке, чтобы требовать от продавцов предусмотренные законом выплаты, что может быть организационно и финансово затруднительно [1];

2. Право на обнародование – это право решить, будет ли произведение умершего автора обнародовано (опубликовано, публично показано и т. д.) и каким способом (см. 1268 ГК РФ). По общему правилу, это личное неимущественное право, и наследники не могут по своему желанию опубликовать произведение, если автор был против (если это не противоречит указанной воле в завещании, письмах, дневниках или

иных письменных документах). Однако закон делает специальное исключение для произведений, не обнародованных при жизни автора. В этом случае право на обнародование переходит к наследнику, обладающему исключительным правом на произведение [1]. Это создает для наследников дополнительную обязанность по установлению и толкованию воли покойного, что может привести к правовым спорам.

Таким образом, основная проблема наследования интеллектуальной собственности заключается в системном несоответствии между классической наследственной правовой парадигмой, ориентированной на статичное вещное имущество, и динамичной, ограниченной во времени и личностно-обусловленной природой интеллектуальных прав. Это несоответствие порождает правовую неопределенность, создает барьеры для эффективного правоприменения и приводит к недоиспользованию или преждевременному выводу из оборота культурных и инновационных активов, нанося ущерб как частным интересам наследников, так и глобально – общественному достоянию.

На основе анализа предоставленных проблем и изучения современных тенденций в наследственном праве, можно предложить несколько направлений развития института наследования интеллектуальных прав и собственности (табл. 2):

Таблица 2

Пути решения ключевых проблем в сфере наследования интеллектуальной собственности

Предлагаемое решение	Основные механизмы реализации
Создание специализированного реестра и института управления интеллектуальными правами	1. Централизованный государственный нотариальный реестр объектов ИС - презумпция принадлежности прав на внесенные в реестр объекты; 2. Усиление роли авторских обществ (профессиональный мониторинг и сбор вознаграждений) [5, с. 238].
Законодательное закрепление расширенного цифрового завещательного распоряжения	1. Детальные распоряжения автора по каждому объекту ИС.
Кодификация норм о наследовании интеллектуальных прав в отдельную главу ГК РФ	1. Унификация и конкретизация правил наследования ИС (специальные правила для разных объектов ИС); 2. Создание упрощенных процедур доказывания.

Исходя из этого, ключевым вектором модернизации наследственного права интеллектуальных активов должна стать разработка специализированных процедур, адекватных уникальной природе исследуемого вида имущества. Предложенные меры по созданию реестра ИС, детализированного (цифрового) завещания и системной кодификации норм позволят трансформировать наследование из поля

правовых рисков в инструмент эффективного сохранения и приумножения творческого и инновационного потенциала на глобальном уровне культурного наследия всей нации.

В условиях современной российской экономики также стоит остро вопрос наследования доли в коммерческих организациях, что выходит за рамки личной трагедии человека, превращаясь в сложную юридическую и

управленческую задачу, так как только незамедлительные и безошибочные действия всех участников могут сохранить рыночную стоимость компании и предотвратить эффект «паралича» в деятельности (неправомерное использование активов или остановку рабочих процессов). Российское законодательство не

рассматривает «бизнес» как единый объект права, что делает процедуру его передачи наследникам многогранной, противоречивой и требующей особого внимания.

Ниже приведены ключевые организационно-правовые формы и особенности их наследования (табл. 3):

Таблица 3

**Сравнительная характеристика наследования бизнеса
в различных организационно-правовых формах**

Организационно-правовая форма	Ключевые особенности наследования	Основные риски и правовые последствия
Общество с ограниченной ответственностью (ООО)	Наследник получает имущество, но для вступления в состав участников часто требуется согласие остальных участников общества в течение 30 дней после получения соответствующего уведомления от наследника (если Уставом общества не предусмотрено иное) [4]. Двойственность момента в том, что непонятно, когда наследник становится участником – с момента открытия наследства или получения согласия других учредителей.	Возможен отказ во вступлении в общество, после чего наследник получает лишь действительную стоимость доли (выплачивается в течение 1 года). Зависимость от Устава компании и её учредителей создаёт неопределенность и может блокировать наследника, нарушая семейный бизнес. Также доля может перейти государству как выморочное имущество, если наследники отказались от всего наследства.
Индивидуальный предприниматель (ИП)	Статус ИП прекращается в момент смерти. Наследникам переходит не бизнес как целое, а разрозненное имущество (недвижимость, оборудование, товарные знаки).	Невозможность продолжить деятельность под прежним статусом до завершения процедуры наследования и новой регистрации. Отсутствие эффективных механизмов для оперативного продолжения бизнеса. Преимущественное право получает тот наследник, который на день открытия завещания имеет статус ИП [7, с. 135].
Акционерное общество (АО)	Переход прав осуществляется через внесение записи в реестр акционеров на основании свидетельства о праве на наследство.	До завершения процедуры переоформления невозможно реализовать корпоративные права (управление, получение дивидендов) [9, с. 131].

Для минимизации представленных рисков и обеспечения плавного перехода бизнеса к правопреемникам российское право предлагает основательно проработать корпоративное планирование (заранее анализировать положения устава общества) и закрепить положение о безусловном переходе доли либо заключить корпоративный договор с другими участниками, где будет прописана их поддержка наследников. В любом случае, нотариус обязан принять меры по охране такого наследства, включая возможность доверительного управления, иначе под угрозой будет сам факт существования предприятия как экономического объекта.

Помимо завещания, эффективными механизмами являются наследственный договор (позволяющий заключить при жизни двустороннее соглашение с наследником) и создание наследственного фонда (который обеспечивает профессиональное управление активами после смерти владельца). Эти инструменты помогают сохранить устойчивость предприятия и четко определяют будущее управление им, особенно в ситуациях, когда наследников несколько.

Таким образом, системное реформирование наследственного права требует перехода от пассивного подхода, ориентированного на разрешение уже возникших коллизий, к созданию

проактивных правовых конструкций, адаптированных к специфике новых видов имущества. Конвергенция технологических решений (в виде национальных реестров цифровых активов и интеллектуальных прав) и современных инструментов волеизъявления (наследственных фондов, цифровых завещательных распоряжений) способна сформировать целостную экосистему наследования, обеспечивающую не только правовую определённость, но и непрерывность экономических и культурных процессов. Это превращает наследственное право из архаичного института, регулирующего судьбу статичного имущества, в динамичный механизм управления капиталом – материальным, цифровым и интеллектуальным – в интересах как частных правопреемников, так и общества в целом.

Следовательно, дальнейшее развитие наследственного права лежит в плоскости создания гибких, специализированных правовых режимов, которые будут стимулировать прижизненное планирование наследодателя, обеспечивая бесшовный переход и последующую капитализацию современных видов имущества как драйверов экономического и культурного развития.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС Консультант.Плюс. URL: <https://www.consultant.ru>.
3. Федеральный закон от 07.07.2025 № 186-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС Консультант.Плюс. URL: <https://www.consultant.ru>.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС Консультант.Плюс. URL: <https://www.consultant.ru>.
5. Белкин Е.Д. Проблема недостаточного регулирования вопроса о передаче по наследству интеллектуальных прав / Е.Д. Белкин // Молодой ученый. 2024. № 17 (516). С. 238-240.
6. Добрынина Д.С. Наследование авторских прав в международной доктрине / Д.С. Добрынина // Молодой учёный. 2021. № 21 (363). С. 194-195.
7. Магомедова А.Р. Некоторые проблемы защиты прав наследников при наследовании бизнеса / А.Р. Магомедова // Молодой ученый. 2019. № 45 (283). С. 135-136.
8. Орлов Г.А. Наследование цифровых активов в России: правовые вызовы и перспективы регулирования / Г.А. Орлов // Молодой ученый. 2024. № 52 (551). С. 324-326.
9. Сестров П.А. К вопросу о некоторых проблемах наследования бизнеса / П.А. Сестров // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 128-135.
10. Стародубова Л.В., Соколова А.А., Линченко П.В. Наследование цифровых активов в РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 313-318.
11. Фалина Ю.А. Проблема наследования прав на результаты интеллектуальной деятельности в Российской Федерации // Вестник науки № 6 (75) Т4. 2024. С. 505-507.
12. Завещал, чем вещал: приравняют ли аккаунт в соцсети к имуществу // Известия. 2025. URL: <https://iz.ru/1166629/> (дата обращения: 01.10.2025).
13. Исследование ЭБР // CNews. 2025. URL: <https://www.cnews.ru/news> (дата обращения: 28.09.2025).
14. Наследование цифровых активов: российский и зарубежный опыт // СПС Гарант.ру. 2021. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 01.10.2025).
15. Объем криптовалютных активов россиян составил 827 млрд рублей // Финверсия. 2025. URL: <https://www.finversia.ru/news> (дата обращения: 09.09.2025).
16. Цифровое наследство. Как аккаунты в соцсетях могут перейти родственникам умершего // Журнал «Секрет Фирмы». 2025. URL: <https://secretmag.ru/zhizn> (дата обращения: 03.10.2025).

DEYNEKINA Alina Aydarovna

Student, Sochi State University, Russia, Sochi

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure
at Sochi State University, PhD in Law Kashlakova Anastasia Sergeevna*

FEATURES OF INHERITANCE OF CERTAIN TYPES OF PROPERTY

Abstract. *The article is devoted to the analysis of current problems of inheritance of modern types of property in the Russian legal field. It explores legal gaps and conflicts related to the inheritance of digital assets, intellectual rights, and businesses, and proposes systemic solutions for modernizing inheritance law in these areas. The study substantiates the need to transition from universal succession to the creation of specialized legal regimes, including extended testamentary dispositions and the formation of a comprehensive inheritance ecosystem to ensure legal certainty.*

Keywords: *inheritance law, digital assets, intellectual rights, business inheritance, legislative reform, and succession.*

МИШИНА Елена Вячеславовна

заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Санкт-Петербург

КОРОБКОВА Александра Сергеевна

студентка,
Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ НАРОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАРОДОВЛАСТИЯ)

Аннотация. В статье предприняты попытки анализа отдельных аспектов реализации форм осуществления народовластия в Российской Федерации. При этом речь идет о ряде актуальных проблем, моментах дискуссионного характера в сфере осуществления власти народа в России, отдельных недостатках в устройстве политической системы российского государства. В результате исследования формулируются отдельные предложения в части выявленных дискуссионных аспектов текущего законодательства и практики его применения, а также подчеркивается, что потенциально возможные пути решения проблем народовластия в полной мере соответствуют основам конституционного строя РФ о народовластии, являясь их логичным развитием и конкретизацией.

Ключевые слова: конституционный строй, референдум, источник власти, народовластие, демократия, народные представители, выборы.

В качестве одной из основ конституционного строя РФ согласно положениям Основного закона страны, принятого на всенародном референдуме в 1993 г., выступает признание народа носителем суверенитета и единственным источником власти, реализуемой им непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления. При этом изменение системы управления является динамичным процессом, требующим непрерывного изучения, мониторинга за реальным ее исполнением и определения соответствия тенденциям развития современного российского общества.

Власть народа можно идентифицировать с помощью нескольких подходов. В частности, в рамках так называемого макроподхода, когда народовластие воспринимается через призму его роли в составе более обширного механизма (демократической системы) и представлено в качестве одного из элементов основ конституционного строя. Так, Носкова Г. Н. подчеркивает, что народовластие выступает

интегрирующей основой для развития экономических, социальных, духовных, культурных, идеологических, политических отношений, так как оно способствует удовлетворению потребностей и интересов в различных сферах общества [5, с. 46].

В контексте используемого микроподхода народовластие представлено в качестве сложной системы, складывающейся из множества компонентов и динамических связей, возникающих в ходе их взаимодействия. Термин «народовластие» сам по себе делает акцент именно на власти народа.

Целесообразно отметить и наличие синтетического подхода, который как указывал Зенин С. С. является «подходом, при котором объединяются микро- и макроподходы, и народовластие рассматривается в разрезе системы отношений: влияние внешних условий на формирование внутренней структуры явления. При этом в конституционно-правовом исследовании внешними условиями выступает совокупность установленных в Конституции и

реально существующих устоев, определяющих характер общественных отношений в системе «человек – общество – народ – государство» и образующих в своей совокупности систему основ конституционного строя. Народовластие в данном случае определяется в качестве сложной системы правовых норм и отношений, функционирующей в сложившихся условиях конституционно-правового развития общества и государства, целью, которой является выявление воли народа и реализация принадлежащей ему власти» [1, с. 78].

При всем многообразии существующих взглядов, очевидно, что в рамках конституционно-правовой доктрины принцип народовластия остается ключевым элементом демократического строя, независимо от применяемого подхода, характерными чертами которого являются:

1. Единство власти. Всеобщим источником управления в стране выступает народ, представляющий собой всех граждан государства. В основе единого управления находится суверенная воля народа, согласованные политические и социальные интересы, которые объединяют усилия для реализации общенациональных задач.

2. Верховенство народной власти. Граждане через принятие Основного закона страны закладывают фундамент конституционных связей. В правовом аспекте верховенство народа подчеркивается верховенством закона над прочими актами.

3. Полнота власти народа. Народ непосредственно или через представительные органы осуществляет весь объем принадлежащей ему власти.

4. Неограниченность власти народа. Воля народа распространяется на все области общественной деятельности без каких-либо исключений.

5. Неотчуждаемость власти. Народ не передает своё исключительное право на управление, а осуществляет свои полномочия в разнообразных формах. Узурпация власти, принадлежащей народу, считается преступлением. Следовательно, деятельность государственных органов, которым граждане предоставляют не безусловную власть, а лишь возможность временно осуществлять властные функции в рамках Конституции и законов, находится в полном подчинении народу.

6. Реальное осуществление гражданами политических прав и свобод путем свободного

и равноправного участия в управлении делами общества и государства.

Перечисленные характеристики являются специальными для данного понятия, но, несомненно, власть народа также реализуется через общие основы права, включая такие базовые основополагающие правовые принципы, как законность и гласность.

Анализ концепции народовластия позволяет отметить, что его наиболее всестороннее толкование заключается в понимании его в качестве базового принципа демократического устройства государства, основанного на всецелом признании права народа на верховенство. Народовластие является основной ценностью конституционного устройства РФ, определяющей демократическую природу государства и обеспечивающей реализацию прав и свобод граждан.

Прямая демократия представляет собой форму управления, предполагающую непосредственное участие населения в управлении государством, общественными делами или вопросами местного значения. Яркими историческими примерами этой модели служит демократия Древней Греции и Новгородская республика, в которых жители могли лично участвовать в принятии важнейших решений, определявших государственную и региональную политику. Суть прямой демократии заключается в полном совпадении воли граждан с решениями государственной власти и органов местного самоуправления. Этот принцип предполагает, что население напрямую вовлекается в управленческие процессы на всех уровнях: от государственного (в масштабах всей страны или её субъектов) до общественного (в рамках организаций и объединений), а также муниципального (на уровне местных сообществ).

Приверженцы прямой демократии выделяют её ключевые достоинства, включая расширение возможностей для выражения позиций и запросов граждан в сравнении с представительной демократией; повышение легитимности власти за счёт прямого участия населения; снижение ощущения политического отчуждения среди граждан; стимулирование гражданской активности и ответственности; обеспечение прозрачного контроля над действиями политических институтов и чиновников; предупреждение злоупотреблений со стороны властных структур. Вместе с тем сторонники представительной демократии указывают на уязвимые аспекты прямой

демократии, а именно: снижение эффективности решений из-за недостаточной компетентности граждан, отсутствие механизмов контроля и ответственности; возрастание риска установления авторитарных или тоталитарных режимов; низкий уровень вовлечённости населения в решение государственно-значимых и локальных (местных) вопросов.

Высшим непосредственным выражением власти народа, согласно ч. 3 ст. 3 Конституции РФ [3], являются референдум и свободные выборы. Вместе с тем, логично отметить, что общественные формы непосредственной демократии не ограничиваются исключительно указанными институтами. В частности, есть как инструменты для принятия окончательных решений, обладающих юридической силой, так и каналы выражения позиций, которые носят рекомендательный характер и не накладывают обязательств на государственные институты, должностных лиц или граждан. В связи с чем, выделяются следующие формы прямого народовластия в РФ: референдумы; свободные выборы народных представителей; консультативный референдум; общие собрания (сходы, конференции и т. п.) граждан по месту жительства/месту работы; осуществление правосудия судами с участием присяжных заседателей; контроль граждан и их объединений за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, депутатов и должностных лиц государственного аппарата; деятельность отдельных групп граждан, объединённых в партии, общественные организации, массовые народные движения и различные формы общественной деятельности (советы, комитеты и др.); митинги, уличные шествия, демонстрации, пикетирование, как выражение активной гражданской позиции и т. п.

Детальный анализ специфики осуществления власти народа в РФ на современном этапе предполагает обсуждение выявленных моментов дискуссионного характера в контексте реализации народовластия и поиск эффективных инструментов их урегулирования.

Итак, к числу проблемных моментов в анализируемой сфере, на наш взгляд, стоит отнести фактическую невозможность и нетрадиционность в применении народом, как легитимным источником власти в стране права отзыва народных избранников, например депутатов Государственной Думы Российской Федерации

(далее – ГД РФ), не оправдавших доверие избирателей. В частности, Нудненко Л. А. отмечает: «гарантии народовластия, ответственности выборных должностных лиц полностью отсутствуют на федеральном уровне. Народ может влиять на персональный состав, содержание деятельности ГД... один раз в год на выборах. Оставшиеся 4 года (сегодня – 5 лет) он безвластен» [6, с. 11]. Даже при грубых нарушениях депутатом ГД РФ своих обязанностей (игнорировании взаимодействия с избирателями, пренебрежении их обращениями, отказе от выполнения предвыборной кампании, принятии решений, продиктованных некомпетентностью/недобросовестностью..., действиях, порочащих статус народного избранника) у граждан практически отсутствует законодательная возможность инициировать его досрочный отзыв. Отсутствие практики института отзыва своих представителей в высшем законодательном органе государственной власти является одним из ключевых недостатков в современном российском конституционном устройстве, что ведёт к серьёзному искажению доктринальных основ народовластия и представления интересов народа. В качестве эффективного решения данной проблемы можно предложить внедрение механизма отзыва на едином портале государственных и муниципальных услуг, основанного на реализации инициативы по объявлению депутату общественного порицания, выражению недоверия или отзыву и предполагающего сбор определенного количества электронных подписей граждан, проголосовавших «за»/«против» применения тех или иных мер ответственности к депутату в течение установленного периода. Полученные электронные голоса станут основанием для принятия соответствующего решения, а данный алгоритм позволит исключить бюрократические и финансовые расходы, связанные с процедурой отзыва. На наш взгляд, подобная инициатива неизбежно приведёт к улучшению качественного состава депутатского корпуса и повышению эффективности работы системы представительства интересов народа. Кроме того, тщательно продуманный и безупречно реализуемый формат отзыва позволит гражданам использовать законный и легитимный метод влияния, вместо того чтобы выражать свое недовольство незаконными или нецивилизованными способами.

К числу ещё одной из проблем в обозначенном направлении стоит отнести возможное искажение реального волеизъявления граждан на выборах. Например, введение 5% электорального барьера приводит к возникновению «пропавших голосов» и снижает пропорциональность представительства в парламенте. На наш взгляд, наличие барьера, ограничивающего волю народа при выборе депутатов, может повлиять на распределение политических сил в законодательном органе государства, может скорректировать изменение направления социально-экономического развития страны в результате принятия федерального законодательства. Отсутствие электорального барьера будет исключать перераспределение мандатов между партиями, преодолевшими процентный порог, а, следовательно, возникнет необходимость нахождения компромисса между всеми фракциями ГД РФ, учитывая интересы различных слоёв населения и исключая доминирование отдельных политических партий в законодательном процессе.

Ограничение законодателем механизмов непосредственной демократии, реализуемых на муниципальном уровне, также можно рассматривать в качестве проблемы реализации власти народа. Так, Казанцев К. И. и Румянцева А. Е. указывают: «при переходе от модели избираемой к модели назначаемой главы муниципального образования в первую очередь ожидалось повышение уровня эффективности, рост качества управления муниципальным образованием в связи с большей подготовленностью назначаемых глав к решению сложных управленческих задач. Как показывают результаты исследования, в показателях, которые могут характеризовать эффективность управления экономикой муниципалитета, не наблюдается статистически значимой позитивной динамики. В рамках исследования не удалось найти подтверждений того, что назначаемые главы являются более эффективными управленцами, чем избираемые» [2, с. 26-29]. Подчеркнем, что указанные изменения не встречают сопротивления со стороны федерального органа конституционного контроля. По мнению Конституционного Суда РФ, в рамках конституционного регулирования требование к формированию на выборной основе предусмотрено лишь в отношении Президента РФ и ГД РФ. Остальные органы могут

формироваться в ином порядке, а соответствующие положения текущего законодательства могут трансформироваться. Вместе с тем, отметим, что многие жители выражают недовольство по отношению к данным изменениям, подавляющее большинство россиян считают необходимым возвращение системы прямых выборов глав муниципалитетов [4]. Полагая, что переход от прямого выбора представителей, действующих «в интересах народа», к системам, где представители не имеют официального мандата от граждан, не только ограничивает конституционные права людей на участие в выборах, но и подвергает сомнению легитимность властных структур.

Анализируя практику проведения референдумов в РФ, стоит признать, что данная форма прямого народовластия является редко используемой. Федеральным конституционным законом «О референдуме в Российской Федерации» [8] референдум установлен как факультативный, а не обязательный институт, не предусмотрена обязательность его проведения по определенному кругу вопросов. Законодательство ограничивается перечислением вопросов, исключённых из повестки референдумов, но не закрепляет конкретных сфер ответственности, остающихся под прямым контролем граждан. В результате государственные институты фактически монополизируют право принимать решения по всем аспектам общественной жизни, исключая граждан из процесса формирования государственной политики. Критикуются также и необоснованные ограничения проведения референдума. Отметим, что, согласно текущему законодательству, инициатива проведения референдума принадлежит, прежде всего, гражданам РФ, однако, из-за чрезмерной сложности установленных правил, граждане фактически не имеют возможности ее реализовать на практике. Более того, обращают на себя пристальное внимание и ограничения по вынесению на референдум отдельных вопросов, напрямую связанных с оценкой деятельности отдельных государственных представителей. Тем самым российский народ фактически лишается возможности выразить свое недоверие, а подобные ограничения, не соответствуют конституционной модели демократии и умаляют правомочия российского народа.

На основании вышеизложенного, представляется возможным сформулировать отдельные

предложения в части выявленных дискуссионных аспектов текущего законодательства и практики его применения. Итак, полагаем целесообразным предложить следующие законодательные корректировки: упростить механизм инициирования референдума гражданами (например, сократив количество необходимых для этого подписей); исключить необоснованные ограничения из законодательного перечня вопросов, которые не могут быть вынесены на референдум; ввести обязательство регулярного проведения референдумов по важным вопросам, таким как доверие к Президенту РФ, ГД РФ; установить список ключевых вопросов, которые должны быть подтверждены на референдуме, включая важные реформы в сферах пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования и пр.

Выявленные и обозначенные проблемные моменты в сфере осуществления власти народа в РФ демонстрируют отдельные недостатки в устройстве политической системе российского государства, однако потенциально возможные пути решения проблем народовластия в полной мере соответствуют основам конституционного строя РФ о народовластии, являясь их логичным развитием и конкретизацией. Внедряемые коррективы, поправки и изменения в исследуемой сфере отношений должны быть проведены в рамках системного и взвешенного подхода, учитывающего современные социально-экономические и политические реалии, демонстрируя целостность и последовательность в принятии решений, направленных на оптимизацию ключевых принципов управления государством. В завершение настоящего исследования, приведем высказывание Президента РФ Путина В. В. на форуме «Сильные идеи для нового времени», состоявшемся в 2022 г., на котором было отмечено «убежден, чтобы быть сильными, независимыми, конкурентоспособными, нам нужно совершенствовать, делать более справедливыми и открытыми механизмы участия граждан в жизни страны, в том числе и механизмы

народовластия, прямой демократии, участия людей в решении важнейших для общества и для граждан проблем» [7].

Литература

1. Зенин С.С. Народовластие в конституционной системе демократического государства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 78-82.
2. Казанцев К.И., Румянцева А.Е. От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России // Центр перспективных управленческих решений. М.: ЦПУР, 2020. С. 26-29.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями на 06.10.2022) (в действ. ред.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 25.09.2025).
4. Мнение екатеринбуржцев об актуальных темах городской новостной повестки // Официальный сайт Фонд «Социум». [Электронный ресурс]. URL: <https://fsocium.com/> (дата обращения: 27.09.2025).
5. Носкова Г.Н. Конституционно-правовые гарантии народовластия в современной России: дис. канд. юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 2007. 249 с.
6. Нудненко Л.А. Конституционное право гражданина Российской Федерации на референдум и международные стандарты // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 1. С. 10-13.
7. Президент России: официальные сетевые ресурсы Президента России. // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 02.09.2025).
8. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (в действ. ред.) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/ (дата обращения: 27.09.2025).

MISHINA Elena Vyacheslavovna

Head of the Department of State and Legal Disciplines, Candidate of Law, Associate Professor,
St. Petersburg V. B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy, Russia, St. Petersburg

KOROBKOVA Alexandra Sergeevna

Student,
V. B. Bobkov Saint Petersburg Branch of the Russian Customs Academy,
Russia, St. Petersburg

ON THE FORMS OF THE PEOPLE'S POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION (PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF POPULAR POWER)

Abstract. *The article attempts to analyze certain aspects of the implementation of forms of popular rule in the Russian Federation. In particular, it addresses a number of relevant issues and controversial aspects related to the exercise of popular power in the Russian Federation, as well as certain shortcomings in the political system of the Russian state. The study concludes with specific suggestions for addressing the identified controversial aspects of current legislation and its implementation, emphasizing that potential solutions to the problems of popular rule are fully in line with the fundamental principles of the Russian Constitution and serve as a logical development and refinement of these principles.*

Keywords: *constitutional system, referendum, source of power, people's rule, democracy, people's representatives, elections.*

МУРАДХАНОВА Ольга Леонидовна

студентка кафедры гражданского права,
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

*Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук Ситкова Ольга Юрьевна*

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности нормативно-правового регулирования представительства в семейных правоотношениях. Произведен анализ основных законов, особое внимание уделено вопросам регулирования правоотношений с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: семейно-правовые отношения, представительство, правовое регулирование, нормативная база, правовой анализ.

Рассмотрение вопросов нормативного регулирования какого-либо института в праве является одним из ключевых элементов, необходимых для его понимания. Актуальность изучения особенностей нормативно-правового регулирования представительства в семейных правоотношениях обосновывается особой ролью института семьи, который в рамках современного общества выдвигается на первый план, а также спецификой субъектного состава семейных правоотношений. Регулирование представительства напрямую связано с правами и интересами детей, и поэтому его изучение позволит более эффективно осуществлять их охрану и защиту.

Правовое регулирование представительства в семейных правоотношениях включает в себя значительное количество нормативно-правовых актов, содержащих нормы, охватывающие различные сферы данного института. Если в гражданско-правовом представительстве основным нормативно-правовым актом является Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК), то в семейно-правовом представительстве данный акт регулирует в основном только отношения, связанные с представительством по доверенности. Законное представительство, как основной вид представительства в семейных отношениях, а также пределы представительства в целом, регулируется несколькими федеральными законами:

Основным кодифицированным актом, регулирующим вопросы законного представительства, является Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК). Если ГК регулирует отношения, связанные с представительством по доверенности, то СК закрепляет основные положения, регулирующие законное представительство, которые подробнее раскрываются в других федеральных законах. Основное положение по исследуемому вопросу закреплено в статье 64 СК, которая гласит: «Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. Родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей». Также нужно упомянуть нормы в ст. 121 СК, согласно которым «защита прав и интересов детей в случаях отсутствия родительского попечения возлагается на органы опеки и попечительства».

Еще один профильный закон – это Федеральный закон «Об опеке и попечительстве». Этот закон непосредственно раскрывает вышеуказанные нормы СК. Опекуны и попечители являются, наряду с родителями, законными

представителями несовершеннолетних. Данный закон устанавливает задачи государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству, одной из которых является защита прав и законных интересов подопечных. Нормы данного нормативно-правового акта регулируют полномочия и обязанности органов опеки и попечительства, правовой статус опекунов и попечителей, ответственность данных субъектов, основания установления и прекращения опеки и попечительства и другое.

Нормы, касающиеся представительства сохраняются в Федеральном законе «Об актах гражданского состояния». Данный нормативно-правовой акт закрепляет положения, регулирующие процедуру регистрации расторжения брака и выдачи повторных документов о регистрации актов гражданского состояния при участии представителя. Например, согласно ст. 35 данного Федерального закона, заявление о государственной регистрации расторжения брака вправе сделать уполномоченное лицо в случае представления нотариально удостоверенной доверенности от бывших супругов либо каждого из супругов. Статья 9 Федерального закона закрепляет возможность получения представителями (родителями, опекунами) повторных свидетельств о государственной регистрации акта гражданского состояния.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» так же, как и Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» закрепляет одной из задач органов, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. К органам, на которые возложена данная задача, в соответствии с нормами указанного Закона, относятся:

1. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В рамках представительства интересов несовершеннолетних данные органы имеют право подготавливать материалы, самостоятельно либо совместно с иными органами или учреждениями, и представлять их в суд. Указанные материалы составляются по вопросам, касающимся содержания несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа, а также по иным вопросам, которые предусмотрены

нормами законов Российской Федерации. Также эти органы в рамках своих полномочий обеспечивают осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации

2. Органы управления социальной защиты населения. Они не являются прямыми представителями несовершеннолетних, однако на них возложена обязанность по контролю за деятельностью специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, иных учреждений и служб, предоставляющих социальные услуги несовершеннолетним и их семьям. В перечень данных организаций включаются территориальные центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи населению, центры экстренной психологической помощи и иные учреждения социального обслуживания.

3. Федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования;

4. Органы управления здравоохранением. В рамках своей компетенции осуществляют:

- круглосуточный прием и содержание в медицинских организациях заблудившихся, подкинутых и других детей в возрасте до четырех лет, оставшихся без попечения родителей или иных законных представителей;
- медицинское обследование несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей или иных законных представителей, и подготовку рекомендаций по их устройству с учетом состояния здоровья;
- выхаживание и содержание детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, с рождения и до достижения ими возраста четырех лет включительно, а также содействие органам опеки и попечительства в устройстве таких несовершеннолетних.

5. Учреждения уголовно-исполнительной системы, к которым относятся следственные изоляторы, воспитательные колонии,

уголовно-исполнительные инспекции, в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних, содержащихся в данных учреждениях, оказывают им медицинскую помощь в соответствии с законодательством Российской Федерации, организуют получение несовершеннолетними начального общего, основного общего, среднего общего, а также среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, оказывают им помощь в социальной адаптации.

Так как представительство в семейных правоотношениях включает в себя не только защиту прав и интересов несовершеннолетних, но и защиту прав и интересов взрослых людей, будь то супруги, родители и совершеннолетние дети, другие родственники, стоит упомянуть и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Адвокат может быть представителем в делах, связанных с расторжением брака, установлением отцовства, разделом имущества между бывшими супругами, назначением и выплатами алиментов, определением места жительства ребенка и так далее. Нормы этого нормативного акта закрепляют права и обязанности адвоката, организацию его деятельности и ответственность.

Наряду с федеральным законодательством, дополняя, уточняя и раскрывая содержащиеся в них положения, отношения семейно-правового представительства регулируют и иные акты. К таковым можно отнести: Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов», а также

судебную практику, в частности, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей».

Таким образом, правовое регулирование представительства в семейных правоотношениях осуществляется на нескольких уровнях. Эта многоуровневая система включает не только законные и подзаконные акты, но и ведомственные документы. Последние разъясняют порядок реализации представительских полномочий сотрудниками данных ведомств, что подчеркивает отраслевую специфику института.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16; – 25.11.2024. – № 48. – Ст. 7212.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 10.06.2002, – № 23. – Ст. 2102; – 29.04.2024. – № 18. – Ст. 2396.
3. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 24.11.1997, – № 47. – Ст. 5340; – 12.08.2024. – № 33. – Ст. 4956.
4. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 28.04.2008, – № 17. – Ст. 1755; // Российская газета. – 03.10.2025. – № 224-225.
5. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 28.06.1999, – № 26. – Ст. 317; – 07.04.2025. – № 14. – Ст. 1588.

MURADKHANOVA Olga Leonidovna

Student of the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Saratov State Law Academy, Candidate of Law Sitkova Olga Yurievna*

FEATURES OF THE REGULATORY LEGAL FRAMEWORK FOR REPRESENTATION IN FAMILY RELATIONS

Abstract. *The article discusses the features of legal regulation of representation in family relations. The analysis of the main laws is made, special attention is paid to the issues of regulation of legal relations involving minors.*

Keywords: *family law relations, representation, legal regulation, regulatory framework, legal analysis.*

ШАВЛАК Анастасия Алексеевна

независимый исследователь, Россия, г. Магадан

ЖЕНЩИНА-АДВОКАТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ГЕНДЕРНЫЕ БАРЬЕРЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена роли женщин-адвокатов в уголовном процессе. Рассматриваются барьеры, с которыми сталкиваются женщины в профессии, исторические и современные стереотипы, а также новые возможности, связанные с трансформацией правовой среды. Подчёркивается, что гендерное разнообразие усиливает адвокатуру, а участие женщин в защите по уголовным делам способствует повышению доверия к правосудию и расширению профессиональной практики.

Ключевые слова: женщина-адвокат, уголовный процесс, гендерные барьеры, равенство, адвокатура, судебная практика, профессиональные права.

Введение

Адвокатская профессия традиционно воспринималась как мужская. Особенно это касается уголовного процесса, где работа адвоката связана с высоким стрессом, необходимостью противостоять государственным органам и часто неблагоприятным для защиты условиям. Однако за последние десятилетия ситуация изменилась: женщины всё активнее приходят в адвокатуру и занимают заметное место в уголовно-правовой защите.

По данным Федеральной палаты адвокатов РФ, в 2024 году женщины составляют более 40% адвокатского корпуса в России. В некоторых регионах этот показатель ещё выше. Международная статистика показывает аналогичный тренд: в США и Европе женщины уже превышают 50% среди студентов юридических факультетов, и постепенно баланс смещается и в практику.

Gender Distribution of Lawyers in Russia (2025)

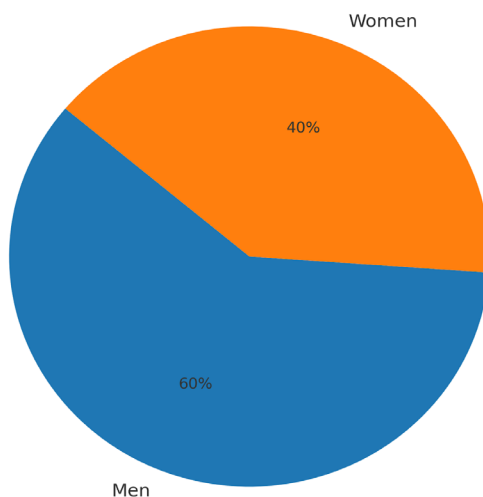

Рис. 1

Несмотря на прогресс, гендерные барьеры сохраняются. В уголовном процессе женщины по-прежнему сталкиваются с предвзятостью – как со стороны коллег, так и со стороны клиентов и общества. Но именно эти вызовы открывают новые перспективы: женщины-адвокаты

становятся важным элементом развития профессии и правовой культуры.

Блок 1. Гендерные барьеры в адвокатуре:

1. Стереотипы. До сих пор существует предвзятое мнение, что уголовная защита требует «жёсткости», и что мужчины лучше справляются с конфликтными процессами. Это

отражается на доверии клиентов, которые иногда выбирают адвоката по гендерному признаку, а не по компетенции.

2. Неравные карьерные возможности. Женщинам сложнее занимать руководящие

должности в адвокатских образованиях. Анализ международных ассоциаций юристов показывает, что только около 25–30% женщин-адвокатов становятся управляющими партнёрами.

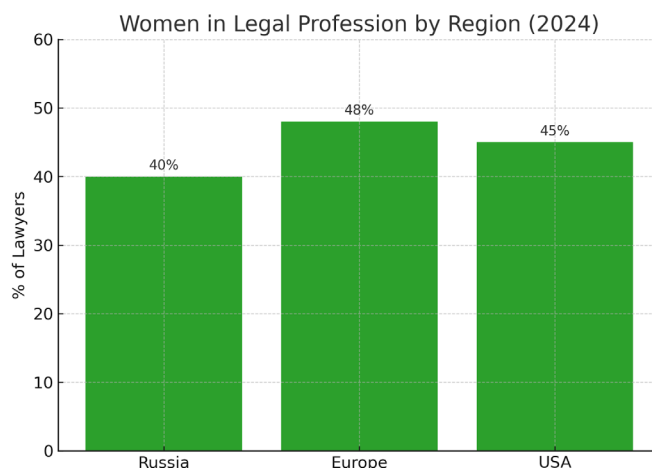

Рис. 2

3. Баланс между работой и личной жизнью. Уголовные дела требуют полной вовлечённости: ночные дежурства, поездки, работа с заключёнными. Для женщин совмещение профессиональной нагрузки с семейными обязанностями становится дополнительным барьером.

4. Психологическое давление. Женщины чаще сталкиваются с недоверием со стороны правоохранительных органов и иногда даже с дискриминацией в зале суда. Это требует от них не только профессиональной компетенции, но и высокой стрессоустойчивости.

Блок 2. Новые возможности и сильные стороны:

1. Рост доверия со стороны клиентов. Исследования показывают, что женщины-адвокаты чаще воспринимаются как более внимательные и эмпатичные. В делах, где важна психологическая поддержка, это становится конкурентным преимуществом.

2. Академическая и публичная активность. Женщины активнее вовлекаются в научные публикации, экспертные дискуссии и образовательные проекты. Это укрепляет их позиции и расширяет влияние в профессии.

3. Международные тренды. В мире наблюдается движение к гендерному равенству в праве: международные ассоциации

юристов активно поддерживают женщин-адвокатов, создаются программы наставничества. Россия постепенно интегрируется в эти процессы.

4. Этическая и ценностная роль. Присутствие женщин в уголовном процессе меняет его культуру. Женщина-адвокат часто воспринимается как голос гуманизма, акцентирующий внимание на защите личности и смягчении карательного уклона.

Блок 3. Перспективы развития:

1. Увеличение числа женщин в профессии. С учётом того, что большинство выпускников юридических вузов – женщины, в ближайшие 10 лет можно ожидать их доминирования и в адвокатуре.

2. Усиление институциональной поддержки. Федеральная палата адвокатов и региональные коллегии всё чаще формируют секции для женщин-юристов. Это создаёт платформы для обмена опытом и защиты от дискриминации.

3. Влияние на правовую систему. Женщины-адвокаты всё чаще становятся инициаторами реформ и участвуют в дискуссиях о гуманизации уголовного процесса. Их роль будет возрастать по мере трансформации российской и мировой правовой системы.

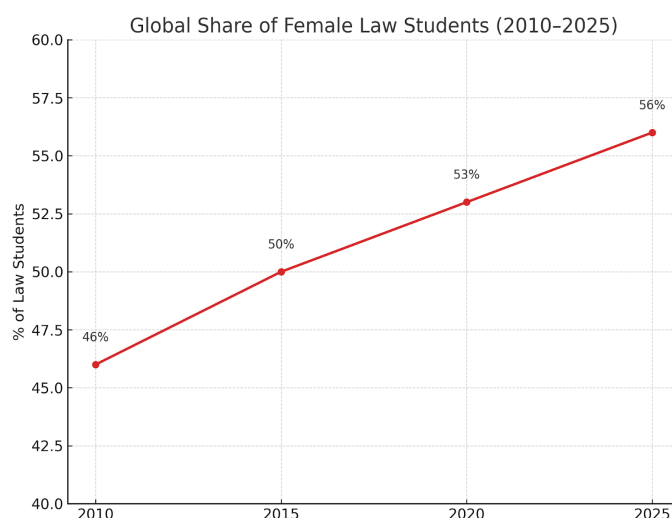

Рис. 3

Заключение

Женщины в адвокатуре, особенно в уголовном процессе, сталкиваются с серьёзными барьерами, но при этом открывают новые возможности для развития профессии. Их участие делает систему более разнообразной, человеческой и ориентированной на ценности прав человека.

Будущее профессии связано с дальнейшей интеграцией женщин в руководство адвокатскими образованиями, расширением их научной и публичной активности и усилением международного сотрудничества. Для России этот процесс означает не только рост числа

женщин-адвокатов, но и постепенное изменение культуры правосудия.

Литература

1. Федеральная палата адвокатов РФ. Статистика адвокатского корпуса: гендерное распределение.
2. American Bar Association. Profile of the Legal Profession 2024.
3. Council of Bars and Law Societies of Europe (CCBE). Women in the Legal Profession Report.
4. International Bar Association. Gender Equality in Law and Justice.

SHAVLAK Anastasia Alekseevna

Independent Researcher, Russia, Magadan

FEMALE LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS: GENDER BARRIERS AND NEW OPPORTUNITIES

Abstract. The article is devoted to the role of women lawyers in the criminal process. The article examines the barriers faced by women in the profession, historical and modern stereotypes, as well as new opportunities associated with the transformation of the legal environment. It is emphasized that gender diversity strengthens the legal profession, and the participation of women in criminal defense helps to increase confidence in justice and expand professional practice.

Keywords: female lawyer, criminal procedure, gender barriers, equality, advocacy, judicial practice, professional rights.

ШВЕЦОВ Евгений Сергеевич

студент, Восточно-Сибирский институт экономики и права, Россия, г. Иркутск

ФОРМЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ПО СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ института форм устройства детей, оставшихся без родительского попечения, в контексте современного семейного законодательства Российской Федерации. Рассматриваются сущностные характеристики и правовая природа таких форм, как усыновление (удочерение), опека и попечительство, приемная семья, патронатное воспитание, а также их место в системе гарантий прав несовершеннолетних. Определяется специфика и юридические основания для применения каждой из указанных моделей устройства. Детальное исследование правового регулирования позволяет выявить системные проблемы и сформулировать предложения по совершенствованию действующих нормативно-правовых актов в исследуемой сфере.

Ключевые слова: семейное устройство, усыновление (удочерение), опека и попечительство, приемная семья, патронатное воспитание, защита прав несовершеннолетних, Семейный кодекс РФ.

Целью настоящего научного исследования является системный анализ правовых основ и практики применения различных форм воспитания несовершеннолетних, утративших родительское попечение, по законодательству Российской Федерации, а также разработка на этой основе научно-обоснованных рекомендаций по оптимизации соответствующего правового механизма.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- Раскрыть понятие и правовой статус ребенка, оставшегося без попечения родителей, как особого субъекта семейных правоотношений.
- Классифицировать и охарактеризовать установленные семейным законодательством РФ формы устройства таких несовершеннолетних.
- Провести сравнительно-правовой анализ институтов усыновления, опеки (попечительства), приемной семьи и патроната, выявив их отличительные черты, преимущества и проблемные аспекты правоприменения.
- Исследовать процедурные вопросы установления и прекращения каждой из форм устройства, включая роль органов опеки и попечительства и судебных инстанций.

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Данная конституционная норма получает свою конкретизацию в отраслевом законодательстве, прежде всего, в Семейном кодексе РФ,

который закрепляет систему мер, направленных на обеспечение прав и интересов несовершеннолетних, в силу различных обстоятельств, лишившихся родительской заботы. Обеспечение каждому ребенку права жить и воспитываться в семье (п. 2 ст. 54 СК РФ) является фундаментальным принципом российской семейно-правовой политики. В случаях, когда кровная семья не может выполнять свои функции, государство берет на себя обязанность по семейному устройству таких детей, создавая альтернативные механизмы их воспитания [3, с. 644-647].

Правовой институт форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, представляет собой сложную, многогранную конструкцию, объединяющую нормы материального и процессуального права. Его эффективное функционирование – ключевой индикатор зрелости государственной социальной политики. Несмотря на значительные усилия законодателя по реформированию данной сферы, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с рядом вызовов, среди которых – необходимость дифференцированного подхода к выбору оптимальной формы устройства, обеспечение приоритета семейных форм над институциональными, а также профилактика вторичного сиротства.

Первостепенным вопросом для понимания всей последующей логики правового регулирования является определение статуса ребенка, оставшегося без попечения родителей. Легальное определение содержится в ст. 1

Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». К данной категории относятся несовершеннолетние, у которых умерли или лишены родительских прав, ограничены в родительских правах, признаны безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), осуждены, отбывают наказание, уклоняются от воспитания, отказались забирать из учреждений, а также в иных ситуациях отсутствия родительского попечения [4, с. 77-80].

Основанием для возникновения соответствующего правового статуса служит акт органа опеки и попечительства, констатирующий факт утраты попечения. С момента выявления такого ребенка (сообщения о нем) орган опеки и попечительства обязан в течение одного месяца обеспечить его устройство (ст. 122 СК РФ). До момента устройства временные функции по защите прав и интересов несовершеннолетнего возлагаются на указанный орган [4, с. 77-80].

Семейное законодательство Российской Федерации устанавливает исчерпывающий перечень форм устройства детей, лишившихся родительского попечения. Системный анализ положений СК РФ позволяет выделить две основные группы: 1) семейные формы и 2) институциональные формы (несемейные). Приоритетной, в полном соответствии с международными стандартами (Конвенция о правах ребенка 1989 г.), является именно семейная форма устройства.

Усыновление (удочерение) справедливо признается в юридической доктрине приоритетной и особой, уникальной формой устройства. Его специфика заключается в установлении между усыновителем и усыновленным правовой связи, максимально приближенной по своей природе к отношениям кровного родства (ст. 137 СК РФ). В результате усыновления происходит полная интеграция ребенка в семью усыновителя, возникают взаимные личные неимущественные и имущественные права и обязанности, аналогичные родительским, при этом правовая связь с биологическими родителями, как правило, прекращается [5, с. 77-80].

Усыновление носит бессрочный характер и отличается строго индивидуально-правовой природой, что обуславливает особую сложность и многоступенчатость процедуры его

установления. В соответствии со ст. 125 СК РФ, усыновление производится в судебном порядке (районным судом) в особом производстве по правилам, установленным ГПК РФ. Это единственная форма устройства, устанавливаемая актом правосудия, что подчеркивает ее исключительность и стабильность [6]. К кандидатам в усыновители предъявляются наиболее строгие требования, касающиеся их личности, состояния здоровья, жилищных условий, доходов (ст. 127 СК РФ).

Опека и попечительство над несовершеннолетними – это форма устройства, устанавливаемая для воспитания, содержания, образования, а также для защиты их прав и интересов (ст. 145 СК РФ). Опека устанавливается над детьми, не достигшими четырнадцати лет, а попечительство – над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет.

В отличие от усыновления, опека (попечительство) носит срочный характер (прекращается по достижении ребенком определенного возраста) и не порождает отношений, равных родительским. Правовая связь ребенка с кровными родителями при этом не прерывается. Опекуны (попечители) несут свои обязанности безвозмездно, однако на содержание ребенка им выплачивается ежемесячное пособие. Опекун осуществляет юридически значимые действия от имени подопечного и в его интересах, тогда как попечитель лишь дает согласие на совершение сделок, которые несовершеннолетний не вправе совершать самостоятельно [8, с. 141-144].

Установление опеки (попечительства) осуществляется административным актом органа опеки и попечительства по месту жительства ребенка, что делает данную процедуру более оперативной по сравнению с усыновлением. Это обуславливает ее широкое распространение, в том числе как временной меры до решения вопроса об усыновлении или передаче в приемную семью.

Приемная семья представляет собой гибридную форму устройства, сочетающую черты опеки (попечительства) и договорных отношений. На основании ст. 152 СК РФ, приемная семья образуется на основе договора о приемной семье, который заключается между органом опеки и попечительства и приемными родителями (супругами или отдельными гражданами). По своей правовой природе данный

договор относится к разновидности договора возмездного оказания услуг [7].

К отношениям, возникающим из договора о приемной семье, применяются положения закона об опеке и попечительстве, если иное не установлено СК РФ. Таким образом, приемные родители наделяются правами и обязанностями опекуна (попечителя), но выполняют свои функции за вознаграждение, устанавливаемое законодательством субъекта РФ. Отличительной чертой приемной семьи является ограничение по количеству принимаемых детей (включая родных и усыновленных), которое, как правило, не превышает восьми человек [4, с. 36-41].

Патронатное воспитание, не будучи урегулированным на федеральном уровне в СК РФ, существует в правовом поле России в качестве формы устройства, введенной законодательством ряда субъектов Российской Федерации (например, Москвы, Московской области). Патронат представляет собой временную передачу ребенка на воспитание в семью патронатного воспитателя, который является законным представителем ребенка, но действует на основании трудового договора с уполномоченной организацией (например, службой патронатного воспитания) [9, с. 120-121].

Эта модель часто рассматривается как «профессиональная замещающая семья» и используется как переходная, реабилитационная форма, а также для детей, в отношении которых еще не определен перспективный план устройства (на усыновление, под опеку). Разграничение полномочий по защите прав ребенка между патронатным воспитателем, органом опеки и учреждением, передавшим ребенка, составляет специфику данного института.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что каждая из рассмотренных форм устройства обладает собственной правовой природой, целевым назначением и процедурой установления. Усыновление направлено на создание постоянных, стабильных семейных отношений, аналогичных кровным. Опека (попечительство) и приемная семья, являясь, по сути, формами возмездной и безвозмездной опеки, решают задачу замены родительского попечения с разной степенью участия государства. Патронат выполняет функцию профессиональной временной поддержки.

Среди системных проблем правоприменительной практики можно выделить:

1. Региональную диспаритетность: условия и размер выплат приемным родителям, патронатным воспитателям существенно различаются в зависимости от субъекта РФ, что создает неравенство в уровне поддержки замещающих семей.

2. Пробелы в регулировании патроната: отсутствие единого федерального стандарта приводит к правовой неопределенности и ограничивает распространение этой формы.

3. Сложность и длительность процедуры усыновления, которая, с одной стороны, служит гарантией защиты интересов ребенка, а с другой – может являться препятствием для потенциальных усыновителей.

4. Проблему сопровождения замещающих семей: недостаточность мер постинтернатного сопровождения и профессиональной поддержки приемных семей и опекунов ведет к рискам вторичного возврата детей в учреждение.

Институт форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему, основанную на конституционных принципах приоритета семейного воспитания и защиты детства. Российское семейное законодательство предлагает диверсифицированный подход, предусматривая как бессрочную и безвозмездную форму (усыновление), так и временные, возмездные модели (опека, приемная семья, патронат).

Несмотря на достаточно развитую нормативную базу, дальнейшее совершенствование законодательства видится в направлении унификации регулирования на федеральном уровне (в части патроната), расширения мер социальной и психолого-педагогической поддержки всех типов замещающих семей, а также упрощения административных процедур без ущерба для гарантий защиты прав несовершеннолетних. Достижение баланса между оперативностью устройства ребенка в семью и тщательностью проверки его будущего окружения остается ключевой задачей для правоприменителя. Последовательная реализация закрепленных в СК РФ приоритетов будет способствовать максимально полному обеспечению права каждого ребенка жить и воспитываться в семье.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // www.pravo.gov.ru.
2. Постановление Правительства РФ «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» от 18.05.2009. № 423 // Собрание законодательства РФ, 25.05.2009, № 21, ст. 2572.
3. Алексеева Э.Р. Анализ семейных форм социального родительства в современной России // Вестник Башкирского университета. 2008. № 3. Т. 13. С. 644-647.
4. Жаглина М.Е., Костина С.Е. Опека и попечительство как форма воспитания детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3(110). С. 36-41.
5. Куропацкая Е.Г. Опека и попечительство над несовершеннолетними, утратившими родительское попечение, как способ защиты их прав // Современное право. 2011. № 1. С. 77-80.
6. Наумкина В.В. Проблемы конституционного права Российской Федерации: учебное пособие. – Абакан, 2012. – 88 с.
7. Правовая ментальность эффективного государства. Монография / Колмаков В.Ю., Иванов В.И., Александров В.Г. и др. – Красноярск, 2010. – Сер. Библиотека актуальной философии. Выпуск 10. – 200 с.
8. Пушкарева Е.Е. Формы жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 141-144.
9. Трашкова С.М., Айснер Л.Ю. Некоторые аспекты политики государства по охране и защите несовершеннолетних как одна из гарантий реализации их статуса с учетом особенностей их личности / Гарантии прав в Российской Федерации и международном праве. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 120-121.
10. Федотова К.П. Приемная семья: проблемы и теоретические подходы к их решению // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2016. № 7. С. 40-49.
11. Яковлев В.Н. Гоголева В.В. Опека: понятие и правовая природа // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и права. 2005. № 1. С. 115-121.

SHVETSOV Evgeny Sergeevich

Student, East Siberian Institute of Economics and Law, Russia, Irkutsk

FORMS OF UPBRINGING OF CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE ACCORDING TO THE FAMILY LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the institution of forms of placement of children left without parental care in the context of modern family legislation of the Russian Federation. The article examines the essential characteristics and legal nature of such forms as adoption, guardianship, foster care, foster care, and foster care, as well as their place in the system of guarantees for the rights of minors. The specifics and legal grounds for the use of each of the specified device models are determined. A detailed study of legal regulation makes it possible to identify systemic problems and formulate proposals for improving existing regulatory legal acts in the field under study.*

Keywords: *family arrangement, adoption, custody and guardianship, foster family, foster care, protection of the rights of minors, Family Code of the Russian Federation.*

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА, PR

ГУЛЯН Ваган Липаритович

директор по цифровому развитию, ООО «Три Богатыря», Россия, г. Санкт-Петербург

АЛГОРИТМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ SMS-КАМПАНИЙ: СТРАТЕГИИ ВАРИАЦИИ СООБЩЕНИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТАВЛЯЕМОСТИ ПРИ СОБЛЮДЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ОПЕРАТОРОВ И РЕГУЛЯТОРОВ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к применению алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) для повышения доставляемости и эффективности SMS-кампаний при строгом соблюдении требований операторов и регуляторов. Проведён анализ архитектур ИИ-систем, методов обработки естественного языка (NLP) и машинного обучения (ML), используемых для анализа контента, семантической вариативности и персонализации сообщений. Показано, что интеграция ИИ с инфраструктурой доставки и механизмами обратной связи позволяет создавать замкнутые контуры адаптации и обучения моделей, повышая предсказуемость и устойчивость коммуникаций. Особое внимание уделено нормативным аспектам – согласию, идентификации отправителя, механизмам отписки и защите данных. Предложен системный подход к проектированию SMS-коммуникаций с применением ИИ, основанный на принципах *compliance by design* и *responsible AI*.

Ключевые слова: искусственный интеллект, SMS-маркетинг, большие данные, доставляемость, обработка естественного языка, машинное обучение, персонализация, нормативное соответствие, фильтрация спама, комплаенс.

Введение

SMS-коммуникации остаются устойчивым каналом прямого взаимодействия компаний с потребителями ввиду высокой скорости прочтения и значимых показателей вовлечённости. Одновременно усиливаются механизмы защиты абонентов: операторы связи, отраслевые объединения и регуляторы формируют комплекс требований к согласиям на рассылки, идентификации отправителя, содержанию сообщений и процессам отписки. В этих условиях повышается вероятность ложноположительных срабатываний фильтров, при которых корректные деловые сообщения не достигают адресатов.

Алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) способны улучшать доставляемость и релевантность SMS без нарушения правил: за счёт раннего выявления риск-паттернов, семантически эквивалентной вариативности формулировок, контекстной персонализации и адаптивного управления доставкой. Цель исследования – представить системный подход к

проектированию и эксплуатации ИИ-решений для SMS-кампаний, обеспечивающий рост эффективной доставляемости и качества пользовательского опыта при строгом соблюдении требований операторов и регуляторов.

Материалы и методы

Исследование опирается на три источника данных и знаний. Во-первых, проанализированы технические спецификации, методические документы и практики саморегулирования, определяющие условия законной и корректной отправки сообщений: требования к сбору и хранению согласий, идентификации отправителя и механизмам отписки, а также правила построения контента и политик операторов. Во-вторых, изучена научная литература по фильтрации коротких сообщений, методам обработки естественного языка, краткотекстовой классификации и современным архитектурам глубокого обучения, применимым к SMS.

Методологический каркас включает: построение многоуровневой модели анализа

контента (лексика, синтаксис, семантика, форматные признаки), разработку модулей безопасной вариативности с сохранением юридически значимых формулировок, реализацию контуров персонализации и сегментации, проектирование интеграции с инфраструктурой доставки и каналами обратной связи, а также формирование системы метрик. Для предотвращения рисков использованы принципы «privacy by design» и «compliance by design»: все этапы – от подготовки данных до генерации формулировок – подчинены требованиям согласия, прозрачности, идентификации и отписки; персональные данные минимизируются и защищаются организационно-техническими мерами.

Оценивание решений выполняется по набору метрик: подтверждённая доставляемость и её распределение по операторам; латентность доставки; стабильность показателей в динамике; показатели вовлечённости и качества пользовательского опыта; уровень жалоб и отписок; показатели содержания (стилистическая согласованность, сохранение смысла и голоса бренда). Для анализа применяются как агрегированные статистики, так и сравнительные испытания «до/после» с контролем внешних факторов (сезонность, нагрузка сетей, изменения политик).

Результаты

Механизмы фильтрации и регуляторные требования

Современные антиспам-системы операторов используют многоуровневый анализ. На уровне содержимого оцениваются лексические и синтаксические признаки, признаки форматирования и ссылок; на поведенческом уровне учитываются темп и объём отправки, повторяемость сообщений, «возраст» отправителя и репутационные сигналы. Существенную роль играет обратная связь получателей: жалобы, отписки, отсутствие взаимодействия. Регуляторные требования формируют обязательный контур: наличие добровольного и документированного согласия на SMS-коммуникации, чёткая идентификация отправителя в начале сообщения, доступный и рабочий механизм отписки, корректное ведение реестров согласий и отказов. Соблюдение этих норм статистически связано с меньшей вероятностью фильтрации и более высокой устойчивостью канала.

NLP/ML для анализа и безопасной вариативности

Алгоритмы обработки естественного языка позволяют выявлять потенциальные триггеры фильтрации до отправки. Лексические модели определяют рискованные выражения и предлагают семантически эквивалентные, но менее конфликтные формулировки; семантические представления кратких текстов обеспечивают сохранение смысла и интенции при перефразировании; модели, чувствительные к стилю, контролируют тон, «голос бренда» и ясность деловой информации. Важный аспект – сохранение юридически значимых компонентов неизменными (идентификация, обязательные предупреждения, условия оферты), что требует гибридных систем: правила жёстко фиксируют неснижаемые элементы, а ML-модули варьируют допустимые части текста.

Персонализация вносит естественную вариативность и повышает релевантность. Сегментация по контексту и поведению (история взаимодействия, предпочтения, временные окна отклика) позволяет формировать сообщения, лучше соответствующие ожиданиям получателя. Такая персонализация может снижать негативные сигналы (отписки, жалобы) и улучшать взаимодействие, что опосредованно поддерживает доставляемость. При этом обязательна корректная работа с согласиями: персонализация выполняется строго в рамках заявленного пользователю объёма обработки.

Архитектуры и интеграция

Эффективной оказалась модульная архитектура. На «входе» действует фильтр комплаенса, проверяющий наличие согласий, корректность идентификатора и атрибутов отписки. Далее следует слой анализа контента (NLP), слой безопасной вариативности (перефразирование с ограничениями), затем – слой оркестрации доставки, управляющий темпом, окнами отправки и профилями по операторам. Замкнутый контур обратной связи собирает статусы доставки, сигналы вовлечённости, события отписок/жалоб и метаданные по среде доставки. Эти данные используются для дообучения моделей и обновления библиотек «разрешённых» формулировок.

Критически важна интеграция с платформой отправки через надёжные интерфейсы, позволяющая получать детальные квитанции и операторские коды. По ним формируются профили поведения для отдельных операторов и регионов, а стратегия темпа/батчинга

адаптируется к их политике. В рамках «compliance by design» система ведёт полные журналы операций и обеспечивает воспроизводимость контента, отправленного конкретным получателям.

Метрики и оценка эффективности

Система оценки включает три уровня. На уровне доставляемости анализируется доля подтверждённых доставок и среднее время доставки, устойчивость показателей в разрезе операторов и сегментов, доля сообщений с признаками фильтрации. На уровне взаимодействия оценке подлежат ответы, переходы по ссылкам, микроконверсии и их распределение во времени; отдельно контролируются отписки и жалобы как индикаторы качества и соответствия ожиданиям. На уровне содержания оцениваются стилистическая согласованность, читаемость и ясность, доля неизменённых юридически значимых блоков, а также стабильность «голоса бренда» при вариативности. Сопоставление «до/после» с контролем сезонности и изменений внешней среды позволяет атрибутировать вклад ИИ-модулей в улучшение метрик.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что ИИ способен системно повышать эффективную доставляемость SMS за счёт раннего предупреждения риск-паттернов, корректной семантической вариативности и персонализации, а также адаптивной оркестрации доставки. Важнейшим условием является изначальная «встроенность» требований комплаенса: согласия, идентификация и отписка должны рассматриваться не как внешние ограничения, а как конструктивные элементы дизайна кампаний. Такой подход не только снижает вероятность ложноположительных блокировок, но и укрепляет репутацию отправителя в долгосрочной перспективе.

Основные ограничения связаны с фрагментацией данных между платформами, неполной доступностью операторских кодов и различиями политик у провайдеров, недостатком компетенций по прикладному NLP/ML в маркетинговых командах, а также с необходимостью обеспечить прозрачность алгоритмических решений и защиту персональных данных. Дополнительные вызовы формируют регуляторные изменения: ужесточение требований к верификации бренда и шаблонов, усиление контроля за частотой коммуникаций, расширение трактовки согласия. В этих условиях особое

значение приобретают управляемость моделей, аудит контента, регулярный пересмотр библиотек формулировок и воспроизводимость экспериментов.

Перспективы развития включают более глубокое семантическое моделирование кратких сообщений, рост роли обучения с подкреплением на реальных сигналах доставки и взаимодействия, улучшение межканальной согласованности (SMS, RCS, мессенджеры, e-mail), а также появление стандартизованных профилей операторов, позволяющих быстрее адаптировать стратегию к изменениям фильтрации. Продвижение практик «responsible AI» – оценка рисков, контроль смещения, управление объяснимостью – станет критерием зрелости решений и предпосылкой доверия со стороны регуляторов и пользователей.

Заключение

Алгоритмы искусственного интеллекта формируют устойчивую основу для повышения доставляемости и результативности SMS-кампаний при строгом соблюдении операторских и регуляторных требований. Системный эффект достигается при интеграции трёх компонентов: корректной юридико-процессной базы (согласия, идентификация, отписка, журналирование), технологической архитектуры с «compliance by design» (NLP-анализ, безопасная вариативность, персонализация, адаптивная доставка) и зрелой функции измерения (многоуровневые KPI, обратная связь, дообучение). Компании, развивающие такие экосистемы, повышают устойчивость канала, улучшают пользовательский опыт и обеспечивают измеримый прирост эффективности без конфликтов с правилами рынка.

Литература

1. GSMA. Messaging Anti-Abuse and Security Guidelines. – London, 2022. – 56 p.
2. CTIA. Messaging Principles and Best Practices. – Washington, 2023. – 34 p.
3. M3AAWG. Mobile Messaging Best Practices for Service Providers and Marketers. – San Francisco, 2023. – 41 p.
4. 3GPP TS 23.040. Technical realization of the Short Message Service (SMS). – Release 17. – Geneva: 3GPP, 2022.
5. ITU-T E.164. The international public telecommunications numbering plan. – Geneva: ITU, 2020.

6. FCC. Telephone Consumer Protection Act (TCPA) and Implementing Rules. – Washington, 2023.
7. EDPB. Guidelines on Consent under Regulation 2016/679 (GDPR). – Brussels: European Data Protection Board, 2021.
8. Ofcom (UK). Guidance on Nuisance Calls and Texts. – London, 2022.
9. Sinch. A2P SMS Deliverability Guide: Sender IDs, Consent, and Compliance. – Stockholm: Sinch AB, 2024. – 48 p.
10. Twilio. A2P 10DLC Compliance and Messaging Policy. – San Francisco: Twilio Inc., 2023.
11. Google. RCS Business Messaging: Policies and Sender Verification Overview. – Mountain View: Google LLC, 2023.
12. Meta (WhatsApp Business). Messaging Policy and Template Compliance for OTP and Alerts. – Menlo Park: Meta Platforms, 2023.
13. Gomez Hidalgo J.M., Bringas G.C., Sanz E.P., Garcia F.C. Content-Based SMS Spam Filtering // Proceedings of the ACM Symposium on Document Engineering. – 2006. – P. 107-114.
14. Almeida T.A., Hidalgo J.M.G., Yamakami A. Contributions to the Study of SMS Spam Filtering // Proceedings of DocEng 2011. – 2011. – P. 73-80.
15. Sari Y. et al. Short Text Classification for Mobile Messaging: A Comparative Study of Classical ML and Transformer-based Models // Journal of Information Security and Applications. – 2023. – Vol. 75. – P. 104.

GULYAN Vagan Liparitovich

Director of Digital Development, ООО "Three Heroes", Russia, St. Petersburg

ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS FOR SMS CAMPAIGN OPTIMIZATION: MESSAGE VARIATION STRATEGIES TO IMPROVE DELIVERABILITY IN COMPLIANCE WITH OPERATOR AND REGULATORY REQUIREMENTS

Abstract. *The article explores modern approaches to the use of Artificial Intelligence (AI) algorithms for improving SMS campaign deliverability and effectiveness while strictly adhering to operator and regulatory requirements. It analyzes AI system architectures, Natural Language Processing (NLP) and Machine Learning (ML) methods applied to content analysis, semantic variation, and message personalization. The integration of AI with messaging infrastructure and feedback mechanisms is shown to enable closed-loop adaptation and model retraining, enhancing predictability and communication reliability. Special attention is paid to compliance aspects – consent, sender identification, unsubscribe mechanisms, and data protection. The paper proposes a systemic framework for designing AI-driven SMS communications based on compliance by design and responsible AI principles.*

Keywords: *artificial intelligence, SMS marketing, big data, deliverability, natural language processing, machine learning, personalization, regulatory compliance, spam filtering, responsible AI.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

10.5281/zenodo.17332556

SIDENKO Maya Antonovna

11th-grade Student, ANO SOSH "Academic Gymnasium", Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Deputy of the Council of Deputies**of the Khoroshevo-Mnevniki Intracity Municipal Formation of the City of Moscow**Shorina Tamara Borisovna*

HUMANIZATION OF THE ECONOMY – AN EFFECTIVE DEVELOPMENT PATH OR A UTOPIA?

Abstract. *In the context of global transformations and challenges of the 21st century related to climate change, social inequality, technological revolution, and changes in the structure of labor markets, rethinking the role of the economy in the life of society is of particular importance. Modern economic systems, focused primarily on GDP growth, profit maximization, and production efficiency, often ignore fundamental human values, such as well-being, social justice, sustainable development, and care for future generations. In this context, the humanization of the economy is one of the most relevant and controversial concepts. Humanization of the economy offers an alternative path, where the economy becomes a tool for achieving the goals of man and society, and not vice versa. It involves reorienting the economic system to the priorities of human development, well-being, and harmonious co-existence with the environment. The results of the analysis of a number of economic and social indicators of a sample of countries with different types of state and economic structures showed that the humanization of the economy, based on the priority of human capital, fair distribution of resources, sustainable development, and democratization of labor, can indeed become an effective development path for society. Examples of countries with high levels of investment in social and environmental technologies confirm that this approach improves the quality of life, stimulates innovation, and ensures long-term stability. However, the implementation of this concept requires overcoming many barriers and limitations, such as raw material dependence, corruption, bureaucracy, and insufficient public involvement.*

Keywords: *humanization of the economy, fundamental human values, human development priorities, human capital, democratization of labor, environmental technologies, raw material dependence.*

1. Introduction

The purpose of this work is to study the concept of humanization of the economy in the context of its basic principles, to analyze the possibilities and barriers of humanization of the economy in the conditions of the modern world, and to find answers to the following practical questions:

- Are there any examples in the world of countries with a humanized economy?
- Is the humanization of the economy compatible with further effective growth of the country's economy, or is it a factor hindering economic development?

- At what stage of a country's political and economic development does economic humanization become possible?

The relevance of this study is determined by the need to find new approaches to solving global problems caused by the traditional model of economic growth, focused primarily on GDP growth, profit maximization, and production efficiency, which often leads to increased social polarization, environmental degradation, and loss of moral guidelines.

The object of the study is the modern economic system as a set of institutions, mechanisms, and

processes that form the basis of social development.

The subject of the research is the processes of humanization of the economy, their impact on the functioning of economic systems, and the possibility of their implementation on a global scale.

The study's hypothesis is as follows: economic humanization is a realistic and effective development path for various countries, contributing to improved quality of life and social justice. However, its implementation requires overcoming significant institutional and cultural barriers. At the same time, there is a risk that economic humanization is a utopian concept without realistic tools for implementation.

In accordance with the set goal, the following tasks were solved:

1. Study of the concept of humanization of the economy in the modern world;
2. Analysis of the basic principles of humanization of the economy and their impact on sustainable development and social well-being of economies and societies;
3. Identification of limitations and barriers to the processes of humanization of the economy;
4. Formation of conclusions based on the conducted research.

The research methods were:

- Quantitative methods – collection and analysis of numerical data, statistical analysis, identification of patterns and trends;
- Correlation analysis – the study of the relationship between variables;
- Comparative analysis – a phenomenon, event, or object is compared with a similar one;
- Systems analysis – the construction of a system with a certain interrelationship and hierarchy of elements, the definition of key functions, system-forming and system-destroying factors.

To collect numerical and statistical data, a sample of 15 countries with different territorial, climatic, religious, economic, and other features, with different types of state and political systems was formed. Numerical data were collected for 2022 from reports, papers, and publications of international agencies, government bodies, and national reports of various departments (information sources are provided after each table). It should be noted that data may vary slightly between different sources. This study prioritizes the order of the numbers and the overall hierarchy of values, rather than specific numerical values.

2. The main part

2.1. The concept of humanization of the economy. Basic principles and barriers to implementation

The humanization of the economy is a concept aimed at reorienting the economic system from a focus solely on material benefit to ensuring sustainable and equitable development focused on human capital, fundamental human values, well-being, and the comprehensive development of the individual. At the center of this concept is the individual, not capital or technology. The key idea is: the economy should serve the people, not the people serve the economy.

At its core, the concept of humanization of the economy is a synthesis of ideas from economics, sociology, psychology, and philosophy. This concept has no single founder. It matured in the second half of the 20th century as a response to growing inequality, environmental problems, and the sense of futility of the consumption model.

The following scientists and organizations made a significant contribution to the concept of humanization of the economy:

- Gary Becker (1992 Nobel laureate in economics) formalized the concept of "human capital," insisting that investments in education, health, and knowledge increase productivity and human income and are a key factor in economic growth.
- Amartya Sen (1998 Nobel laureate in economics) proposed the concept of "development is not the growth of wealth, but the expansion of freedom," which emphasizes the need to expand people's real freedoms and opportunities to lead the lives they value. His ideas formed the basis of the UN Development Programme's Human Development Index, which has become a practical indicator of humanization.
- Richard Easterlin (economist, author of the famous 1974 article "Does Economic Growth Improve The Human Lot? Some Empirical Evidence") argued that economic growth beyond a certain point does not lead to an increase in the happiness of its citizens. His "Easterlin paradox" led to the emergence of "happiness economics" and such indicators as "gross national happiness" and the "better life index."
- Karl Polanyi (economist, anthropologist), in his 1944 book "The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time", insisted that the market, without state intervention, tends to subjugate people and nature, treating them as commodities, which destroys the very

“fabric” of society. He argued that the economy should be integrated into social relations, vice versa. His ideas became the theoretical basis for social economics and cooperatives.

- Muhammad Yunus (2006 Nobel Peace Prize laureate) coined the concept of microcredit and social business. He believed that business can and should solve social problems. Social business, where profits are reinvested in social goals rather than paid out to shareholders, is a practical tool for humanizing the economy at the micro level.

- The works of Abraham Maslow (hierarchy of needs), Carl Rogers, and Erich Fromm shifted the focus to self-realization and full personal development.

- The Brundtland Commission (UN World Commission on Environment and Development) examined the limits of economic growth in terms of environmental impacts, developed the concept of sustainable development and meeting the needs of the present without a threat to future generations. This concept has become an integral part of humanization, linking human well-being with the health of the planet.

Thus, the basic consolidated principles of humanization of the economy were formed:

1. Man is the main value:

- The economy must contribute to improving the quality of life, not just GDP growth;

- Not only material goods are important, but also education, healthcare, culture, and ecology are important too;

- Resources should be invested in the development of human capital: in education, science, creativity, and the creation of conditions for people's self-realization.

2. Social justice:

- Reducing inequality, fair distribution of income.

- Availability of basic goods (housing, medicine, education) for all segments of society.

3. Caring for future generations as a guarantee of sustainable long-term development:

- Balance between economic growth and ecology through the development of “green ecology” and the use of renewable energy sources.

- Abandoning the mindless exploitation of resources in favor of long-term well-being.

4. Ethics in business and democratization:

- Corporate social responsibility.

- Refusal of labor exploitation in favor of decent working conditions.

Despite the obvious benefits of humanization of the economy for society, E. V. Smirnova

(Russian economist, specialist in regional economics and spatial development) rightly notes that “there are significant obstacles that limit its implementation in some regions” [1, p. 58-61].

According to various sources, the key barriers to the humanization of the economy are the following:

- One of the main barriers is the economy's dependence on raw materials. N. I. Komkov, V. V. Sutyagin, and N. N. Volodina (Russian economists and analysts specializing in macroeconomics, industrial policy, technological development, and, in particular, the “resource curse”) note that “in countries with a high share of income from oil and gas exports, incentives for investment in human capital often remain weak” [2, p. 107-112].

- E. N. Kan, V. I. Trunin, and N. V. Sopina (Russian economic analysts specializing in macroeconomic policy, monetary regulation, and forecasting) note that “rigid bureaucracy is also a serious obstacle to the humanization of the economy. State control over many areas often limits civil initiatives from below” [3, p. 57-62]. Instead of supporting cooperatives or social entrepreneurship, bureaucratic structures often create additional barriers to their development.

- Corruption and inequality undermine the effectiveness of social programs and hinder the fair distribution of resources.

In conclusion of the general description of the concept under consideration, it should be noted that the question of the advisability of humanization of the economy gives rise to many discussions. Critics of the humanization of the economy (Milton Friedman, Arthur Laffer, Daron Acemoglu), who believe that humanization can reduce competitiveness and growth rates, usually argue their position by the fact that:

- Social spending and taxes reduce investment;

- Strict labor laws reduce market flexibility;

- Business is losing its competitiveness on a global level.

Advocates of humanization (for example, Joseph Stiglitz, Thomas Piketty) acknowledge these risks, but argue that they can be minimized through thoughtful reforms.

2.2. Formation of country sample for the study and of their basic characteristics list

To conduct a comprehensive and objective study, a sample of 15 countries with different territorial, climatic, religious, economic, and other features, with different types of state and political systems was formed. Tables 1 and 2 were compiled

for these countries, reflecting key country characteristics relevant to the main topic of this study:

- The ability to invest in a country's human capital and ecology is linked, among other things, to the availability of such financial resources. As a key characteristic of the availability of this opportunity in a country, the level of GDP per capita at purchasing power parity was chosen, which in turn may depend on the period of time that has passed since the beginning of the industrialization of the country's economy (time resource), and the type of the country's economy itself.
- Social justice and democratization in business are usually characterized by the type of

political system of the country and the period of existence of this type of political system - an indicator of the stability of the regime.

- Barriers to the humanization of the economy stem from the same type of political structure of the country, the type of economy, and dependence on raw materials exports.

The general data collected across countries will be referenced and selectively duplicated within the framework of the analysis of various principles of humanization of the economy and barriers to its development.

Table 1

Type of political regime and duration of the current regime

Country	Type of political regime	Duration of the current regime, years
Sweden	Developed stable democracy	100+
Norway	Developed stable democracy	100+
Germany	Developed stable democracy	75
France	Developed stable democracy	65+
USA	A developed stable democracy (with elements of oligarchy, fusion of business and government)	230
Russia	Authoritarian regime (after a long totalitarian-authoritarian regime and a short period of fragile democracy)	20
Poland	Stable democracy	35
Peru	Fragile democracy (unstable)	20
Chile	Stable democracy	35
Venezuela	Authoritarian regime (with dictatorial features)	25
China	Authoritarian regime	70+
Japan	Developed stable democracy	75+
India	Fragile democracy (with signs of authoritarianism)	75+
UAE	Authoritarian regime (absolute monarchy)	50+
Saudi Arabia	Authoritarian regime (absolute monarchy)	90+

Table 2

Year of industrialization (approximate), GDP per capita PPP, type of economy, and share of raw material exports in GDP for 2022 according to World Bank Group and Observatory of Economic Complexity

Country	Period since the beginning of industrialization, years (year of beginning)	GDP per capita PPP, \$ (2022)	Type of economy	Share of raw materials exports in GDP, % (2022)
Sweden	132 (1890)	62,926	Diversified (highly diversified, high-tech, post-industrial)	5–7
Norway	117 (1905)	89,114	Diversified with the raw materials sector	15
Germany	151 (1871)	63,150	Diversified (highly diversified, industrial)	2-3
France	174 (1848)	55,493	Diversified (highly diversified, post-industrial)	1-2

Country	Period since the beginning of industrialization, years (year of beginning)	GDP per capita PPP, \$ (2022)	Type of economy	Share of raw materials exports in GDP, % (2022)
USA	157 (1865)	76,399	Diversified (highly diversified, post-industrial)	2-3
Russia	137 (1885)	35,865	Raw materials (oil and gas)	15–20
Poland	72 (1950)	45,343	Diversified (industrial)	5–7
Peru	72 (1950)	15,893	Raw materials	10
Chile	83 (1939)	28,526	Raw materials with elements of diversification	12–15
Venezuela	72 (1950)	15,893	Raw materials (oil, hyper-raw materials, crisis)	10–15
China	38 (1984)	23,309	Diversified (industrial)	2-3
Japan	142 (1880)	42,248	Diversified (highly diversified, post-industrial)	0.5-1
India	71 (1951)	8,379	Diversified developing	3-4
UAE	52 (1970)	55,368	Transition from raw materials to diversified	20–25
Saudi Arabia	49 (1973)	69,958	Raw materials (oil and gas) in the early diversification stage	25–30

Note to Table 2:

A high share of raw material exports in GDP (above ~10%) almost always indicates a raw materials type of economy. GDP per capita PPP – gross domestic product per capita at purchasing power parity, a macroeconomic indicator reflecting the market value of all final goods and services produced over a specified period in all sectors of the economy on the territory of a particular state, regardless of the nationality of the factors of production used.

2.3. Analysis of the principle “man is the main value”

The first and key principle of economic humanization is the recognition of human capital as the main resource of modern society. "Investments in education, healthcare, culture, and social protection contribute to improvement of the population's standard of living, stimulate innovation, and ensure long-term economic growth," A. E. Kisova (a Russian political scientist and economist specializing in regional development, spatial analysis, and public administration) states in her dissertation [4].

For a more detailed examination of the given principle, Table 3 was formed, where expenditures on education and healthcare as a percentage of GDP were compared with the Human Development Index (HDI) as a key indicator. Data on economy type and time period since the beginning of the industrialization were also entered into the table to identify possible relationships with GDP per capita and the HDI.

Based on this table, the following conclusions can be drawn:

1. The most obvious and strong correlation can be traced between the level of investment in

human capital (total expenditure on education and health care), the value of the Human Development Index (HDI), and the value of GDP per capita:

- Countries in the group with the highest HDI values > 0.90 (Sweden, Norway, Germany, France, the United States, and Japan) have high GDP per capita values > \$42,000 and high social spending > 14.7% of GDP. These are mature, post-industrial, diversified economies where wealth is generated by intellect and innovation – the products of creativity in the broadest sense of the word. To unleash creative potential, people need certain conditions: education, freedom of thought, access to information, the opportunity to experiment and make mistakes, health, and psychological well-being. The humanization of the economy that invests in healthcare, education, and a balanced, fulfilling life with minimal stress clearly creates more fertile ground for innovation.

- Countries in the group with average HDI values of 0.76–0.88 (Poland, Chile, Russia, and China) have average GDP per capita values and average social spending of approximately 10% of GDP. This group of countries is dominated by raw materials economies or developing diversified ones. Their investments in education and

healthcare are a compromise between available revenues and spending priorities.

- Countries in the group with the lowest HDI values < 0.76 (Venezuela, India, Peru) have the lowest GDP per capita values < \$15,000 and social spending < 10% of GDP. This likely creates a "poverty trap." Without investing in people, sustainable economic growth is impossible. The economies of these countries are either raw materials without effective governance or agro-industrial.

- Venezuela can be called an exception among the ranking's underperformers. Despite the lowest total public investment in education and healthcare (4.3%) among the entire sample, the HDI fails non-critically. This nonsense can be explained by the historical legacy of past investments (the economic boom following the discovery of large oil fields in the 1960s and the social programs supported by high oil revenues in the early 2000s), which is now rapidly eroding due to hyperinflation and the severe economic crisis that has developed since 2015. The HDI data presumably lags behind current reality and does not reflect the current collapse.

2. The influence of the duration of the period since the beginning of industrialization on the level of GDP per capita is traceable, but numerous exceptions have also been identified (see chart 1):

Most countries that began industrialization 100+ years ago (Germany, the United States, Sweden, France) have high GDP per capita (\$55,000–76,000). These countries have consistently completed the entire transition from agrarian to industrial and post-industrial societies. This significant time resource allowed them to create developed infrastructures, production capacities, and a skilled workforce. This laid the foundation for the subsequent creation of deeply diversified and sustainable economies, independent of any single sector. Thus, a long period of industrialization allows for the creation of complex institutions and the accumulation of human capital, something that cannot be achieved in just a few decades.

- Norway is an exception among the leaders in the ranking based on the share of raw materials exports. It is the only country with a high share of raw materials exports that is considered a diversified economy. The secret lies in the prudent management of resources through a sovereign wealth fund that invests oil revenues in foreign assets, turning the "resource curse" into a "resource blessing." This deliberate policy has made it possible to avoid the negative consequences of the "resource curse."

- Russia (GDP approximately \$35,000) is a clear example of a country with the "resource curse" in action among countries with "old" industrialization. Compared to Norway (GDP approximately \$89,000), Russia has retained its dependence on raw materials and has a raw materials economy.

- A bloc of countries that began industrialization significantly later, < 80 years ago (Peru – 72 years, Venezuela – 72 years, India – 71 years), exhibits extremely low GDP per capita (\$8,000–\$16,000). These countries' economies are either raw materials or are just developing on the path to diversification.

- Nevertheless, a comparable group of countries whose industrialization began < 80 years ago (Poland – 72 years, China – 38 years, the UAE – 52 years, Saudi Arabia – 49 years) is demonstrating rapid, explosive growth, in some cases catching up with the GDP per capita of countries in the "old" industrialization group. This is a consequence of the "catch-up development" model. Poland, having carried out radical economic reforms, effectively took advantage of rapid integration into the European Union, a massive influx of foreign investment, and the experience of more developed economies. The UAE and Saudi Arabia effectively utilized modern oil and gas production technologies, bypassing the traditional stages of industrialization. China actively adopted the most modern technologies and a vast pool of cheap labor. The example of these countries suggests that effective governance and modern technologies can compensate for a short period of industrialization and significantly accelerate economic growth.

Conclusions:

1. The presented data convincingly demonstrate that the level of economic development (GDP per capita), the type of economy (diversified vs. raw materials), and public policy priorities (education/healthcare expenditures) are determining factors for achieving a high HDI. The primary path to achieving a high HDI is high social spending based on high GDP per capita in the presence of a stable, post-industrial, diversified economy.

2. High GDP per capita is important, but not sufficient. The quality of economic growth, the diversification of the economy, and how income is distributed and invested in society are far more important for a nation's well-being than its absolute value.

3. Resource wealth can become a trap if strategic policies are not implemented to diversify the

economy, invest in the future and in human capital.

Thus, the analysis clearly demonstrates that the most successful countries are those that invest in their people and, on that basis, create complex, diversified economies and products. It's worth noting that micro-examples of this policy include Google, Apple, and Yandex, which have long

understood this connection. Their philosophy of organizing a workspace with maximum freedom and opportunities for collaboration, flexible schedules, and corporate culture is aimed at attracting and developing creative employees who will create the next breakthrough product. The growth of their market capitalization is a direct consequence of this policy.

Table 3

Total expenditure on education and health from GDP, Human Development Index (HDI) according to national statistical agencies, OECD, UNDP for 2022

Country	Total expenditure on education and health care from GDP, %	Human Development Index (HDI)	GDP per capita \$ (2022)	Period since the beginning of industrialization, years	Type of economy
Sweden	17.7	0.947	62,926	132	Diversified
Norway	17.0	0.966	89,114	117	Diversified with the raw materials sector
Germany	17.3	0.951	63,150	151	Diversified
France	17.7	0.910	55,493	174	Diversified
USA	24.3	0.921	76,399	157	Diversified
Russia	10.0	0.822	35,865	137	Raw materials
Poland	11.5	0.881	45,343	72	Diversified
Peru	9.4	0.762	15,893	72	Raw materials
Chile	14.7	0.860	28,526	83	Raw materials with elements of diversification
Venezuela	4.3	0.691	15,893	72	Raw materials
China	10.0	0.788	23,309	38	Diversified
Japan	14.8	0.936	42,248	142	Diversified
India	6.7	0.644	8,379	71	Diversified developing
UAE	8.8	0.937	55,368	52	Transition from raw materials to diversified
Saudi Arabia	11.5	0.875	69,958	49	Raw materials in the early stage of diversification

Note to Table 3:

The Human Development Index (HDI) is a comprehensive indicator for assessing the quality of life in countries around the world. It reflects not only economic well-being (gross national income per capita) but also access to education, healthcare, and other basic opportunities for personal development (0.80-1.00 is very high, 0.7-0.799 is high, 0.550-0.699 is average, below 0.550 is low).

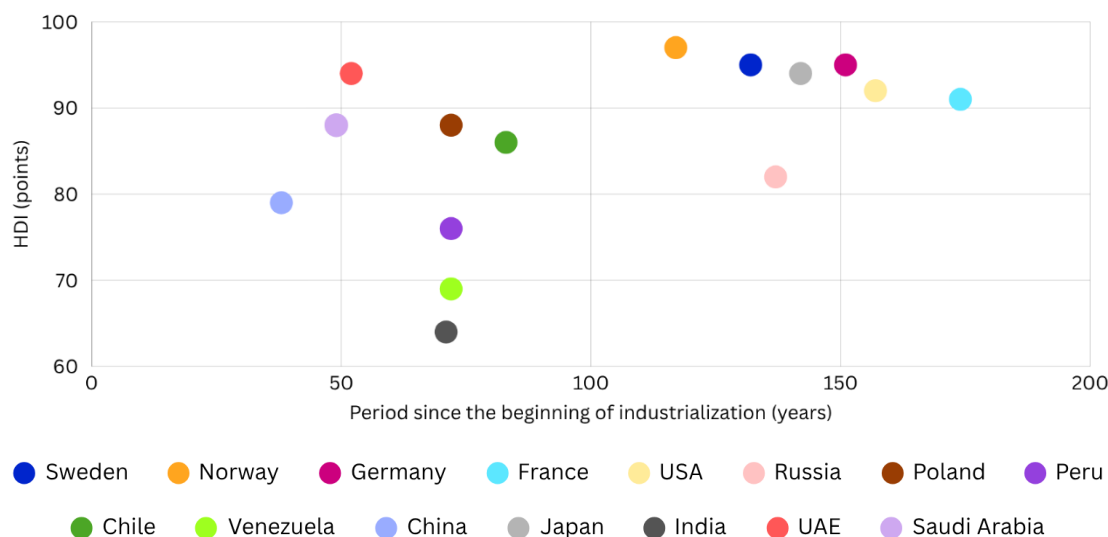

Fig. Period since the beginning of industrialization (years) and Human Development Index (HDI) (points) for a sample of countries

2.4. Analysis of the principle of "Social Justice"

Another important aspect of humanization of the economy is the fair distribution of wealth. This means reducing economic inequality through progressive taxation, establishing decent wages, and supporting vulnerable groups of the population. For example, A. E. Kisova and T. D. Romashchenko (Russian economists, authors of a number of articles and studies in labor economics and economic sociology) emphasize that "the Gini coefficient, which measures the level of income inequality, is significantly lower in countries with developed social policy (for example, in Norway) than in countries with a less equitable distribution of resources" [5, p. 110-115].

To substantiate the stated principle, Table 4 was formed, in which key indicators are examined in detail. In this case, the indicators were the poverty level and the social tension index.

What connections can be traced here:

1. High income redistribution: European countries are democracies with diversified, developed economies. They exhibit low inequality, low poverty levels, and low or moderate social tension.

2. Moderate income redistribution: The United States and Japan are democracies with diversified, developed economies. They exhibit high inequality, moderate poverty levels (higher than in the first group), and moderate social tension. In these countries, tension is partially offset by the high absolute income of part of the population.

3. Low income redistribution: Russia, Chile, Peru, Venezuela are authoritarian regimes and democracies with raw materials economies. They demonstrate high inequality, high levels of poverty, and high social tension.

There are 4 countries (UAE, Saudi Arabia, China, and India) that are exceptions to the general system:

- The UAE and Saudi Arabia are countries with low tax redistribution but also extremely low poverty rates among their citizens. High resource revenues, through direct transfers and social benefits, help maintain low poverty. This ensures acceptable national stability.

- India, with its high Gini coefficient and extremely high poverty level, also falls out of the general logic and avoids maximum social tension due to its historically established caste system, which reduces the protest potential, and religious norms – Hinduism and Buddhism preach the acceptance of suffering in the current life for the sake of future reincarnations.

- In China, high inequality and poverty are partly offset by rapid welfare growth generally.

Thus, the data convincingly demonstrate that an active and effective state role in income redistribution through a progressive tax system and social spending is critical to reducing inequality and poverty, ensuring social stability, and decreasing social tension. A market economy, especially in a context of raw materials dependence, leads to the concentration of wealth in the hands of elites and increased social tension.

Table 4

Gini coefficient after taxes and minimum wage compared to the poverty level index at the international poverty line according to national statistical agencies (OECD Income Distribution Database, INSEE Fiscal Report, IRS Tax Statistics, INEI, and others), World Bank PovcalNet, Rosstat for 2022

Country	Gini coefficient after taxes	Redistribution index (RI), %	Minimum wage or actual minimum, US dollars	Poverty level according to the international poverty line (\$3.65/day)	Social Unrest Index (SUI)
Sweden	0.27	42.5	1,800	0.1%	2.3
Norway	0.26	42.2	2,200	0.1%	1.8
Germany	0.29	42.0	1,985	0.4%	3.1
France	0.29	40.8	1,747	0.3%	4.5
USA	0.39	23.5	1,256	1.2%	5.2
Russia	0.41	10.9	242	2.7%	7.6
Poland	0.28	35.0	755	0.8%	4.2
Peru	0.44	15.4	282	8.5%	8.0
Chile	0.46	13.2	460	3.1%	6.4
Venezuela	0.50	5.0	20	more than 25%	9.2
China	0.42	12.5	290–410	4.8%	4.8
Japan	0.32	25.0	1,150	0.7%	2.5
India	0.45	10.0	50–120	18.7%	5.9
UAE	n/a low	n/a low	500–700	0.1%	2.0
Saudi Arabia	0.40	15.0	960	0.1%	4.5

Note to Table 4:

Ginni coefficient (Ginni index) evaluates income inequality (0 – complete equality, 1 – maximum inequality).

Redistribution Index (RI) reflects how effectively a country's tax system reduces income inequality between rich and poor citizens (a high index >30% means the tax system takes more from the rich and redistributes in favor of the poor; a low index <15% means a weak impact on inequality).

The Social Unrest Index (SUI) measures the risk of mass protests, strikes, dissatisfaction with the government, and economic vulnerability on a scale of 0 to 10 (0-3.99 low risk, 4-6.99 moderate risk, 7-10 high risk).

2.5. Analysis of the principle of “Caring for future generations as a guarantee of sustainable long-term development”

Caring for future generations is a necessary criterion for sustainable development and is another important principle of the humanization of the economy, which presupposes environmental responsibility through the introduction of “green” technologies and the transition to nuclear energy and, optimally, renewable energy sources, as causing less harm to the environment.

To examine this principle, Tables 5, 6, and 7 were formed, which summarize a variety of indicators that impact environmental performance in one direction or another: carbon footprint indicators, the share of renewable energy, the share of nuclear energy, the share of fossil fuel energy, electricity production and consumption per capita, the presence of a mandatory carbon credit system and the year the system was introduced, and the

share of ESG funds in the total investment fund market. All these indicators were compared with the Economic Complexity Index (ECI) and Environmental Performance Index (EPI) of countries, as well as poverty levels, which also provide significant insights.

Analyzing the tables, the following key relationships can be identified:

1. Clear correlation between the Economic Complexity Index (ECI) and the Environmental Performance Index (EPI):

- High ECI, high EPI. Almost all countries with high-tech, non-raw materials economies (European countries and Japan) demonstrate successful results in reducing their carbon footprint and are also developing carbon credit systems. These countries produce high-value-added goods rather than raw materials, which requires fewer resources and energy per unit of GDP. Given their developed environmental culture (no accumulated air, water,

and soil pollution, effective waste management), these countries have an average Environmental Performance Index (>50) but a high one compared to other countries.

- Low ECI, low EPI. Economies dependent on raw materials exports (Russia, Saudi Arabia, Venezuela, Peru) have low scores for both Economic Complexity and Environmental Performance. Extractive industries are among the most environmentally destructive.

2. The carbon footprint depends on both the energy consumption model and the level of development:

- Countries with a high share of renewable and nuclear energy (Sweden, France, Norway) have a low carbon footprint per capita despite high energy consumption.

- The main “polluters” are countries whose energy consumption is based on fossil fuels (UAE, Saudi Arabia, Russia).

- Low carbon footprints in developing economies (India, Peru, Venezuela) are largely due to poverty. A low carbon footprint here is a sign of poverty, not strong environmental policies. For example, India, despite its minimal carbon footprint and acceptable share of renewable energy, has an extremely low Environmental Performance Index. This paradox is explained by the low standard of living (approximately 240 million people in India lack access to electricity), low electricity consumption per capita (the average Indian consumes 10 times less electricity than an American and 3 times less than a Chinese), severe accumulated environmental problems (horrific air pollution in some regions, a water crisis – 80% of rivers are extremely polluted), unprofessional waste management (open dumps, burning trash on the streets), and the destruction of ecosystems (deforestation for the expansion of residential areas and farms).

3. The presence of a carbon pricing system is a sign of a mature environmental policy and a generally high level of economic and social development of the country:

- Countries with the highest EPI scores (Sweden, Norway, Germany, France, Poland) have long implemented carbon trading systems (ETS), which incentivize businesses to reduce emissions. A carbon credit system is a mechanism for transitioning from an economic model focused solely on profit to a humanized economic model that is not incompatible with economic success but makes environmental conservation an integral condition. Pollution becomes a direct expense for companies. This incentivizes companies to invest in green

technologies, makes low-carbon business models more competitive, and directs financial flows through carbon trading to projects that reduce emissions (e.g., reforestation, renewable energy development). Combined with ESG investments, this creates a powerful signal to the market that generating profits while avoiding or minimizing social and environmental costs becomes financially beneficial.

- Most economies dependent on raw materials (the UAE, Saudi Arabia, Venezuela, and Russia) avoid carbon pricing systems as a threat to their raw materials model, demonstrating a belated introduction of carbon credit systems. This is due to their dependence on fossil fuel revenues.

4. The development of ESG mutual funds is also a sign of a mature environmental policy and a country's overall high level of economic and social development. The data demonstrates a clear correlation: the more developed and comprehensive a country's environmental policy, the more mature and significant the ESG investment market, and the higher the country's overall development indicators (ECI, EPI):

- Sweden, Norway, Germany, and France are leaders. These countries demonstrate a comprehensive and mature approach. They have a long-term strategy in which government regulation (the carbon tax was introduced about 20 years ago), economic interests (developed ESG funds account for 25–50% of all mutual funds), and technological development (high ECI > +1.15) work in concert to achieve sustainable development goals.

- The United States and Japan are highly economically developed countries (ECI > +1.6) and have strong market potential for a green transition. However, their political will and regulatory framework (carbon taxes have only been introduced in some regions) lag behind European leaders, which is reflected in their more modest ESG funds and EPI scores. The average EPI scores of these countries suggest that economic strength and innovation do not automatically translate into environmental leadership without equally strong and unified government policies.

- Other countries with diversified or transitional stable economies (Chile, Saudi Arabia, the UAE) are building green economy institutions by developing a system of ESG funds. These countries likely see this as an opportunity for modernization and attraction of responsible investment. Their ESG and EPI scores are directly linked to their environmental policy efforts.

• Developing countries with diverse economic types but extremely high poverty rates (Peru, India, Venezuela) exhibit a lack of carbon pricing systems, a low share of ESG funds, and an extremely low EPI. These countries often prioritize economic growth and poverty alleviation over environmental protection. The lack of developed ESG funds and comprehensive environmental policies reflects these objective priorities and resource constraints.

A clear exception in the entire system of indicators in the tables is China. While its carbon footprint (8.0 vs. 8.6) and energy share (fossil fuel energy share 65.6 vs. 71.8) are comparable to those of, for example, Japan, it has a critically low EPI (28.4 vs. 57.2), which again forces us to turn to the history of economic development of these countries. The low EPI, considered in this study, in conjunction with other indicators at a specific point in

time (as of the end of 2022), is the result of long-term environmental and economic policies. It is also worth noting that China has been a global leader in air and soil pollution for decades, and only relatively recently has it addressed its acute environmental problems.

Thus, the EPI is a fairly reliable and objective indicator. It clearly demonstrates that environmental performance is the result of a complex, diversified economy with a high ECI, clean energy, and mature institutions (the presence of ETS and ESG funds). Wealth based on raw materials sales does not lead to a high EPI; it merely increases the carbon footprint, creating the illusion of prosperity at the expense of future generations. Sustainable development requires significant effort and investment in environmental technologies. Countries that neglect the environment face environmental challenges and risks for future generations.

Table 5

Carbon footprint per capita (tonnes CO₂), shares of renewable, nuclear, and fossil fuel energy according to the International Energy Agency (IEA), BP p.l.c., Ember, national energy reports, Global Carbon Atlas, Eurostat, IRENA, EIA, Yale EPI Report for 2022

Country	Carbon footprint, tons of CO ₂ per capita	Share of renewable energy, %	Share of nuclear energy, %	Share of energy from fossil fuels, %
Sweden	3.4	63.4	30.1	6.5
Norway	6.2	75.4	0.0	24.6
Germany	7.9	46.3	5.8	47.9
France	4.3	19.3	69.0	11.7
USA	13.7	21.5	18.2	60.3
Russia	11.4	17.4	20.0	62.6
Poland	7.9	17.5	0.0	82.5
Peru	1.8	53.5	0.0	46.5
Chile	4.5	32.2	0.0	67.8
Venezuela	5.3	28.9	0.0	71.1
China	8.0	29.4	5.0	65.6
Japan	8.6	21.0	7.2	71.8
India	1.9	38.5	1.5	60.0
UAE	21.8	0.6	0.0	99.4
Saudi Arabia	18.0	0.1	0.0	99.9

Table 6

Electricity production and consumption per capita according to the International Energy Agency (IEA), Ember, and national energy reports for 2022

Country	Poverty level according to the international poverty line (\$3.65/day)	Electricity production per capita, kWh/person	Electricity consumption per capita, kWh/person
Sweden	0.1%	25,000	12,500
Norway	0.1%	30,500	22,900
Germany	0.4%	6,800	6,500
France	0.3%	7,200	6,900
USA	1.2%	12,800	12,000

Country	Poverty level according to the international poverty line (\$3.65/day)	Electricity production per capita, kWh/person	Electricity consumption per capita, kWh/person
Russia	2.7%	7,500	6,700
Poland	0.8%	5,600	5,400
Peru	8.5%	1,600	1,400
Chile	3.1%	3,900	3,700
Venezuela	more than 25%	2,200	1,800
China	4.8%	5,900	5,500
Japan	0.7%	7,400	7,100
India	18.7%	1,300	1,100
UAE	0.1%	13,500	12,800
Saudi Arabia	0.1%	10,200	9,500

Table 7

Presence of a carbon credit system and the year of its launch, the share of ESG funds in the investment fund market, Economic Complexity and Environmental Performance Indexes based on the Yale EPI Report, Morningstar, GSIA, and national association reports for 2022

Country	Presence of a carbon credit system or equivalent	Year of launch of carbon credit system or equivalent	Share of ESG funds in the investment fund market, %	Economic Complexity Index (ECI)	Environmental Performance Index (EPI)
Sweden	Yes	2002	45–50	+1.82	72.7
Norway	Yes	2005	30–40	+1.15	77.7
Germany	Yes	2005	25–35	+1.94	62.8
France	Yes	2005	35–45	+1.45	71.1
USA	partially (at the level of individual states)	2009	15–20	+1.60	51.1
Russia	partially (experimental mode in one area)	2022	< 1	-0.42	42.5
Poland	Yes	2005	5–10	+0.85	60.9
Peru	No	-	< 2	-0.55	57.3
Chile	Yes	2017	5–10	+0.10	55.3
Venezuela	No	-	< 0.5	-1.20	43.0
China	Yes	2021	2–5	+0.95	28.4
Japan	partially (in certain regions)	2010	10–15	+1.90	57.2
India	No	-	3–7	-0.30	18.9
UAE	No	-	5–15	+0.10	45.9
Saudi Arabia	No	-	5–15	-0.45	42.4

Note to Table 7:

ESG mutual funds channel money from private investors into companies that demonstrate best practices in environmental protection (E), social responsibility (S), and corporate governance (G). ESG mutual funds are changing the investing paradigm. The question is no longer, "How much do I earn?" but, "What value do I create and how do I earn?". Profitability is becoming dependent on a company's ability to make a positive impact beyond its direct financial statements. Through these funds, capital becomes more accessible to companies that meet ESG criteria. The Economic Complexity Index (ECI) measures the diversification and technological sophistication of a country's exports. The scale ranges from negative values (raw materials economies) to +2.5 (high-tech countries). The index is calculated based on an analysis of thousands of export items, revealing the uniqueness and complexity of the goods produced.

The Environmental Performance Index (EPI) is a global ranking that evaluates countries' environmental policies in two key areas: ecosystem health (biodiversity, forests, and water resources) and public health (air and water quality, exposure to toxins). The index scale is: 90–100 (leaders), 80–89 (high level), 70–79 (average level), 60–69 (below average), and <60 (low level).

2.6. Analysis of the principle of "Ethics in business and democratization of labor"

The final important element of the humanization of the economy is the democratization of labor through the participation of workers in enterprise management. The development of cooperatives, social entrepreneurship, and other forms of social economy contributes to the strengthening of social and economic stability due to less dependence on the state budget, participation in management and distribution of income between members, stability and improvement of the quality of labor, and, in part, environmental responsibility (most social enterprises operate in the "green economy"). These organizations prioritize social and environmental goals above profit, reinvest in

social and environmental missions, and employ vulnerable groups of the population.

An analysis of the data in Table 8 below demonstrates that the share of social economy in GDP and the sustainability index of social enterprises correlate with the Social Progress Index (SPI). Countries with a share of social economy enterprises >8% of GDP (Sweden, Norway, Germany, France) and a high level of their sustainability are leaders in SPI.

However, it's also worth noting that government policy can either enhance or weaken the effect. Thus, even 3.8% of the social economy in Chile yields an SPI of 82.9, which is explained by large-scale social programs.

Table 8

Share of social economy in GDP, sustainability index of social enterprises and social progress index according to OECD, ILO, Common Good Economy Network, Social Progress Imperative, and other national reports for 2022

Country	Share of social economy (cooperatives, social entrepreneurship and other forms) in GDP, %	Social Economy Resilience Index (SERI)	Social Progress Index (SPI)
Sweden	9.8	82	90.4
Norway	8.7	80	90.3
Germany	8.3	78	88.8
France	9.5	81	87.4
USA	5.9	65	84.2
Russia	1.7	48	69.1
Poland	6.2	68	85.1
Peru	3.1	53	71.6
Chile	3.8	62	82.9
Venezuela	2.3	45	63.8
China	4.3	58	72.0
Japan	5.8	72	87.9
India	4.1	51	60.2
UAE	3.5	61	78.4
Saudi Arabia	2.9	55	70.2

Note to Table 8:

Scale of the share of social economy in GDP: 10%+ high level, 5–10% average level, <5% low level.

Social Economy Resilience Index (SERI) assesses the ability of social economy organizations to withstand crises and maintain socio-economic stability. Its scale is: 80–100 (exceptional resilience), 60–79 (high resilience), 40–59 (average resilience), and <40 (low resilience).

The Social Progress Index (SPI) is a comprehensive indicator that assesses the actual quality of life in a country, going beyond economic metrics (such as GDP). Its scale is: ≥85 very high progress, 70–84 high, 55–69 average, and <55 low.

2.7. Analysis of barriers and obstacles to the implementation of the principles of humanization of the economy

Analyzing Table 9, which displays indicators reflecting barriers to the humanization of the economy (resource dependence, corruption, and bureaucracy), it can be noted that there is a correlation between a high share of raw material exports (>60%) and a low ECI (respectively, a purely raw materials type of economy) and a low CPI (corruption perception index). The leaders in the ranking of countries with high public sector corruption are outsiders in the economic complexity index: Venezuela, with a 98% share of raw material exports; Russia, with 70%; and Peru, with 75%. These countries, with a high share of raw material exports, have completely undiversified economies, meaning they have no sources of income other than the sale of raw materials. The high level of public corruption in these countries is due, among other things, to the concentration of raw materials—the main sources of state revenue—in the hands of the country's elites, which leads to increased corruption (the "resource curse").

A correlation is also found between government type, the Corruption Perceptions Index, and the Economic Complexity Index. Overall, an analysis of 2022 data reveals a correlation: countries with developed democracies have higher CPI than countries with less established democracies or authoritarian or hybrid regimes. This is linked to the quality of institutions, freedom of enterprise, and, consequently, the dynamics of economic growth,

the level of investment in economic development and in innovation.

Once again, it's impossible not to mention the exceptions to the identified system: the UAE and Saudi Arabia, which, despite their authoritarian regimes, raw materials economies, and high share of raw materials exports, have decent Corruption Perceptions Index scores comparable to those of the United States. It's worth noting that the governments of the UAE and Saudi Arabia are pursuing policies to modernize their economies. To diversify their economies, attract foreign investment, and create global business hubs, they needed an impeccable reputation for business practices. To this end, they created the most comfortable and transparent conditions for business: free economic zones with transparent laws and courts, clearly defined procedures, and control of their compliance. They also introduced digitalization of public services, significantly reducing the potential for corruption. All these processes are reflected in the Economic Complexity Index and Corruption Perceptions Index, significantly improving these indicators.

Norway and Chile are also notable exceptions: despite their high share of raw materials exports, they have high Corruption Perceptions Indexes and decent Economic Complexity Indexes. While the UAE and Saudi Arabia's high CPI scores are a consequence of authoritarian stability and vertical control, in Norway and Chile, it is the result of the long-term development of strong democratic institutions.

Table 9

Corruption Perception Index, Economic Complexity Index, share of raw materials exports in country's exports, share of raw materials exports in GDP according to Transparency International, World Bank, Harvard Atlas of Economic Complexity, and The Economist Democracy Index for 2022

Country	Share of raw materials exports in country's exports, %	Share of raw materials exports in GDP, %	Economic Complexity Index (ECI)	Corruption Perceptions Index (CPI)
Sweden	35	5–7	+1.82	85
Norway	65	15	+1.15	84
Germany	20	2–3	+1.94	80
France	25	1–2	+1.45	72
USA	30	2–3	+1.60	69
Russia	70	15–20	-0.42	28
Poland	30	5–7	+0.85	58
Peru	75	10	-0.55	38
Chile	80	12–15	+0.10	67
Venezuela	98	10–15	-1.20	14
China	15	2–3	+0.95	45
Japan	5	0.5–1	+1.90	73

Country	Share of raw materials exports in country's exports, %	Share of raw materials exports in GDP, %	Economic Complexity Index (ECI)	Corruption Perceptions Index (CPI)
India	40	3-4	-0.30	40
UAE	85	20-25	+0.10	67
Saudi Arabia	90	25-30	-0.45	52

Notes to Table 9:

The Economic Complexity Index (ECI) measures the diversification and technological sophistication of a country's exports. The scale ranges from negative values (raw materials economies) to +2.5 (high-tech countries). The index is calculated based on an analysis of thousands of export items, revealing the uniqueness and complexity of the goods produced.

The Corruption Perceptions Index (CPI) reflects the level of corruption in the public sector on a scale from 0 (the most corrupt country) to 100 (the least corrupt). It is based on expert assessments and surveys of entrepreneurs, analyzing areas such as bribery, misappropriation of public funds, patronage in government appointments, and the effectiveness of anti-corruption measures.

Critically, these indices are interrelated: corruption (as measured by the CPI) often hinders the development of a complex economy (ECI).

3. Discussion of the obtained results and formulation of the main conclusions of the study

Based on the analysis, it can be concluded that the successful experiences of a number of countries demonstrate the viability of the concept of

humanization of the economy. Germany and the Scandinavian countries demonstrate a successful combination of a market economy with a strong social policy and other criteria of economic humanization principles.

Table 10

Examples of successful implementation of the principles of humanization of the economy

Country	Implemented principles of humanization of the economy
Sweden, Norway, Germany	<ul style="list-style-type: none"> a high level of investment in human capital maintains high levels of the human development index and the well-being of society; a high level of minimum wage/actual income, combined with effective tax redistribution, reduces social tension and the level of poverty; environmental responsibility, expressed in the implementation of "green" technologies, reducing the carbon footprint and the transition to renewable energy sources, improves the quality of life of citizens and is also a concern for future generations; the development of cooperatives and social entrepreneurship, increasing the share of the social economy in GDP contributes to strengthening social stability and improving the quality of labor, the combination of trade unions and employers minimizes conflicts; developed democracy prevents the growth of corruption, increases the effectiveness of social programs and promotes a fair distribution of resources

Based on the conducted analysis and historical context, two clear paths can be identified that were chosen by the most successful and developed countries among those analyzed:

1. Socially oriented market economy (humanized economy model): characterized by an active role of the state in income redistribution, the creation of a strong social protection system (healthcare, education, pensions), and an aspiration to reduce inequality and build a "welfare society." Notable examples include Sweden, Norway, and Germany.

2. Liberal market economy: the primary emphasis is on the free market, minimal government intervention in the economy, low taxes, and the encouragement of individual entrepreneurship. Social security is largely an individual responsibility or is provided through the market. Prominent examples include the United States and Japan. Japan, despite cultural differences, adopted many features of this model economically after World War II, particularly in corporate governance and the role of big business.

Below is a comparative analysis of these groups in the following context: Scandinavian countries (Sweden, Norway) versus the USA and Japan versus Germany.

Group 1: Scandinavian countries (Sweden, Norway) vs. the USA.

Key similarities:

1. All countries have diversified economies and very high levels of GDP per capita (\$62,926 – \$89,114).

2. High human development indices (>0.92) that indicate a high quality of life in general.

3. Long history of stable political structure and industrialization (>100 years).

Key differences:

1. Redistribution of wealth and inequality:

- Scandinavian countries exhibit exceptionally low Gini coefficients (0.26–0.27) and a near-zero poverty rate (0.10%). This is a direct consequence of humanization policies. A progressive tax system and high social spending effectively redistribute wealth.

- Despite a comparably high GDP per capita in the group (\$76,399), the United States has the highest Gini coefficient (0.39) in the group and a poverty rate (1.20%) that is 12 times higher than in Scandinavia. This confirms the thesis that the liberal model creates greater inequality, even with high overall prosperity.

2. The role of the state and social spending:

- Paradoxically, the US spends a whopping 24.3% of GDP on education and healthcare (the highest figure among all countries in the sample), yet the results are clearly worse. This is explained by the fact that spending in the US is largely private (expensive health insurance, fee-based higher education). The system is inefficient in terms of "social impact per dollar."

- Scandinavia spends less (17.0–17.7% of GDP), but the services are public and of high quality, ensuring universal access. This is a more effective model in terms of humanization.

- Quality of society and environment:

- Scandinavian countries lead in the Social Progress Index (90.3–90.4) and the Environmental Performance Index (72.7–77.7). This reflects a comprehensive approach to development, where economic growth is inseparable from social and environmental well-being.

- The United States lags behind on these indicators (SPI=84.2, EPI=51.1), indicating that economic efficiency is prioritized over social and environmental components.

3. Corruption:

- The more cohesive and equal societies of Scandinavia show the highest scores on the Corruption Perceptions Index (84–85 points).

- The United States (69 points) shows the worst result in the group of developed democracies, which correlates with the characteristic of the type of political regime indicated in the table: "fusion of business and government" (lobbying).

Conclusion for Group 1: The Scandinavian model of humanization of the economy has proven effective in creating a more equal, socially secure, and sustainable society with a high quality of life. The liberal US model generates comparable enormous economic wealth, but at the cost of significant inequality and lower social and environmental standards.

Group 2: Germany vs. Japan (considering post-war recovery).

This comparison is particularly revealing in the historical context, as both countries:

- Were completely destroyed in 1945 after the end of World War II (both countries took a major part in the war and lost).

- Have a comparable period since the beginning of industrialization (Germany – 151 years, Japan – 142 years).

- They have equal length of existence of the current democratic regime (75 years).

- They have highly diversified and complex economies (high ECI: 1.94 and 1.90).

Key differences:

1. Selecting an economic model:

- Germany consciously chose the path of a socially oriented market economy (a concept pioneered by Ludwig Erhard, the eminent economist and statesman, which became the foundation of Germany's post-war economic recovery). Erhard believed that economic freedom was a necessary condition for political freedom, and the state's social responsibility was a guarantee of societal stability. His approach can be characterized as a "third way" between wild capitalism and totalitarian socialism. It is a humanizing approach aimed at combining market competition with a strong social network.

- Japan followed a path similar to the American one, with an emphasis on powerful corporations, lifetime employment, and a relatively weak state social security system compared to Europe. Social security was largely provided by companies and families.

2. Results of model selection:

- **Inequality:** Germany (Gini coefficient of 0.29) demonstrates a more equal income distribution than Japan (0.32). The poverty rate in Japan (0.70%) is almost twice as high as in Germany (0.40%).
- **Social spending:** Germany spends 17.3% of GDP on social benefits (education and healthcare), close to the Scandinavian level. Japan spends significantly less (14.8%). This directly reflects the varying roles of the state in societal well-being.
- **Quality of life and society:** Germany has a higher HDI (0.951 vs. 0.936) and SPI (88.8 vs. 87.9), indicating a higher overall quality of the social environment.
- **Economic impact:** Despite all this, Germany's per capita GDP (\$63,150) is significantly higher than Japan's (\$42,248). This may indicate that the German model has proven not only more "humane" in the long term, but also more economically efficient in today's environment.

Conclusion for Group 2: Both countries achieved an "economic miracle" after the end of World War II. However, Germany's choice of a humanizing path (social market economy) led to the creation of a society with less inequality, a stronger system of state social support, and, notably, a higher level of economic well-being per capita today. The Japanese model, closer to the American one, led to the formation of a society with greater social stratification.

General conclusion:

The analysis convincingly demonstrates that the humanization model of the economy (a socially oriented market economy) leads to the formation of more balanced, just, and socially sustainable societies without compromising economic competitiveness. Countries that have chosen this path (Scandinavian countries) lead in indicators of equality, social progress, and the fight against poverty and corruption.

The liberal-individualist model (USA/Japan), although capable of generating high aggregate GDP, creates significant inequality and leaves issues of social security to the market or corporations, which ultimately results in lower comprehensive indices of the quality of society (SPI, HDI) and higher levels of poverty.

The historical context of the post-war recovery of Germany and Japan makes their comparison a particularly pure experiment, which demonstrates the advantages of a socially oriented path even under conditions of identical starting opportunities.

Thus, in answering the first two questions posed, "Are there any examples in the world of countries with a humanized economy?" and "Is the humanization of the economy compatible with the further effective growth of the country's economy?", a positive answer can be given, supported by the research conducted.

Another conclusion that can be drawn from the study: humanization is a benefit that can only be afforded by countries with stable political regimes that have already resolved the basic problems of survival and economic growth. An analysis of all the research tables shows that such countries must meet the following thresholds in the designated categories:

1. High economic performance:

- GDP per capita > \$40,000. This is the level at which society as a whole overcomes poverty and a significant middle class is formed, willing to pay taxes in exchange for high-quality public goods.
- A diversified, complex economy (high ECI > 1.0). A raw materials economy (Russia, Venezuela, Saudi Arabia) does not create a stable, broad tax base (revenues depend on resource prices) and often leads to the formation of authoritarian or oligarchic regimes, where there is no incentive to share wealth. A diversified, knowledge- and technology-based economy (characteristic of all countries with a humanized economy) requires a highly educated and healthy workforce, which creates a natural demand for investment in human capital.
- Overcoming absolute poverty (<1%). While a significant portion of the population lives in poverty, state resources are directed toward targeted assistance rather than creating a universal system of high-quality services.

2. Stability and democracy of political institutions:

- The key factor is the long-term stability of political institutions. Economic development alone is not enough. A political system capable of transforming economic success into sustainable social institutions is needed.
- Countries with humanized economies (Sweden, Norway, Germany) have stable democratic regimes for over 65–75 years. It is not a coincidence. It is over a long period that a social agreement between citizens, businesses, and the state is formed. People trust the state because they believe their taxes won't be stolen but will be converted into high-quality public services. This trust is reflected in high Corruption Perceptions Indexes (CPI > 80).

- Chile and Poland are examples of stable democracies (35 years) that have reached the GDP threshold and are already demonstrating significant social progress (SPI > 82–85) compared to their less stable neighbors (Peru, Venezuela). They may be in a transitional phase toward humanization of the economy.

- Russia, China, and Venezuela demonstrate that even with significant economic indicators (Russia with \$35,000 GDP per capita, China with rapid growth), authoritarian regimes do not choose the path of systemic humanization. Social spending in these countries is low (10% of GDP), and inequality is high. The state in such systems is not accountable to the population and has no incentive to ensure fair redistribution.

General conclusion:

The analysis shows that time for development is a resource, but not a guarantee of success. Humanization of the economy becomes possible not at a specific year of industrialization, but when two conditions are simultaneously met:

1. Economic condition: The country has achieved a high level of prosperity (GDP per capita > \$40,000 – \$50,000) based on a diversified, complex economy that creates a material basis for redistribution.

2. Political condition: the country has had stable, publicly accountable democratic institutions for a long time (as in the case of Poland, which may choose a socially oriented market economy model, for at least 35 years), which form public demand for justice and ensure the efficient and transparent use of resources for social purposes.

Thus, in answer to the last question posed, "At what stage of the country's political and economic development does economic humanization become possible as a branch of further development?", it can be answered that economic humanization is a conscious, but not obligatory, political choice of a mature democratic society that has achieved a high level of economic development.

4. Conclusion

The study analyzed the key principles of humanization of the economy (recognition of human capital as the main resource of modern society, social justice, concern for future generations through ecology, ethics in business and democratization of labor), identified the main barriers and obstacles to its implementation (raw materials dependence, corruption, bureaucracy), and found answers to the questions posed in the study:

1. Are there any examples in the world of countries with a humanized economy?

2. Is the humanization of the economy compatible with the further effective growth of the country's economy, or is it a factor hindering economic development?

3. At what stage of a country's political and economic development does economic humanization become possible?

The study identified countries that have chosen the path of economic humanization, embodied in the construction of a socially oriented market economy. These countries include Sweden, Norway, and Germany.

These countries lead in economic indicators (GDP per capita, Economic Complexity Index) as well as in equality, social progress, poverty and corruption reduction, and environmental efficiency. The analysis convincingly demonstrates that the humanization model of the economy leads to the formation of more balanced, just, and socially sustainable societies without compromising economic competitiveness.

Therefore, humanization of the economy is not a utopian, unrealistic concept. However, as the study also confirmed, only countries with stable political regimes that have already resolved the basic problems of survival and economic growth can afford this development path.

At the same time, the long period allocated for the development of the country's economic and political systems is a resource, but it is not a guarantee of success. Humanization of the economy becomes possible not at a specific year after the country's industrialization begins, but rather when two conditions are simultaneously met: the country achieves a high level of prosperity (GDP per capita > \$40,000 – \$50,000) based on a post-industrial, diversified, high-tech economy; and the existence of stable, publicly accountable democratic institutions over a long period (at least 35 years), which generate public demand for justice and ensure the effective and transparent use of resources for social purposes.

Thus, the humanization of the economy is a conscious, but not obligatory, political choice of a mature democratic society that has achieved a high level of economic development.

References

1. Smirnova E.V. Goals and factors of humanization of economic growth // Space of economy. 2018. No. 3-2. P. 58-61. <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-factory-gumanizatsii-ekonomicheskogo-rosta/viewer>.

2. Komkov N.I., Sutyagin V.V., Volodina N.N. Humanization of the Russian economy as a factor in its development and ensuring socio-political security // Russia: development trends and prospects. 2019. No. 14-1. P. 107-112. <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizatsiya-rossiyskoy-ekonomiki-kak-faktor-ee-razvitiya-i-obespecheniya-sotsialno-politicheskoy-bezopasnosti/viewer>.

3. Kan E.N., Trunin V.I., Sopina N.V. The quality of economic growth as a basis for the humanization of the economy // Problems of modern economics. No. 2 (74). 2020. P. 57-62. <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ntjlsa&ysclid=mdx6ymaeza318170203>.

4. Kisova A.E. Humanization of economic growth and its development in Russia. Cand. of Economic Sciences: 08.00.01. Moscow State University, Moscow. 2012. 185 p. <https://www.dissercat.com/content/gumanizatsiya-ekonomicheskogo-rosta-i-ee-razvitie-v-rossii?ysclid=mdx6wlho9s706693196>.

5. Kisova A.E., Romashchenko T.D. Conceptual model of humanization of economic growth // Socio-economic phenomena and processes. 2021. No. 5-6. P. 110-115. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-gumanizatsii-ekonomicheskogo-rosta/viewer>.

АРЦЫБАШЕВ Денис Валерьевич

доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма,
Курский государственный университет, Россия, г. Курск

ШУМАКОВ Ренат Александрович

магистрант, Курский государственный университет, Россия, г. Курск

СТАНДАРТЫ ОПЕРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ РЕСТОРАННОГО СЕРВИСА НА ПРИМЕРЕ РЕЗИДЕНЦИИ «КРЫМСКИЙ БРИЗ HOTEL & VILLAS»

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ стандартов операционной деятельности службы ресторанного сервиса на примере премиальной резиденции «Крымский Бриз Hotel & Villas» (Крым, пгт. Парковое). Рассматриваются теоретические аспекты стандартизации и их практическая реализация в условиях отеля категории 5 звезд. На основе изучения опыта отеля-резиденции выделены ключевые стандарты, способствующие повышению качества обслуживания и формированию уникального гостевого опыта. Доказывается эффективность внедрения детализированных операционных стандартов для достижения конкурентных преимуществ на рынке гостиничных услуг премиум-класса.

Ключевые слова: гостиничный комплекс, ресторанный сервис, стандарты обслуживания, операционная деятельность, качество услуг, Крымский Бриз.

Современный гостиничный бизнес, в частности его премиальный сегмент, характеризуется усилением конкуренции и ростом требований гостей к качеству обслуживания. В этих условиях ресторанный сервис трансформируется из вспомогательной услуги в ключевой элемент гостевого опыта, непосредственно влияющий на общее впечатление от пребывания в отеле и лояльность гостей. Индустрия гостеприимства Крыма демонстрирует активное развитие, в рамках которого особый интерес представляет опыт успешных отельных резиденций. Резиденция «Крымский Бриз Hotel & Villas», расположенная в Большой Ялте и обладающая подтвержденной классификацией 5 звезд (реестровый номер С912024007934), служит показательным примером выстраивания высокостандартизированной системы ресторанного сервиса [1, 4]. Качество обслуживания в ресторанах гостиничных комплексов определяется неукоснительным соблюдением установленных стандартов операционной деятельности, которые являются основой стабильно высокого уровня сервиса.

Стандарты обслуживания в гостиничных ресторанах представляют собой комплекс унифицированных процедур, требований и критериев качества, направленных на обеспечение стабильно высокого уровня обслуживания

гостей. Эти стандарты охватывают все аспекты операционной деятельности – от подготовки помещений и оборудования до непосредственного взаимодействия персонала с гостями. Под стандартами обслуживания подразумевается совокупность процедур и ежедневных операций, выполняемых персоналом и способствующих максимальному удовлетворению посетителей.

Для создания качественного продукта каждому гостиничному предприятию, особенно в сегменте "люкс", необходимо использовать в своей работе многоуровневую систему стандартов обслуживания. В условиях резиденции «Крымский Бриз Hotel & Villas», которая работает с требовательной клиентурой и обладает сложной инфраструктурой, включающей 15 отдельных вилл и 119 номеров, значение стандартизации операционных процессов многократно возрастает [1, 5]. Стандарты организации призваны создать соответствующий уровень обслуживания, обеспечивая при этом необходимую гибкость и персонализацию.

Ресторанная служба резиденции «Крымский Бриз Hotel & Villas» представляет собой сложноорганизованный комплекс, функционирующий на различных локациях на территории отеля площадью 20 гектаров [2, 5]. Ключевыми элементами этой системы являются:

- Ресторан «Piazzetta» – расположен в рекреационном комплексе «Деревня» в самом сердце отеля. Согласно стандартам, его интерьер выполнен в изысканном средиземноморском стиле, а в структуре заведения предусмотрены три зала: основной, каминный и винный погреб, а также большая терраса. По вечерам здесь собираются гости со всех вилл, что требует от персонала безупречного соблюдения стандартов сервиса и работы с высокой нагрузкой [1].

- Ресторан «Melodia» – находится на втором этаже виллы «Анюта» и является основным для организации завтраков по системе «шведский стол». Стандарты предусматривают, что в летний сезон он становится «местом, где гости отеля начинают чувствовать свое «доброе утро» [1]. Особый стандарт применяется к ассортименту: «хрустящие круассаны, потрясающая выпечка, большое количество салатов, домашние сыры, соленья, несколько видов рыбы, икра, шампанское» [1].

- «Breeze Cafe» – представляет собой открытую веранду на пирсе с белой плетеной мебелью. Стандарт позиционирует его как «место, где тема мяса, гриля и птицы раскрыта в полной мере», с обязательной открытой кухней, где «любой гость может наблюдать, как готовится заказанное им блюдо» [1].

- «Gourmet Breeze» – ориентирован на «любителей гастрономических экспериментов», что требует от персонала углубленных знаний в области сочетаемости продуктов и вин [1].

Отель «Крымский Бриз Hotel & Villas» внедрил систему стандартов, которая охватывает все аспекты операционной деятельности:

- Единые технологические стандарты для всех предприятий питания на территории: использование системы климат-контроля, полов с подогревом, единых брендов оборудования (эспрессо-кофе-машины Tonino Lamborghini в номерах) и косметики (Damana) [3, 6].

- Стандарты питания и меню: завтрак («шведский стол») в ресторане «Melodia», обед и ужин по системе а la carte. При низкой загрузке отеля стандарт предусматривает переход на комплексное меню [5].

- Система контроля качества, включающая многоуровневый мониторинг: ежедневный операционный контроль, еженедельный мониторинг качества, ежемесячный анализ показателей удовлетворенности гостей и

квартальный аудит системы стандартов.

Внедрение и соблюдение высоких стандартов операционной деятельности непосредственно влияет на формирование гостевой лояльности и деловую репутацию отеля. Резиденция «Крымский Бриз Hotel & Villas» в 2023 году получила Национальную гостиничную премию как «Лучший отель категории «пять звезд», а также была признана «Лучшим предприятием общественного питания Республики Крым – 2023» в номинации «Лучший курортный ресторан Республики Крым – 2023» [2, 3]. Эти достижения являются прямым следствием внедрения эффективной системы стандартов.

Правильно разработанные стандарты операционной деятельности позволяют сочетать требования стандартизации с необходимостью персонализации обслуживания. Внедрение таких стандартов способствует достижению следующих целей: обеспечение стабильности качества обслуживания; снижение влияния человеческого фактора на качество услуг; ускорение процесса адаптации нового персонала; упрощение системы контроля качества обслуживания; повышение эффективности управления операционной деятельностью; создание основы для персонализации обслуживания; увеличение удовлетворенности гостей и их лояльности.

Таким образом, в статье рассмотрены теоретические и практические аспекты разработки стандартов операционной деятельности службы ресторанного сервиса в гостиничных комплексах на примере резиденции «Крымский Бриз Hotel & Villas». Проанализирована структура ресторанного комплекса отеля, выделены ключевые стандарты обслуживания и технологических процессов. На основе изучения опыта резиденции доказана эффективность внедрения детализированных операционных стандартов для достижения высоких качественных показателей и отраслевого признания. Практическая реализация предложенной модели подтверждает ее эффективность и возможность применения в современных гостиничных предприятиях премиум-класса.

Литература

1. Детальное описание отеля на портале <https://tophotels.ru/hotel/al87468/description>.
2. Информация об отеле на сайте туроператора «Кандагар» <https://www.kandagar.com/objects/krymskij-briz/>.

3. Материалы туроператора «Дельфин» по отелю «Крымский Бриз Hotel&Villas» <https://www.delfin-tour.ru/hotels/473.html>.

4. Официальный сайт резиденции «Крымский Бриз Hotel & Villas» – раздел «Важная информация» <https://crimeabreeze.com/important>.

5. Описание комплекса на ресурсе https://www.alean.ru/hotels/rossiya/respublika_kr_ym/yalta_gorodskoy_okrug/parkovoe/krymskiy_briz_rezidenciya/.

6. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1853 (ред. от 01.04.2021) «Об

утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» <https://www.consultant.ru>.

7. Петрова С.М. Современные стандарты ресторанного обслуживания; Питер – СПб., 2021. – 288 с.

8. Иванов А.В. Управление качеством в индустрии гостеприимства; Юрайт – М., 2022. – 335 с.

9. Федеральный закон «О техническом регулировании» от 27.12.2002 № 184-ФЗ (последняя редакция) <http://www.consultant.ru>.

ARTSYBASHEV Denis Valerievich

Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism,
Kursk State University, Russia, Kursk

SHUMAKOV Renat Alexandrovich

Master's Student, Kursk State University, Russia, Kursk

**STANDARDS OF OPERATIONAL ACTIVITY
OF THE RESTAURANT SERVICE ON THE EXAMPLE OF THE RESIDENCE
"CRIMEAN BREEZE HOTEL & VILLAS"**

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the standards of operational activity of the restaurant service on the example of the premium residence "Crimean Breeze Hotel & Villas" (Crimea, village. Park). The theoretical aspects of standardization and their practical implementation in a 5-star hotel are considered. Based on the study of the experience of the residence hotel, key standards have been identified that contribute to improving the quality of service and creating a unique guest experience. The effectiveness of the implementation of detailed operational standards for achieving competitive advantages in the premium hotel services market is proved.*

Keywords: *hotel complex, restaurant service, standards of service, operational activity, quality of services, Crimean Breeze.*

НАРБИН Владислав Алексеевич

студент, Белорусский национальный технический университет, Беларусь, г. Минск

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние технологических инноваций на экономическое развитие в условиях глобализации и цифровизации. Анализируется мировой опыт инновационного роста с акцентом на развитые страны и сопоставляется с опытом Республики Беларусь. Особое внимание уделяется показателям инвестиций в научные исследования и разработки. Представлены рекомендации по усилению роли технологических инноваций в обеспечении устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности страны.

Ключевые слова: технологические инновации, экономическое развитие, цифровизация, конкурентоспособность, венчурное финансирование, стартапы, инновационная инфраструктура, интеграция науки и бизнеса.

Введение

В современном мире технологические инновации становятся важнейшим фактором экономического роста, трансформируя структуру национальных экономик, влияя на их конкурентоспособность и устойчивость. Условия ускоренной цифровизации, глобализации и усиливающейся конкуренции между странами и компаниями определяют инновации не просто как инструмент повышения производительности, но и как фундамент для формирования новых рынков, отраслей и рабочих мест. Особенно ощутимо возросла роль технологических инноваций в экономике после пандемии COVID-19, что подтверждается как мировым опытом, так и тенденциями, наблюдаемыми в Республике Беларусь. Настоящая работа направлена на изучение воздействия технологических инноваций на экономическое развитие, анализ международного опыта и ситуации в Беларуси, а также проведение сравнительного анализа указанных аспектов.

Основная часть

Вопросы влияния технологических инноваций на экономику широко представлены в научных исследованиях и аналитических отчетах международных организаций [1, 2, 3]. Классические теории Й. Шумпетера, определяющие инновации как драйвер экономического прогресса, получили развитие в современных исследованиях, подчеркивающих роль инноваций в повышении производительности, создании новых отраслей и обеспечении устойчивого развития [4]. Согласно недавнему докладу Всемирного банка, страны, инвестирующие в

научные исследования и разработки (НИОКР), демонстрируют более высокие темпы роста ВВП и экспорта высокотехнологичной продукции [2]. Лидерами в области инноваций остаются США, Германия, Южная Корея, Израиль, Китай, а также Сингапур и Швеция [3].

В этих странах государственная политика направлена на стимулирование инновационной активности, развитие венчурного финансирования, поддержку стартапов и интеграцию науки и бизнеса. Например, в США инвестиции в ценные бумаги в 2023 году достигли 3,46% от ВВП, в Южной Корее – 4,93%, в Израиле – 5,6% от ВВП, что является мировым рекордом [1]. Германия в 2023 году инвестировала в ценные бумаги различных компаний и стартапов 3,13% от ВВП, а Китай – 2,64% от ВВП, что позволило ему войти в пятерку мировых лидеров по количеству патентов и инновационных стартапов [1, 5].

Особое внимание в мировой практике уделяется развитию цифровых технологий, искусственного интеллекта, биотехнологий, возобновляемой энергетики и «зеленых» инноваций. В 2023 году мировой рынок искусственного интеллекта превысил 200 млрд долларов США, а инвестиции в «зеленые» технологии достигли 1,7 трлн долларов США [6]. Ведущие страны активно внедряют инновации в промышленность, транспорт, энергетику, здравоохранение и образование, что способствует не только экономическому росту, но и решению социальных и экологических проблем [8].

В Республике Беларусь развитие инновационной экономики также является одним из

приоритетов государственной политики [9, с. 99]. В 2023 году продолжалась реализация Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития до 2030 года, уделяющей особое внимание развитию науки, технологий и инноваций [10]. В стране функционируют 16 технопарков, 19 бизнес-инкубаторов, а также Парк высоких технологий (ПВТ), ставший одним из драйверов цифровой трансформации экономики. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2023 году инвестиции в ценные бумаги составили 0,68% от ВВП, что выше показателей предыдущих лет, но все еще значительно ниже среднемирового уровня [11].

В структуре инновационной деятельности Беларуси преобладают крупные государственные предприятия, однако в последние годы наблюдается рост числа малых и средних инновационных компаний, особенно в IT-секторе. В 2023 году экспорт IT-услуг из Беларуси составил 1,8 млрд долларов США [12]. Кроме того, в Беларуси развиваются инновационные проекты в области машиностроения, медицины, агротехнологий и химической промышленности. Этому способствует реализация молодежных инициатив, таких как «100 идей для Беларуси» [13].

Однако, несмотря на отдельные успехи, уровень инновационной активности в Беларуси остается недостаточным для обеспечения устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности на мировом рынке. Согласно данным Global Innovation Index 2024, Беларусь занимает 58-е место среди 132 стран, уступая ведущим мировым экономикам, Центральной и Восточной Европы, таким как Польша (41-е место), Литва (34-е место) и Чехия (26-е место) [3]. Основными проблемами остаются недостаточный объем инвестиций в НИОКР, ограниченный доступ к венчурному финансированию, слабая интеграция науки и бизнеса, а также институциональные барьеры для развития инновационного предпринимательства [3].

Сравнительный анализ показывает, что Беларусь по ряду ключевых показателей инновационного развития уступает мировым лидерам. Например, в 2023 году в Беларуси было подано 1,2 тыс. патентных заявок, в Германии – более 67 тыс., в Южной Корее – 237 тыс., а в Китае – свыше 1,5 млн [5]. Доля частного сектора в финансировании НИОКР в Беларуси составляет около 30%, в странах ОЭСР этот

показатель превышает 60% [1]. Ведущие страны активно развивают стартап-экосистемы, венчурные фонды, акселераторы и кластеры, что способствует быстрому внедрению инноваций в экономику. В Беларуси такие структуры существуют, но их масштабы и эффективность пока не сопоставимы с мировыми лидерами [13].

Важным отличием является также уровень интеграции науки и бизнеса. В развитых странах активно развиваются формы сотрудничества между университетами, исследовательскими центрами и промышленностью, что способствует коммерциализации научных разработок и созданию новых продуктов [7]. В Беларуси такие формы взаимодействия пока развиты недостаточно, что ограничивает потенциал трансфера технологий и внедрения инноваций в реальный сектор экономики [14, с. 53-64].

В Беларуси есть положительные примеры развития инновационной инфраструктуры. ПВТ продолжает привлекать резидентов, в 2023 году их число превысило 1,1 тыс. компаний, а объем выручки составил 4,2 млрд долларов США [12]. В стране реализуются проекты по цифровизации промышленности, развитию «умных» городов, внедрению технологий искусственного интеллекта и интернета вещей [15, с. 101; 16, с. 446]. В 2023 году Беларусь вошла в топ-50 стран по уровню развития электронного правительства [17].

Для усиления роли технологических инноваций в экономическом развитии Беларуси необходимо реализовать комплекс мер, направленных на стимулирование инновационной активности, увеличение инвестиций в НИОКР, развитие частного сектора и стартап-экосистемы. Важным направлением является совершенствование системы образования и подготовки кадров для инновационной экономики, развитие международного сотрудничества и интеграция в глобальные инновационные сети [14, с. 53-64]. Особое внимание следует уделить развитию цифровых технологий, искусственного интеллекта, биотехнологий, «зеленых» технологий и других перспективных направлений. Важно также создавать благоприятные условия для коммерциализации научных разработок, поддержки малых и средних инновационных предприятий, развития венчурного финансирования и инновационного предпринимательства [1].

Мировой опыт показывает, что страны, активно инвестирующие в науку, технологии и

инновации, достигают более высоких темпов роста, создают новые отрасли и рабочие места, обеспечивают устойчивое развитие и повышение качества жизни населения [2, 3]. Например, в 2023 году вклад инновационных отраслей в ВВП США составил более 40%, в Германии – 36%, в Южной Корее – 38% [1]. В Беларуси этот показатель оценивается в 18%, что свидетельствует о значительном потенциале для роста [11].

Условия глобальных вызовов, связанных с изменением климата, демографическими изменениями и технологической трансформацией, обуславливают возрастающую роль инноваций. Ведущие страны мира уже сегодня делают ставку на развитие «зеленых» технологий, цифровых платформ, искусственного интеллекта и биотехнологий, что позволяет им не только обеспечивать экономический рост, но и решать важнейшие социальные и экологические задачи [6, 8].

В Беларуси для достижения сопоставимых результатов необходимо не только увеличивать инвестиции в НИОКР, но и совершенствовать институциональную среду, развивать инновационную инфраструктуру, стимулировать предпринимательскую активность и интеграцию науки и бизнеса. Важно также развивать международное сотрудничество, участвовать в глобальных инновационных проектах и привлекать иностранные инвестиции и технологии [13].

Заключение

Таким образом, технологические инновации выступают ключевым фактором экономического развития, повышения конкурентоспособности и устойчивости национальных экономик. Мировой опыт и практика Беларуси свидетельствуют о том, что успех в этой области зависит от комплексного подхода, включающего инвестиции в науку и технологии, развитие инновационной инфраструктуры, поддержку предпринимательства и интеграцию в глобальные инновационные сети. Только при условии активного внедрения технологических инноваций Беларусь сможет обеспечить устойчивый экономический рост и повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке.

Литература

1. Main Science and Technology Indicators 2024 / OECD Publishing. – 2024. – URL: <https://www.oecd.org/sti/msti.htm> (дата обращения: 16.07.2025).
2. World Development Report 2024: The Middle-Income Trap / World Bank. – Washington, DC: World Bank Publications, 2024. – 242 p.
3. Global Innovation Index 2024: Innovation in the Face of Uncertainty / WIPO. – Geneva: WIPO, 2024. – URL: <https://www.globalinnovationindex.org> (дата обращения: 16.07.2025).
4. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
5. World Intellectual Property Indicators 2024 / WIPO. – Geneva: WIPO, 2024. – URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4647> (дата обращения: 16.07.2025).
6. World Energy Investment 2024 / International Energy Agency. – Paris: IEA, 2024. – URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024> (дата обращения: 16.07.2025).
7. The High-Tech Strategy 2025 / Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action, Germany. – Berlin: BMWK, 2025. – 42 p.
8. Emissions Gap Report 2024 / United Nations Environment Programme. – Nairobi: UNEP, 2024. – 75 p.
9. Карпович В.Ф. Инновационное развитие Республики Беларусь: тенденции и перспективы / В.Ф. Карпович // Инновационные механизмы и стратегические приоритеты научно-технического развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, Калуга, 20 ноября 2022 года. – УФА: ООО «Аэтерна», 2022. – С. 98-101.
10. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. / Совет Министров Республики Беларусь – Минск, 2017.
11. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. – Минск. – 78 с.
12. Парк высоких технологий. Итоги деятельности ПВТ за 2023 год. – Минск: ПВТ, 2024. – URL: <https://www.park.by/> (дата обращения: 16.07.2025).
13. Инновационная политика / Н.И. Богдан. – Минск: Четыре четверти, 2019. – 308 с.
14. Николаева А.Б. Инновации в российской и белорусской экономиках: сравнительный аспект, точки пересечения и роста / А.Б. Николаева, Т.А. Сахнович, К.В. Чугунов, С.В. Юдина // Мир новой экономики. – 2023. – Т. 17 №4. – С. 53-64. –DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-53-64

15. Карпович В.Ф. Государственно-частное партнерство как способ финансирования инфраструктурных проектов «умного» города / В.Ф. Карпович, К.Н. Драгун // International Journal of Professional Science. – 2023. – № 4. – С. 101-111.

16. Карпович В.Ф. Интеллектуальные системы управления производственными процессами в промышленности / В.Ф. Карпович // Управление информационными ресурсами: Материалы XX Международной научно-

практической конференции, Минск, 29 марта 2024 года. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. – С. 446-447.

17. UN E-Government Survey 2024 / United Nations Department of Economic and Social Affairs. – New York: UN, 2024. – URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024> (дата обращения: 16.07.2025).

NARBIN Uladzislau

Student, Belarusian National University of Technology, Belarus, Minsk

TECHNOLOGICAL INNOVATIONS AND THEIR ROLE IN ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. *The article examines the impact of technological innovation on economic development in the context of globalization and digitalization. It analyzes the world experience of innovative growth with an emphasis on developed countries and compares it with the experience of the Republic of Belarus. Particular attention is paid to indicators of investment in research and development. Recommendations are presented to enhance the role of technological innovation in ensuring sustainable economic growth and increasing the country's competitiveness.*

Keywords: *technological innovation, economic development, digitalization, competitiveness, venture financing, start-ups, innovation infrastructure, integration of science and business.*

ХАЧАТУРЯН Аркади
независимый исследователь,
Россия, г. Москва

СТРАТЕГИЯ НУЛЕВОЙ ПРИБЫЛИ: КАК РЕИНВЕСТИЦИИ НА СТАРТЕ ЗАКЛАДЫВАЮТ ОСНОВУ ДЛЯ ЛИДЕРСТВА НА РЫНКЕ

Аннотация. В статье исследуется стратегия полного реинвестирования прибыли на начальных этапах жизненного цикла малых производственных предприятий. Целью исследования является теоретическое и практическое обоснование модели «нулевой прибыли» как инструмента для формирования долгосрочного конкурентного преимущества. Задачи включают анализ теоретических концепций жизненного цикла организации и ресурсного подхода, а также разбор практического кейса российского производителя автомобильных аксессуаров, который на протяжении трех лет функционировал в режиме полного реинвестирования средств. В работе продемонстрировано, что такой подход позволяет трансформировать стадию «выживания» в этап интенсивного накопления материальных и нематериальных активов. Результаты исследования доказывают, что аккумулированные ресурсы, такие как производственные мощности, уникальный ассортимент и технологическая экспертиза, создают высокие барьеры для входа конкурентов и обеспечивают условия для последующего экспоненциального роста и завоевания лидерских позиций. Материалы статьи представляют практическую ценность для предпринимателей в производственной сфере, стремящихся к построению устойчивых бизнес-моделей.

Ключевые слова: стратегия реинвестирования, нулевая прибыль, малые и средние предприятия, производственный стартап, конкурентное преимущество, накопление капитала, жизненный цикл организации, управление ростом, кейс-стади.

Высокий уровень прекращения деятельности среди малых и средних предприятий (МСП) в производственном секторе остается одной из острых экономических проблем. Значительная часть таких компаний не преодолевает барьер первых нескольких лет существования [1, с. 201-208]. Зачастую причины неудач связаны с ошибками в финансовом планировании и нехваткой оборотного капитала для поддержания операционной деятельности и развития. Традиционный подход к управлению стартапом ориентирован на скорейшее достижение точки безубыточности и получение первой прибыли. Однако такая установка может иметь негативные долгосрочные последствия, вынуждая предпринимателей экономить на

инвестициях в оборудование, разработку продукта и маркетинг.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления финансовых стратегий на ранних стадиях развития производственного бизнеса. В условиях насыщенных рынков способность компании создать прочный фундамент в виде производственных мощностей, качества продукции и уникального торгового предложения определяет ее долгосрочную жизнеспособность. Целью настоящей статьи является анализ и обоснование эффективности стратегии полного реинвестирования доходов, или «нулевой прибыли», как осознанного управленческого решения, направленного на создание основы для будущего лидерства на рынке.

Comparative Models of Startup Financial Trajectories

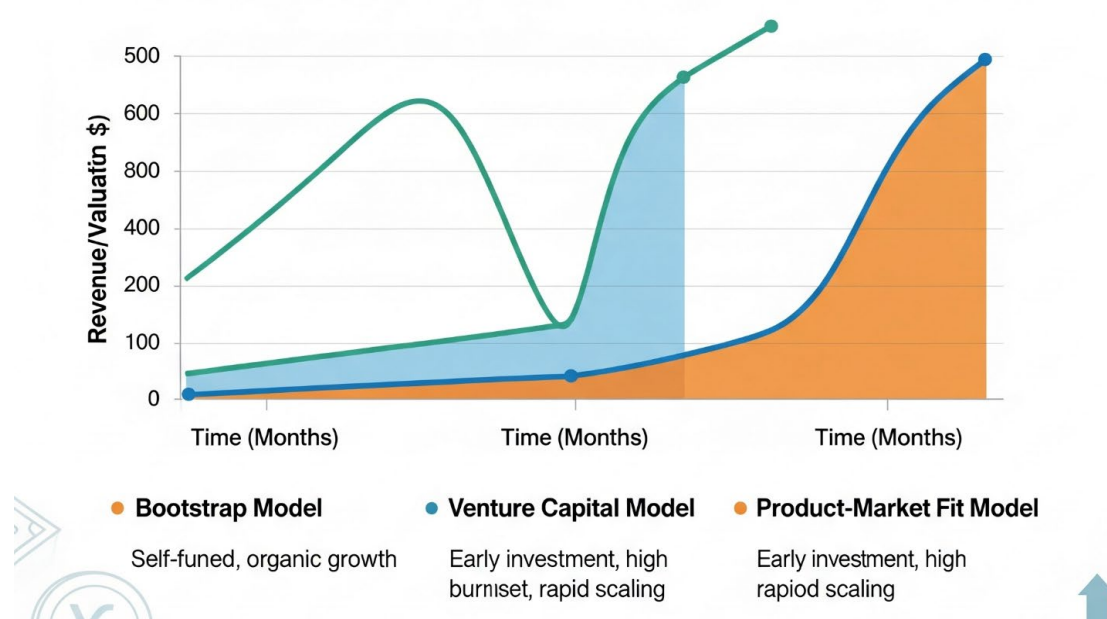

Рис. 1

Жизненный цикл организации включает несколько этапов, начальным из которых является стадия «выживания» [2]. Основная задача предприятия на данном этапе заключается в достижении операционной стабильности и подтверждении жизнеспособности бизнес-модели. В этот период компания сталкивается с максимальными рисками, обусловленными ограниченностью ресурсов и неопределенностью рыночного спроса. Стратегические решения, принимаемые менеджментом, напрямую влияют на возможность перехода к следующей стадии роста.

С точки зрения ресурсной теории фирмы (Resource-Based View), устойчивое конкурентное преимущество достигается за счет обладания ценными, редкими и труднокопируемыми ресурсами [3, с. 99-120]. Для

производственного стартапа такими ресурсами могут выступать уникальные технологии, патенты, специализированное оборудование, а также накопленные знания и компетенции персонала. Период становления компании является уникальной возможностью для целенаправленного формирования такого ресурсного портфеля. Стратегия нулевой прибыли представляет собой механизм, позволяющий конвертировать весь генерируемый денежный поток не в прибыль для собственников, а в активы, которые в будущем станут источником конкурентного преимущества. Вместо преждевременного изъятия средств, бизнес направляет их на приобретение более совершенного оборудования, расширение продуктовой линейки и исследования, тем самым закладывая фундамент для будущего доминирования.

The Four Pillars of Enterprise Growth

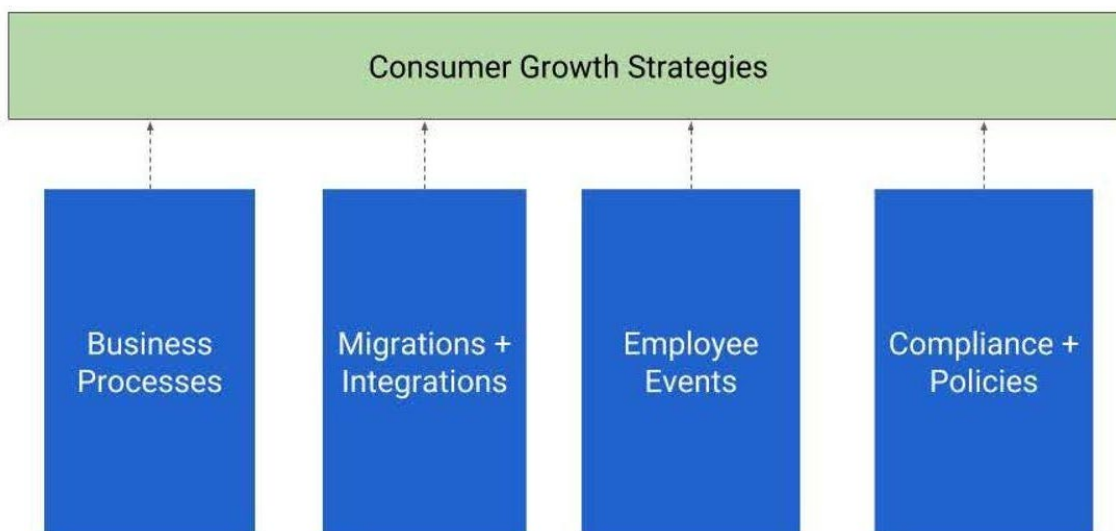

Рис. 2

Эффективность модели полного реинвестирования можно продемонстрировать на примере российского предприятия по производству автомобильных аксессуаров, основанного в 2010 году. Компания начала свою деятельность в условиях минимальных стартовых ресурсов, организовав производственный процесс в мастерской площадью 9 м².

На протяжении первых трех лет, с 2010 по 2013 год, предприятие функционировало в режиме нулевой прибыли. Весь доход, получаемый от продаж, систематически направлялся на закупку материалов и нового оборудования. Этот период, полностью соответствующий теоретической стадии «выживания», был использован не для получения текущего дохода, а для интенсивного накопления активов. Основатель компании лично занимался разработкой всех лекал и моделей продукции, что позволило сформировать уникальный портфель интеллектуальной собственности – труднокопируемый нематериальный актив. Параллельно происходило накопление материальных ресурсов в виде производственного оборудования. Таким образом, каждый заработанный рубль не изымался из оборота, а капитализировался, увеличивая производственный и инновационный потенциал компании.

По завершении трехлетнего этапа интенсивного реинвестирования предприятие обладало значительно более мощной ресурсной базой по сравнению с конкурентами, придерживающимися тактики быстрого извлечения прибыли. Это позволило перейти к фазе активного

роста, результаты которой подтверждают правильность выбранной стратегии.

Производственные площади были увеличены со временем до 900 м², а штат сотрудников вырос до 12 человек. Была проведена частичная автоматизация производственных циклов. Ассортимент продукции расширился до более чем 100 наименований, что стало возможным благодаря инвестициям в разработку на начальном этапе. Накопленные производственные мощности и широкий ассортимент позволили компании в 2024 году успешно выйти на крупный онлайн-маркетплейс, получив заказы с первого дня, и начать экспансию на рынки стран СНГ.

Этот пример показывает, как сознательный отказ от прибыли на старте приводит к формированию барьеров для входа других игроков. Конкурентам, не обладающим аналогичной производственной базой и широтой ассортимента, становится крайне сложно или экономически нецелесообразно конкурировать с предприятием, которое в течение нескольких лет целенаправленно инвестировало в свою эффективность и продуктивную уникальность.

Анализ теоретических положений и практического кейса позволяет заключить, что стратегия нулевой прибыли является эффективным инструментом для создания устойчивого производственного бизнеса. Сознательный отказ от извлечения дохода на ранних этапах и направление всех средств на капитализацию позволяют трансформировать стадию

«выживания» в целенаправленный инвестиционный процесс.

Такой подход дает возможность малому предприятию сформировать уникальный набор материальных и нематериальных ресурсов, который становится основой его долгосрочной конкурентоспособности и создает существенные барьеры для входа на рынок для других компаний. Успех рассмотренного предприятия доказывает, что последовательное реинвестирование в производственные мощности, технологии и разработку продукта обеспечивает фундамент для последующего быстрого роста, успешного выхода на новые каналы сбыта, включая цифровые платформы, и международной экспансии [4, с. 223-256].

Для предпринимателей в производственной сфере рекомендации сводятся к необходимости разработки долгосрочного финансового видения, которое предусматривает продолжительный период реинвестирования. Фокус

должен быть смещен с краткосрочной рентабельности на создание фундаментальных активов. Данная модель универсальна и может быть адаптирована для МСП в различных отраслях, ориентированных на долгосрочное развитие и лидерство в своей нише.

Литература

1. Perry S.C. The relationship between written business plans and the failure of small businesses in the US // Journal of small business management. 2001. Vol. 39, № 3. P. 201-208.
2. Storey D.J. Understanding the small business sector. London: Routledge, 1994. 384 p.
3. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. Vol. 17, № 1. P. 99-120.
4. Coviello N.E., McAuley A. Internationalisation and the smaller firm: A review of contemporary empirical research // Management International Review. 1999. Vol. 39, № 3. P. 223-256.

KHACHATURIAN Arkadi

Independent Researcher, Russia, Moscow

ZERO PROFIT STRATEGY: HOW REINVESTMENT AT THE START LAYS THE FOUNDATION FOR MARKET LEADERSHIP

Abstract. *The article examines the strategy of full reinvestment of profits at the initial stages of the life cycle of small manufacturing enterprises. The purpose of the study is the theoretical and practical substantiation of the "zero profit" model as a tool for the formation of a long-term competitive advantage. The tasks include an analysis of the theoretical concepts of the organization's life cycle and resource approach, as well as an analysis of the practical case of a Russian manufacturer of automotive accessories, which has been operating for three years in a complete reinvestment of funds. The paper demonstrates that this approach makes it possible to transform the stage of "survival" into a stage of intensive accumulation of tangible and intangible assets. The results of the study prove that accumulated resources, such as production facilities, a unique range and technological expertise, create high barriers to entry for competitors and provide conditions for subsequent exponential growth and gaining leadership positions. The materials of the article are of practical value for entrepreneurs in the manufacturing sector seeking to build sustainable business models.*

Keywords: *reinvestment strategy, zero profit, small and medium-sized enterprises, manufacturing startup, competitive advantage, capital accumulation, organization lifecycle, growth management, case study.*

ПЕДАГОГИКА

АНДРОСОВА Алёна Юрьевна

тьютор, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

БОЖКОВА Наталья Петровна

воспитатель, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ВОРОПАЕВА Ольга Владимировна

воспитатель, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ПАХОМОВА Наталья Ивановна

учитель-логопед, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ СЕНСОРНОЙ КОМНАТЫ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОВЗ И ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ

Аннотация. В статье описан опыт работы детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и детей-инвалидов в условиях сенсорной среды. Данная статья будет интересна для педагогов-психологов, логопедов, учителей-дефектологов, студентов психологов, воспитателей, а также для тех, кто непосредственно работает с данной категорией обучающихся.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дополнительное образование, дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), сенсорная комната, интерактивное оборудование, психическое здоровье, технология здоровьесбережения.

Одной из задач Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года является «укрепление потенциала дополнительного образования в решении задач социокультурной реабилитации детей-инвалидов, расширения возможности для освоения детьми с ограниченными возможностями здоровья программ дополнительного образования по всем направлениям путем создания специальных условий».

Анализируя нормативные документы в сфере образования, отметим, что инклюзивное образование предполагает равный доступ к ресурсам образовательной организации обучающихся независимо от физических, психических, интеллектуальных, культурно-этнических, языковых и иных особенностей. Следовательно «инклюзивный процесс в образовании понимается как специально организованный образовательный процесс, обеспечивающий включение и принятие ребенка с ограниченными возможностями здоровья в среду

обычных сверстников в образовательном учреждении, обучение по адаптированным или индивидуальным образовательным программам с учетом его особых образовательных потребностей» [1, с. 32].

В своей практике мы используем различные подходы и технологии работы с детьми с ОВЗ и детьми-инвалидами, при этом учитывая состояние здоровья, нозологию, индивидуально-типологические особенности обучающихся.

В рамках реализации муниципального проекта «Развитие системы поддержки детей с ОВЗ и детей-инвалидов средствами дополнительного образования на базе детского сада была организована доступная среда, создана сенсорная комната.

Сенсорная комната – это специально оборудованное пространство для обучающихся с ОВЗ и детей-инвалидов, которое позволяет обучающимся испытывать необычные ощущения и переживания, позволяет эмоционально раскрепоститься, расслабиться.

Специальное оборудование комнаты позволяет обучающимся данной категории выполнять разнообразные предметно-практические и игровые действия в знакомом и комфортном для них пространстве, сочетая двигательную и речевую активность. Этому способствуют определенные модули и стимуляторы, которые имеют привлекательный, красочный внешний вид с замысловатым освещением и формой. Спокойная цветовая гамма стен, мягкий свет, приятные ароматы, тихая спокойная музыка – всё это создает ощущение покоя и умиротворения [2, с. 44].

Кроме того, сенсорная комната обеспечивает быстрое установление эмоционально положительного контакта между педагогами и обучающимися, что повышает уровень доверия и уважения и настраивает его на результативную и эффективную работу. В пространстве данной комнаты проводятся как групповые занятия (до 4 человек), так и индивидуальные.

Работа педагога в сенсорной комнате направлена не только на расслабление и активизацию умственной деятельности обучающихся, но и является одним из важнейших средств коррекционной работы данной категории обучающихся.

Отметим задачи коррекционно-развивающей работы в условиях сенсорной комнаты:

- развитие и гармонизация эмоционально-волевой сферы обучающихся: снятие психоэмоционального напряжения; саморегуляция и самоконтроль; способность контролировать свое тело, дыхание; умение передавать свои чувства в речи; умение расслабиться, избавиться от напряжения; формирование представлений о положительных и отрицательных эмоциях; уверенность в себе;

- развитие коммуникативной сферы обучающихся: эмпатические чувства, желание оказывать эмоциональную и физическую поддержку друг другу; формирование мотивации к общению и развитие коммуникативных навыков; преодоление негативных эмоций по отношению к сверстникам (агрессивность);

- развитие психических процессов и двигательных навыков обучающихся: произвольность внимания, его устойчивость и переключаемость; память, мышление, воображение, восприятие (это визуальные, тактильные, слуховые разделы адаптированной программы), умственные способности; развитие координации, в том числе зрительно-моторной.

Основные методы, которые педагоги применяют на занятиях: игры и игровые упражнения со специальным оборудованием для развития восприятия, памяти, внимания, речи, воображения, мышления; дыхательные упражнения; ароматерапия; коммуникативные игры; упражнения на расслабление; наблюдения, беседы; песочная терапия; музыкальная терапия звуками природы и животных.

Занятия с обучающимися с ОВЗ и детьми-инвалидами в условиях сенсорной комнаты отличаются по своей структуре от занятий в рамках реализации программ для норматипичных обучающихся. Рассмотрим подробнее каждый из этапов занятия.

Вводный этап необходим для определения эмоционального благополучия обучающихся и включает в себя ритуал приветствия и разминку. Начинать занятия рекомендуется с блока активизации и постепенно переходить к более расслабляющим упражнениям. Этот этап позволяет сплотить обучающихся, создает атмосферу группового доверия и понимания. После блока активизации занятия продолжают в спокойном темпе, используется песочная терапия, которая снимает мышечное напряжение. Все действия проходят под успокаивающую музыку, что создает особую атмосферу, обладающую целебными свойствами.

Коррекционно-развивающий этап включает в себя активизирующую, основную и релаксационную части, которые состоят из совокупности психотехнических упражнений и приёмов, направленных на решение задач занятия. Игровое задание на развитие психических процессов – это упражнения на расслабление, позволяющие обучающимся расслабиться, снять мышечное и психоэмоциональное напряжение.

Заключительный этап – это подведение итогов, получение обратной связи, определение эмоционального благополучия обучающихся в конце занятия, ритуал прощания, который направлен на формирование навыков самоанализа и умения выразить свое состояние, закрепление положительного психоэмоционального состояния у обучающихся [5, с. 28].

Таким образом, результатом проведения занятий в сенсорной комнате являются способность взаимодействовать в группе, формирование способности понимать и принимать эмоциональное состояние себя и других, снижение агрессивности, тревожности; приобретение

навыков саморегуляции, достижение состояния расслабления. Также отметим, что данные занятия также повышают функциональные и адаптационные возможности организма и активизируют индивидуальный ресурс каждого обучающегося, создавая возможность успешной интеграции в общество.

В результате опыта использования потенциала сенсорной комнаты для работы с детьми с ОВЗ и детьми-инвалидами можно утверждать о преимуществах наличия такого оборудования в образовательной организации.

Подводя итог, отметим, что сенсорная комната, действительно, является таким пространством, которое позволяет проводить психолого-педагогическую поддержку обучающихся с ОВЗ, формируя при этом позитивный настрой, творческую искру физического и психического здоровья, а также обеспечивает равный доступ к получению качественного дополнительного образования.

Литература

1. Золоткова Е.В. Коррекционно-развивающая работа в сенсорной комнате с детьми и подростками, имеющими интеллектуальную недостаточность: программа и методические рекомендации / авт. сост. Е.В. Золоткова; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2018. – 49 с.
2. Кальмова С.Е. Сенсорная комната – волшебный мир здоровья: учебно-методическое пособие / С.Е. Кальмова; под ред. Л.Б. Баряевой. – Санкт-Петербург: НОУ «СОЮЗ», 2016. – 59 с.
3. Кожина Т.С. Сенсорная комната – альтернативный способ развития «особого» ребёнка / Т.С. Кожина, Н.В. Чудакова, Е.С. Березникова. – Текст: электронный // Молодой ученый. – 2016. – № 12.6 (116.6). – С. 53-57. – URL: <https://moluch.ru/archive/116/32013/> (дата обращения: 28.09.2022).
4. Колос Г.Г. Сенсорная комната в дошкольном учреждении: практические рекомендации / Г.Г. Колос. – Москва: АРКТИ, 2017. – 80 с.

ANDROSOVA Alyona Yuryevna

Tutor, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

BOZHKOVA Natalia Petrovna

Educator, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

VOROPAEVA Olga Vladimirovna

Educator, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

PAKHOMOVA Natalia Ivanovna

Speech Therapist Teacher, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

USING SENSORY ROOM RESOURCES IN WORKING WITH CHILDREN WITH DISABILITIES AND CHILDREN WITH DISABILITIES

Abstract. *The article describes the work experience of children with disabilities and children with disabilities in a sensory environment. This article will be interesting for educational psychologists, speech therapists, speech pathologists, psychology students, educators, as well as for those who work directly with this category of students.*

Keywords: *inclusive education, additional education, children with disabilities, sensory room, interactive equipment, mental health, health-saving technology.*

БАРАНОВА Надежда Михайловна

воспитатель, инструктор по физической культуре,
МДОУ «Детский сад №7 комбинированного вида», Россия, г. Валуйки

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЧЕРЕЗ КАДЕТСКИЕ ОТРЯДЫ

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования гражданско-патриотического воспитания дошкольников посредством организации кадровой подготовки в детских садах. Автор рассматривает кадетские отряды как эффективную форму воспитательной работы, способствующую развитию патриотизма, любви к Родине, уважения к истории и традициям своего народа.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, дети дошкольного возраста, кадетские отряды, педагогическая деятельность, методы воспитания, патриотизм, гражданственность, детская социализация, культурно-исторические ценности, образовательные технологии.

Актуальность проблемы гражданско-патриотического воспитания определяется необходимостью формирования у подрастающего поколения осознанного отношения к своей стране, её истории и культуре. Дошкольный возраст является ключевым периодом становления базовых нравственно-патриотических ориентиров личности ребёнка. Важнейшую роль в данном процессе играет участие детей в кадетских отрядах, организуемых в образовательных учреждениях и детских садах.

Кадетские отряды представляют собой уникальную форму организации досуга и образовательного процесса, направленную на развитие у детей ценностных ориентаций, позволяющих стать настоящими гражданами своей страны. Обучение в таких отрядах строится на принципах преемственности поколений, передачи исторического опыта и приобщения к культурному наследию.

Воспитательная работа в кадетском отряде направлена на формирование важнейших качеств гражданина и патриота:

- Историко-культурное направление: знакомство с историей России, выдающимися историческими деятелями, традициями и обычаями родного края. Воспитанники посещают музеи, участвуют в экскурсиях и праздничных мероприятиях, посвящённых памятным датам русской истории. Эти занятия формируют позитивное отношение к собственной стране, развивая интерес к изучению прошлого и настоящего.
- Военно-прикладное направление: обучение начальным военным знаниям и

умениям, развитие физических способностей и волевых качеств. Регулярные тренировки, спортивные состязания, конкурсы военной подготовки прививают детям дух коллективизма, взаимовыручки и ответственности перед товарищами и обществом.

- Гражданско-правовое направление: ознакомление с правами и обязанностями гражданина, правилами поведения в общественных местах, нормами морали и этики. Занятия проходят в игровой форме, способствуя усвоению детьми элементарных правовых норм и правил социального взаимодействия.

Работа педагогов-консультантов и командиров позволяет обеспечить индивидуальный подход к каждому ребёнку, учитывать особенности его психофизического развития и способствовать раскрытию внутреннего потенциала каждого участника отряда.

Практический опыт реализации программы

Опыт показывает, что систематически проводимая работа даёт положительные результаты:

- повышается уровень информированности детей о событиях отечественной истории.
- формируются базовые представления о государственных символах и праздниках.
- развиваются коммуникативные способности и лидерские качества.
- укрепляется эмоционально-нравственное состояние детей, формируется устойчивое положительное восприятие окружающего мира.

Особенно значимым фактором успешности является активное вовлечение родителей в процесс воспитания. Родители поддерживают инициативы педагога, принимают участие в совместных акциях и проектах, что укрепляет связь семьи и детского коллектива.

Подводя итог, можно утверждать, что кадетские отряды являются действенным средством формирования гражданско-патриотического воспитания среди детей дошкольного возраста. Реализация комплексной программы воспитания способствует гармоничному развитию личности ребёнка, укреплению семейных связей и положительному влиянию на будущее нации.

Необходимо продолжать развивать данную практику, совершенствовать методику и формы работы, привлекать дополнительные образовательные ресурсы и повышать

квалификацию педагогов, работающих в области патриотического воспитания.

Литература

1. Иванова О.М. Основы патриотического воспитания дошкольников. Москва: Просвещение, 2022 г.
2. Костюкевич Ю.Ю. Методы воспитания патриотизма у дошкольников в современном образовательном пространстве. Научно-методический журнал «Дошкольное воспитание», № 5, 2023 г.
3. Шадрин Г.Ф. Военная подготовка как средство формирования патриотизма у детей старшего дошкольного возраста. Автореферат диссертации кандидата педагогических наук, СПбГУ, 2022 г.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

BARANOVA Nadezhda Mikhailovna

Educator, Physical Education Instructor,
MDOU "Kindergarten No. 7 of combined type", Russia, Valuiki

FORMATION OF CIVIL AND PATRIOTIC EDUCATION OF PRESCHOOL CHILDREN THROUGH CADET DETACHMENTS

Abstract. The article is devoted to the formation of civic and patriotic education of preschoolers through the organization of personnel training in kindergartens. The author considers cadet detachments as an effective form of educational work that promotes the development of patriotism, love for the Motherland, and respect for the history and traditions of their people.

Keywords: civic and patriotic education, preschool children, cadet detachments, pedagogical activity, methods of education, patriotism, citizenship, child socialization, cultural and historical values, educational technologies.

ВЛАСЕНКО Наталья Анатольевна

воспитатель, МБДОУ Детский сад № 19 «Антошка», Россия, г. Белгород

БАГНО Анастасия Александровна

воспитатель, МБДОУ Детский сад № 19 «Антошка», Россия, г. Белгород

ВОСПИТАНИЕ ДРУЖЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье рассматривается феномен дружбы среди детей дошкольного возраста как важнейший элемент их социального и личностного развития. Автор отмечает, что дошкольный возраст является ключевым этапом формирования личности, в течение которого закладываются основы нравственных норм, коммуникативных навыков и способности к взаимодействию с окружающими.

Ключевые слова: дружба, дошкольный возраст, социализация, межличностные отношения, нравственное воспитание, коммуникативные навыки, игра, развитие личности, детский сад, педагогическое взаимодействие.

В своем исследовании мы обратились к изучению феномена дружбы среди детей дошкольного возраста. Следует отметить, что формирование личности дошкольника происходит в его взаимоотношениях с окружающими, взрослыми и сверстниками.

Дошкольное образование – это короткий, но важный период для того, чтобы стать зрелой личностью. Общение со сверстниками играет очень важную роль в жизни дошкольников. Коммуникативные способности являются одним из условий развития личности и необходимы для дальнейшей социализации детей.

В связи с этим вопрос формирования дружеских отношений между дошкольниками стоит на первом месте в дошкольных образовательных учреждениях, поскольку опыт взаимоотношений, приобретенный ребенком в дошкольном учреждении, станет основой для дальнейшего установления его отношений с другими людьми.

Этот вопрос также отражен в разделе «Социальное и коммуникативное развитие» «Федеральных государственных образовательных стандартов дошкольного образования» (далее – «Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного образования»), в котором говорится о «развитии общения и взаимодействия между детьми и их сверстниками, формировании самостоятельности», целенаправленное и саморегулирующееся поведение; развивать у детей

подготовку к совместной деятельности со сверстниками».

В словаре Ожегова «дружба» – это тесные отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности и общих интересах. А «отношения» в словаре Ожегова трактуются как отношения между двумя или более людьми.

А. И. Аржанова раскрыла понятие «дружба», то есть тесные отношения, основанные на взаимном доверии, семейной привязанности, общности интересов, а также доступе к нравственному опыту, развитию положительных эмоций, формированию нравственных привычек и формированию устойчивых моделей поведения.

По словам А. И. Аржановой, дружба – это нравственное, духовное и высоконравственное явление. Вообще говоря, мы можем определить понятие «дружба» как устойчивое чувство между детьми, носящее творческий характер.

Дружба – это процесс, основанный на устойчивом чувстве приязни.

Благодаря дружеским отношениям дети социализируются, знакомятся с нормами поведения, разбираются в вопросах добра и зла, формируют представление о правильном и неправильном.

По словам Т. А. Марковой, у старших дошкольников существуют типы дружеских отношений (опыт и нравственность), эти отношения формируются в соответствии со следующими критериями:

- Опыт – предпочтения, симпатия, интерес, самомотивация;
- Мораль – сочувствие, реакция, забота, помощь, справедливость.

По своей сути эмпирический и моральный типы взаимоотношений – это уровень развития дружбы у старших дошкольников. Характеристики эмпирических взаимосвязей довольно поверхностны. Сами дети иногда не понимают, почему они дружат. Причина этого процесса кроется в эмоциональной сфере, основанной на симпатии или интересе. При таком типе отношений сверстники часто ссорятся, и различия в характере, темпераменте, общих интересах и симпатии, которые они проявляют, все еще немного серьезны и поддерживаются только эмоциями. Нравственный тип взаимоотношений основан не только на эмоциональном поле ребенка, но и на проявлении эмоций, выражающихся в желании заботиться, помогать и понимать сверстников. Такая дружба становится крепче, между детьми устанавливается взаимопонимание, и также возможно прийти к соглашению. На этом этапе у ребенка развивается избирательное качество. Анализ научно-педагогической литературы показывает, что старшие дошкольники, как правило, по-разному взаимодействуют со своими сверстниками во время различных видов деятельности.

По словам И. В. Шаповаленко, в старших классах дошкольного учреждения произошли важные изменения в сфере взаимоотношений со сверстниками. Именно в этом возрасте компаньоны начинают играть важную роль в жизни ребенка, а сочетание различных психологических процессов помогает установить с ним новый тип отношений.

Потребность детей в общении со сверстниками является основой для установления дружеских отношений между дошкольниками. Предпосылки для формирования дружеских отношений появляются у детей дошкольного возраста. Осознанная дружеская привязанность, которая мотивируется совместной игрой, появляется у детей среднего дошкольного возраста. Среди старших дошкольников дружеские отношения развиваются по мере становления сознания ребенка и развития его нравственности и моральных качеств. Между детьми сложились качественные и стабильные дружеские отношения, и часто для старших дошкольников игровая деятельность является не только мотивацией и условиями для

завязывания дружбы, но и духовно-нравственными качествами детей, их спутники.

В детских садах есть много возможностей для развития дружеских отношений между детьми. В процессе ежедневного общения со сверстниками дети учатся жить в коллективе и осваивают поведенческую этику, которая помогает регулировать их взаимоотношения с окружающими на практике. Развитие ребенка с первого дня жизни происходит в семье, где создана соответствующая психологическая среда. Маленький ребенок начинает осваивать поведение, подражая близким людям. Когда ребенок поступает в детский сад, расширяется круг его общения и расширяется общение со сверстниками, воспитателями и другим персоналом дошкольного учреждения. У некоторых детей складываются особенно дружеские отношения: они предпочитают играть, работать, разговаривать, делиться друг с другом своими радостями и горестями. Но не все дети, приходя в детский сад, могут общаться со своими сверстниками, делиться игрушками и демонстрировать дружеские отношения. Поэтому перед учителями стоит задача создать дружескую атмосферу, способствовать дружеским обменам между детьми, делиться игрушками и помогать друг другу.

Развитие дружеских отношений с нами проявляется в различных видах деятельности: в различных зданиях и коллективных играх дети понимают, что такое дружеское сотрудничество. На уроке физкультуры – это игры-эстафеты (одна на всех и одна для всех), на уроке изобразительного искусства и эстетики – это коллективные работы детей по аппликации, лепке и рисованию. Но главная роль в воспитании дружбы заключается в проведении игр. Игры – это основной вид деятельности дошкольников. Во время игры дети учатся понимать чувства и состояния других детей, сочувствовать им и приобретают навыки общения со сверстниками. Игра – это не пустое занятие, она не только доставляет ребенку наибольшее удовольствие, но и является мощным средством его развития и становления зрелой личности. Поэтому, чтобы развивать дружеские отношения между детьми, мы сначала учим их играть и общаться со сверстниками. Это первый шаг к укреплению дружбы между детьми.

Важную роль играет работа с родителями (консультации, брошюры, домашние задания, совместные досуговые мероприятия, папки с путешествиями, совместные мероприятия на

свежем воздухе) и тесное сотрудничество со специалистами МАДОУ.

Искусство педагогов и родителей заключается в том, чтобы помочь детям быть корректными и нежными – сделать первый шаг, познакомиться с другим ребенком, организовать веселую совместную игру, провести серию диалогов и курсов, которые помогут детям стать более уверенными в себе. По мере того как дети приобретают коммуникативные навыки, их чрезмерная агрессия или пассивность в общении исчезает, а острые и конфликтные моменты сглаживаются.

Ведь детская дружба – это мир, полный красок и тайн, радости и, к сожалению, печали. Итак, давайте поможем детям наладить отношения и подружиться с другими детьми.

Таким образом, рассмотрев методы, приемы и формы воспитания дружеских отношений у дошкольников, мы можем сделать вывод, что такие продуктивные виды деятельности, как игра, труд, познавательное исследование и видение, в которых могут использоваться визуальные методы (наблюдение, обсервация) и вербальные (интерпретация), являются наиболее эффективными для выполнения этой задачи. Объяснение, рассказ; практические (проектные) методы; игровые навыки и образовательные методы: поощрение, похвала, убеждение, внушение. Также используются различные формы организации детей для продуктивной деятельности: пары, тройки, подгруппы и

целая группа старших дошкольников. Вы можете развить в себе способность к общению во время учебных занятий (в классе) и в любых других повседневных моментах.

Литература

1. Аржанова А.И. Психологические основы товарищества и дружбы детей дошкольного возраста [Текст]: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата пед. наук (по психологии) / А.И. Аржанова; Моск. гор. пед. ин-т им. В.П. Потемкина. – Саратов: [б. и.], 1951.
2. Клейменова С.А. Психолого-педагогический аспект понятия «дружеские отношения» у детей старшего дошкольного возраста / С.А. Клейменова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 42 (280).
3. Шаповаленко И.В. Возрастная психология / И.В. Шаповаленко. – М.: Гардарики, 2005.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 2004.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.minobr.ru> (дата обращения: 20.12.2020).
6. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. Приказом Минобрнауки России от 17 октября 2013 г. № 1155).

VLASENKO Natalia Anatolyevna

Educator, MBDOU Kindergarten No. 19 "Antoshka", Russia, Belgorod

BAGNO Anastasia Alexandrovna

Educator, MBDOU Kindergarten No. 19 "Antoshka", Russia, Belgorod

FOSTERING FRIENDLY RELATIONSHIPS AMONG PRESCHOOL CHILDREN

Abstract. *The article examines the phenomenon of friendship among preschool children as an essential element of their social and personal development. The author notes that preschool age is a key stage of personality formation, during which the foundations of moral norms, communication skills and the ability to interact with others are laid.*

Keywords: *friendship, preschool age, socialization, interpersonal relationships, moral education, communication skills, play, personality development, kindergarten, pedagogical interaction.*

ГУРЬЯНОВ Александр Сергеевич

преподаватель высшей категории, кандидат философских наук,
заведующий отделением № 6, Аэрокосмический колледж Сибирского государственного
университета науки и технологий им. М. Ф. Решетнева, Россия, г. Красноярск

БУКАЛИНА Дарья Анатольевна

преподаватель первой категории, заведующий отделением № 4,
Аэрокосмический колледж Сибирского государственного университета науки и технологий
им. М. Ф. Решетнева, Россия, г. Красноярск

ЧЕПЕНКО Светлана Анатольевна

преподаватель, заместитель директора по воспитательной работе,
Аэрокосмический колледж Сибирского государственного университета науки и технологий
им. М. Ф. Решетнева, Россия, г. Красноярск

МАКЛАКОВА Софья Денисовна

студентка, Аэрокосмический колледж Сибирского государственного университета науки и
технологий им. М. Ф. Решетнева, Россия, г. Красноярск

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются понятия социализация и искусственный интеллект, а также позитивное и негативное влияние искусственного интеллекта на процесс социализации личности в системе образования.

Ключевые слова: социализация, институты социализации, личность, образование, искусственный интеллект.

На сегодняшний день тяжело представить современные реалии без искусственного интеллекта (ИИ). Искусственный интеллект проник практически во все сферы человеческой жизни. Однако у данного понятия нет единого устоявшегося определения.

Одни авторы считают, что «искусственный интеллект – это область информатики, занимающаяся созданием интеллектуальных систем, способных выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта. Эти задачи включают распознавание речи, принятие решений, понимание естественного языка и машинное обучение» [1, с. 30].

Другие, что искусственный интеллект представляет собой «ансамбль разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, производить и воспроизводить целерациональные

действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека [2, с. 40].

В связи с этим Шестак В. А. в своей работе пишет: «Исследования в области искусственного интеллекта ведутся с прошлого века, но до сих пор не выработано общепринятого универсального определения самого понятия «искусственный интеллект». Такое положение возникает в силу отсутствия общепринятого правового подхода к формулированию его содержательных характеристик [3, с. 68].

В Российской Федерации искусственный интеллект определяется в соответствии с Указом Президента РФ, как «сочетание технологических разработок, обеспечивающих способность имитировать умственные операции, выполняемые человеком (в том числе подбор ответов на вопросы при отсутствии заблаговременно указанного алгоритма), и добиваться результатов при решении определенных

проблем, похожих или превосходящих те, что могут быть получены при умственной деятельности человека» [4, с. 1013].

Сегодня мы ежедневно обращаемся за помощью к искусственному интеллекту. Это может быть личный кабинет в банке, поиск маршрутов для путешествия, взаимодействие с умной колонкой-станцией, подбор музыки и фильмов, выполнении заданий по работе и учебе. Все это свидетельствует о появлении нового агента социализации – искусственного интеллекта.

Социализация понимается «как процесс, последовательно изменяющийся, и характеризуется определенными стадиями – адаптация, самореализация, интеграция» [5, с. 13].

С одной стороны, социализацию личности изучают как односторонний процесс наложения на личность существующих в обществе моделей поведения, стандартов и норм. Еще в конце XIX века основатель французской школы социологии Э. Дюркгейм писал: «Человек, которого воспитание должно реализовать в нас, это не тот человек, которого создала природа, но тот, каким общество хочет, чтобы он был, а оно хочет, чтобы он был таким, как требует внутреннее устройство общества» [6, с. 252-253].

С другой стороны, социализацию личности изучают как систему «общество – личность». В понимании К. В. Рубчевского социализация личности является как: «процесс и результат диалектического взаимодействия личности и общества, вхождение, «внедрение» индивида в общественные структуры посредством выработки социально необходимых качеств» [7, с. 86].

Существуют три основных института социализации: семья, система массовой информации (СМИ) и система образования.

Система образования является одним из главных институтов социализации. Образование, по мнению Н. И. Макаровой – это «процесс развития и совершенствования сложившейся системы знаний и отношений в течение всей жизни, абсолютная форма бесконечного, непрерывного овладения новыми знаниями, умениями и навыками» [8, с. 67].

Появление нового агента социализации в системе образования оказывает как позитивное, так и негативное влияние на социализацию личности.

Позитивное влияние:

1. Персонализированные образовательные платформы на основе ИИ помогают студентам учиться в собственном темпе, предоставляя адаптированные материалы. Также ИИ может автоматизировать оценку заданий и анализировать успеваемость студентов, выявляя пробелы в знаниях [1].

2. Системы управления образовательными траекториями и принятия решений, ориентированные на осуществление учебной аналитики – деятельности по получению, рассмотрению, презентации информации об образовательной среде и учащихся для управления образовательной системой, а также осмысления и улучшения учебного процесса.

3. Интеллектуальные обучающие системы, которые путем исследования процесса обучения и коммуникации между учеником и учителем с применением актуальных сведений предоставляют каждому учащемуся материал и задания и отслеживают эффективность учебы и др. [4, с. 1015].

Негативное влияние:

1. Возникает вероятность снижения качества воспитательного процесса.

2. При дефиците взаимодействия с преподавателями и одноклассниками в реальном пространстве могут возникнуть проблемы с формированием ценностных ориентаций, социальных навыков, ресурсов адаптации и саморегуляции.

3. Возникает возможность потери субъектности. Появляется риск формирования неадекватной самооценки путем трансляции в масс-медиа, управляемых алгоритмами ИИ, а также в результате постоянного использования гаджетов у подростков может развиваться «цифровой аутизм» [4, с. 1017].

В связи с вышеизложенным, необходимо создать гармоничную среду для социализации личности в процессе образования, в которой искусственный интеллект играл бы роль полезного агента социализации, так, чтобы личность могла эффективнее самореализоваться и в наиболее полной мере раскрыть свой потенциал.

Литература

1. Мердова М.Ю., Мырадов Е.Х., Агаева А.Д., Кулиева А.Ш. Искусственный интеллект: концепции, технологии и применение // Научный журнал «IN SITU» 2024. № 10. С. 30-33.
2. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура»,

«искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35-47.

3. Марченко А.Ю. Проблема понятия «искусственный интеллект»: подход европейского союза // Гуманитарные, социально – экономические и общественные науки URL: www.science-journal.ru/124-214885.https://cyberleninka.ru/article/n/problem-a-opredeleniya-ponyatiya-iskusstvennyu-intellekt-podhod-evropeyskogo-soyuza (дата обращения: 01.10.2025).

4. Ходаев А.С., Макарова Л.Н. Искусственный интеллект и социализация подростков: риски влияния // Вестник Тамбовского

университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29 № 4. С.1011-1021.

5. Игнатова Л.Ю., Семичева М.В. Социализация личности как проблема исследования отечественных и зарубежных ученых // Образование и воспитание. 2017. № 1 (1). С. 13-15.

6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. – 352 с.

7. Рубчевский К.В. Формы происхождения социализации личности // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. С. 86-92.

8. Макарова Н.И. Особенности современного образовательного стандарта // Философия образования. 2008. № 3. С. 67-73.

GURYANOV Alexander Sergeevich

Lecturer of the highest category, Candidate of Philosophy, Head of Department No. 6,
Aerospace College of the Siberian State University of Science and Technology
named after M. F. Reshetnev, Russia, Krasnoyarsk

BUKALINA Darya Anatolyevna

First Category Teacher, Head of Department No. 4,
Aerospace College of the Siberian State University of Science and Technology
named after M. F. Reshetnev, Russia, Krasnoyarsk

Svetlana Anatolyevna CHEPENKO

Teacher, Deputy Director for Educational Work,
Aerospace College of the Siberian State University of Science and Technology
named after M. F. Reshetnev, Russia, Krasnoyarsk

MAKLAKOVA Sofya Denisovna

Student, Aerospace College of the Siberian State University of Science and Technology
named after M. F. Reshetnev, Russia, Krasnoyarsk

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND PERSONALITY SOCIALIZATION IN THE EDUCATION SYSTEM

Abstract. *The article discusses the concepts of socialization and artificial intelligence, as well as the positive and negative impact of artificial intelligence on the process of personal socialization in the education system.*

Keywords: *socialization, institutions of socialization, personality, education, artificial intelligence.*

КАЗЕМСКАЯ Алина Викторовна

учитель русского языка и литературы, МОУ «Принцевская СОШ», Россия, г. Валуйки

САДАКОВ Денис Геннадьевич

учитель математики и информатики, МОУ «Принцевская СОШ», Россия, г. Валуйки

ЖИРОВА Наталья Васильевна

учитель немецкого языка и литературы, МОУ «Принцевская СОШ», Россия, г. Валуйки

ДУРАКОВА Татьяна Михайловна

учитель немецкого языка и литературы, МОУ «Принцевская СОШ», Россия, г. Валуйки

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассказывается о современных образовательных технологиях, которые применяются в учебном процессе и которыми должен владеть учитель. Осуществлять образовательный процесс в результате совместной деятельности, направленной на «открытие» нового знания. Сосредоточивая усилия на повышение качества и эффективности учебной и воспитательной работы, необходимо добиваться того, чтобы каждое занятие способствовало развитию познавательных интересов учащихся, активности и творческих способностей, а, следовательно, повышению качества обучения.

Ключевые слова: урок, типология, подходы, классификация, цели, содержание, методы, процесс.

Особенность федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) общего образования – их деятельностный характер, который ставит главной задачей развитие личности ученика. Современное образование отказывается от традиционного представления результатов обучения в виде знаний, умений и навыков; формулировки ФГОС указывают на реальные виды деятельности.

В этих условиях традиционная система, реализующая классическую модель образования, стала непродуктивной. Уход от традиционного урока через использование в процессе обучения новых технологий позволяет устранить однообразие образовательной среды и монотонность учебного процесса, создает условия для смены видов деятельности обучающихся и реализации принципа здоровьесбережения.

Рекомендуется осуществлять выбор технологии в зависимости от предметного содержания, целей урока, уровня подготовленности обучающихся, возможности удовлетворения их образовательных запросов, возрастной категории обучающихся наиболее актуальными становятся технологии: информационно-коммуникационная технология, игровые технологии, педагогика сотрудничества, технология мастерских, технология интегрированного

обучения, технологии уровневой дифференциации, технология развития критического мышления, технология развивающего обучения, проектная технология, здоровьесберегающие технологии, технология проблемного обучения, традиционные технологии (классно-урочная система) и др. Рассмотрим некоторые из них.

1. Технология решения изобретательских задач

ТРИЗ – теория решения изобретательных задач. Основателем является Генрих Альтшуллер. Главная идея его технологии состоит в том, что технические системы возникают и развиваются не «как попало», а по определенным законам: эти законы можно познать и использовать для сознательного решения изобретательских задач. ТРИЗ превращает производство новых технических идей в точную науку, так как решение изобретательских задач строится на системе логических операций.

Основным средством работы с детьми является педагогический поиск. Педагог не должен давать детям готовые знания, раскрывать перед ними истину, он должен учить ее находить. Обучение решению творческих изобретательских задач.

Технология ТРИЗ применима для школьников на всех уровнях обучения. Дает педагогам и детям методы и инструменты творчества, которые осваивает человек независимо от своего возраста. Владея единым инструментом, дети и взрослые могут легче найти общий язык, понять друг друга.

Может использоваться на разных этапах урока.

2. Технология проблемно-диалогического обучения

Сегодня под проблемным обучением понимается такая организация учебных занятий, которая предполагает создание под руководством учителя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность учащихся по их разрешению, в результате чего и происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями и развитие мыслительных способностей.

Технология проблемного обучения предполагает организацию под руководством учителя самостоятельной поисковой деятельности учащихся по решению учебных проблем, в ходе которых у учащихся формируются новые знания, умения и навыки, развиваются способности, познавательная активность, любознательность, эрудиция, творческое мышление и другие личностно значимые качества.

Технология проблемного обучения способствует не только приобретению учащимися необходимой системы знаний, умений и навыков, но и достижению высокого уровня их умственного развития, формированию у них способности к самостоятельному добыванию знаний путем собственной творческой деятельности; развивает интерес к учебному труду, обеспечивает прочные результаты обучения.

3. Технология формирующего оценивания

Формирующее оценивание или, как его еще называют, оценивание для обучения (Assessment for learning) с начала 2000-х годов стало мейнстримом мирового образования. Оно пришло в образовательную практику, как реакция на массовую эксплуатацию тестирования в образовательном процессе. Тесты замечательно измеряют, но не помогают улучшить положение дел.

Технология формирующего оценивания – это механизм, обеспечивающий педагога информацией, которая нужна ему, чтобы совершенствовать обучение, находить наиболее эффективные его методы, а также мотивировать

учеников более активно включиться в своё учение. Цель такого оценивания выявлять сильные и слабые стороны каждого ученика, разрабатывать и реализовывать стратегии, направленные на повышение успеваемости обучающихся. У учеников должно сложиться четкое понимание того, в каких разделах программы происходит их рост и что именно они могут сделать для улучшения своей успеваемости.

4. Технология модерации

Технология модерации предполагает применение активных методов обучения, что ставит ее в ряд актуальных в условиях реализации ФГОС нового поколения, основанных на компетентностно-деятельностном подходе.

Данная технология применима на всех уровнях образования. При использовании данной технологии учитель и ученик меняют свою роль в образовательном процессе, так как результат совместной деятельности и эффективность всего процесса зависят в равной мере и от учителя, и от ученика. Ученик перестает быть объектом обучения и занимает активную позицию, тем самым повышая свою самостоятельность, появляется чувство ответственности за свои действия и поступки, возможность оценить, корректировать свои действия, появляется целеустремленность и уверенность в себе. Учитель же становится консультантом, помощником, старшим партнером. Роль «контролирующего органа» меняется в сторону более опытного товарища, играющего с учеником в одной команде.

Достижение эффективности и качества образовательного процесса при использовании технологии модерации, получение запланированных результатов обучения, воспитания, развития и социализации, обучающихся.

5. Перспективно-опережающее обучение с использованием опорных схем при комментируемом управлении

Это одна из технологий на основе эффективности управления и организации учебного процесса, при которой введение учебного материала осуществляется пробно-порциально, на опережающей основе, с последующим повторением понятий.

При такой организации труда в классе на опережающей основе создаётся общий деловой настрой, причём каждый обучающийся учится и управлять, и исполнять, и руководить, и подчиняться.

Комментированное управление, объединяя 3 действия (мыслю, говорю, записываю),

позволяет сделать учебный труд осмысленным, одновременно обеспечивает обратную связь: даёт учителю возможность контролировать уровень знаний учеников, вовремя заметить отставание.

Подход к структуре материала обусловлен задачами опережающего введения и последующего повторения понятий.

6. Кейс-технология

Кейс-технология, это технология интерактивного обучения, позволяющая взаимодействовать всем учащимся, включая педагога. Это смоделированная рабочая ситуация, вызывающая дискуссию, требующая анализа и предложений по эффективному решению проблемы.

Применение кейс-технологии в образовательной деятельности предполагает использование таких методов, как метод инцидентов, игровое проектирование, метод дискуссии, кейс-стади.

Образовательный эффект кейс-технологии заключается в возможности применения полученных знаний на практике, в развитии логического и критического мышления младших школьников, в понимании ими цели работы и осознании ответственности за принимаемые решения.

7. Технология проектно-исследовательской деятельности

Это одна из личностно ориентированных технологий, способ организации самостоятельной деятельности учащихся, направленный на решение задачи учебного проекта, интегрирующий в себе проблемный подход, групповые методы, рефлексивные, презентативные, исследовательские, поисковые и прочие подходы.

Технология может использоваться на разных этапах урока: для изучения нового материала, для актуализации знаний в начале урока или в процессе его по мере необходимости, для применения новых знаний по изученному

алгоритму, для проверки домашнего задания, также может применяться как самостоятельное творческое использование сформированных компетенций.

На сегодняшний день существует достаточно большое количество педагогических технологий обучения, как традиционных, так и инновационных. Нельзя сказать, что какая-то из них лучше, а другая хуже, или для достижения положительных результатов надо использовать только эту и никакую больше. Самым оптимальным вариантом является использование смеси этих технологий.

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что традиционные и инновационные методы обучения должны быть в постоянной взаимосвязи и дополнять друг друга.

Литература

1. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / кол. авторов: под ред. Н.В. Бордовской. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.
2. Эрганова Н.Е. Педагогические технологии в профессиональном обучении. М.: Академия, 2018. 224 с.
3. URL: www.hmtpk.ru/staff/teacher-podium/my-pedagogic-idea/2921/ (дата обращения 27.04.2023).
4. URL: www.ru.wikibooks.org/wiki/ (дата обращения 25.04.2023).
5. URL: www.nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2016/05/20/sovremennye-obrazovatelnye-tehnologii-v-uchebnom (дата обращения 27.04.2023).
6. URL: www.infourok.ru/statya-sovremennye-obrazovatelnye-tehnologii-6476654.html (дата обращения 27.04.2023).
7. URL: www.cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-obrazovatelnye-tehnologii-i-ih-primeneniye-keis-tehnologiya (дата обращения 26.04.2023).

KAZEMSKAYA Alina Viktorovna

Teacher of Russian Language and Literature,
MOU "Printsevskaya Secondary School", Russia, Valuiki

SADAKOV Denis Gennadievich

Teacher of Mathematics and Computer Science,
MOU "Printsevskaya Secondary School", Russia, Valuiki

ZHIROVA Natalia Vasilyevna

Teacher of German Language and Literature,
MOU "Printsevskaya Secondary School", Russia, Valuiki

DURAKOVA Tatyana Mikhailovna

Teacher of German Language and Literature,
MOU "Printsevskaya Secondary School", Russia, Valuiki

MODERN PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. *The article describes modern educational technologies that are used in the educational process and that a teacher should be familiar with. To carry out the educational process as a result of joint activities aimed at the "discovery" of new knowledge. Focusing on improving the quality and effectiveness of educational and educational work, it is necessary to ensure that each lesson contributes to the development of students' cognitive interests, activity and creative abilities, and, consequently, to improving the quality of learning.*

Keywords: *lesson, typology, approaches, classification, goals, content, methods, process.*

КАЗЕМСКАЯ Алина Викторовна

учитель русского языка и литературы, МОУ «Принцевская СОШ», Россия, г. Валуйки

САДАКОВ Денис Геннадьевич

учитель математики и информатики, МОУ «Принцевская СОШ», Россия, г. Валуйки

ЖИРОВА Наталья Васильевна

учитель немецкого языка и литературы, МОУ «Принцевская СОШ», Россия, г. Валуйки

ДУРАКОВА Татьяна Михайловна

учитель немецкого языка и литературы, МОУ «Принцевская СОШ», Россия, г. Валуйки

ТИПОЛОГИЯ УРОКОВ ОТ КЛАССИКИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассказывается о наиболее распространённых и проработанных подходах к тому, как классифицируют уроки. Представленные типы уроков позволяют строить систему занятий, образующих целостную технологию обучения. Кроме того, каждый из перечисленных уроков включает в себя неограниченный набор вариантов их построения. На основе названных типов уроков составляются комбинированные уроки.

Ключевые слова: урок, типология, подходы, классификация, цели, содержание, методы, средства обучения.

Урок – основная форма организации обучения в характерной для большинства школ классно-урочной системе. Урок, как правило, содержит в себе все компоненты учебно-воспитательного процесса: цели, содержание, методы и средства обучения, деятельность по организации и управлению процессом обучения.

Из-за того, что урок представляет собой такую сложную систему, классифицировать учебные занятия можно по-разному. Какой в этом практический смысл? Любая классификация или типология чего бы то ни было позволяет лучше разобраться в предназначении и особенностях явления, а значит, и применять его более вдумчиво. Зная разные подходы к классификации уроков, можно гораздо лучше распланировать, каким образом распределить учебную программу по урокам и как построить каждый урок.

Сразу поясним, что теория педагогики знала много классификаций уроков, но не все из них прижились, а если и прижились, то не все считаются правильными. Иногда встречаются типологии, в которых уроки делят на лекции, экскурсии, лабораторные занятия и так далее. Они берут своё начало в монографии советского педагога Ивана Казанцева «Урок в советской школе» 1951 года издания. Но такой подход к

типологии уроков в дидактике не устоялся. Выделенные Казанцевым типы большинство педагогов относит к другим категориям – к формам обучения или дидактическим методам. А некоторые выделяют их как **виды уроков** внутри определённых типов. Впоследствии и сам Казанцев поддерживал другую типологию – на основе преобладающей дидактической цели.

По этапам учебного процесса

Педагог **Сергей Иванов** стал автором теории урока как отдельного научного направления педагогики. Он и составил одну из первых в отечественной дидактике типологию уроков в монографии «Типы и структура урока». Это было в 1952 году.

Типология Иванова основана на главных этапах учебного процесса, или моментах хода обучения, следующих друг за другом. Автор выделил девять типов уроков:

- вводный;
- первичного ознакомления с материалом;
- образования понятий, установления законов и правил;
- применения полученных знаний на практике;
- тренировки навыков;

- повторения и обобщения;
- контрольные;
- смешанные, или комбинированные.

Этой типологии придерживались многие советские педагоги, но с критикой она тоже столкнулась. Так, педагог-теоретик Мирза Махмутов в монографии «Современный урок. Вопросы теории», впервые изданной в 1981 году, отметил, что Иванов в одной типологии смешивает когнитивное действие (образование понятий) с собственно дидактическими (например, с повторением и контролем).

По основной дидактической цели урока и его месту в общей системе уроков

Это одна из самых распространённых классификаций, которая актуальна до сих пор. В советской педагогике её придерживались, например, Михаил Данилов и Борис Есипов, а после развивали и модифицировали многие другие педагоги. Эта типология основана на идее, что тип урока зависит от его структуры (деления занятия на части или этапы работы), а структура, в свою очередь, определяется дидактической целью урока. Изначально авторы подхода выделяли пять типов уроков:

- ознакомление учащихся с новым материалом;
- закрепление знаний путём повторения;
- закрепление умений и навыков путём упражнений;
- проверка усвоения учащимися знаний, умений и навыков;
- комбинированные занятия, включающие и проверку ранее усвоенного материала, и восприятие новых знаний, и первоначальную работу над их закреплением.

В современных вариантах этой типологии встречается ещё один тип урока – обобщения и систематизации.

Конечно, в любом уроке могут сочетаться сразу несколько дидактических целей, когда какая-то одна – основная, а остальные дополнительные. В комбинированных же уроках разные дидактические цели сочетаются относительно равномерно.

По цели организации занятий

В уже упомянутой монографии «Современный урок. Вопросы теории» Мирза Махмутов указывает, что нецелесообразно разделять усвоение знаний и закрепление навыков по разным типам уроков. Поэтому он предложил классифицировать уроки не по дидактической цели, а по цели организации обучения, которая по сравнению с дидактической имеет более

общий характер. По этому основанию автор выделяет следующие типы занятий:

- изучение нового материала;
- совершенствование знаний, умений и навыков;
- обобщение и систематизация;
- сочетание названных выше трёх целей;
- контроль и коррекция знания, умений и навыков.

Как пишет Махмутов, выбрав подходящий тип урока по цели организации обучения, далее можно перейти к дидактической цели и уточнить вид урока – усвоение новых понятий, применение усвоенных знаний в решении задач и так далее.

На основе принципа проблемности

Ещё одна типология Мирзы Махмутова основана на идее развития познавательной самостоятельности учащегося через постановку перед ним проблемы.

На **проблемных уроках** учитель специально создаёт проблемные ситуации и стимулирует учащихся к поиску решения или организует деятельность учащихся по самостоятельной постановке учебных проблем и их решению (это высший уровень проблемности). То есть учитель строит активный тип обучения. Более простой вариант: он сам ставит проблему и решает её, показывая учащимся логику мышления в поисковой ситуации.

Кстати, важная черта проблемного урока – то, что в нём знакомство с новым материалом естественным образом комбинируется с повторением уже изученного, и происходит это в процессе активной деятельности ученика.

Во время **непроблемного урока** учитель не создаёт для учеников проблемных ситуаций. Обучение в основном происходит «по образцу». Ознакомление с новым материалом и повторение изученного происходят на самостоятельных этапах занятия.

Типология творческих уроков

Творческим уроком сторонник эвристического обучения Андрей Хуторской называет такое занятие, которое создаёт условия для творческой деятельности учеников и активизирует этот процесс. В пособии «Современная дидактика» Хуторской выделяет пять типов творческих уроков, внутри которых существует множество разновидностей:

- **Уроки когнитивного типа:** урок-наблюдение, урок-эксперимент, урок исследования объекта, поисковый урок, лабораторно-практический урок, урок постановки проблем и

их решения, урок конструирования понятий (правил, закономерностей, гипотез), урок конструирования теорий, урок работы с первоисточниками (культурно-историческими аналогами), интегративный урок, межпредметный урок;

- **Уроки креативного типа:** урок составления и решения задач, урок-диалог, урок-парадокс, урок-фантазия, урок изобретательства, урок технического (научного, прикладного, художественного, социального, культурного, педагогического) творчества, урок моделирования, урок – эвристическая ситуация, урок открытий, сочинение (задачи-сказки, считалки, летописи и тому подобное), деловая игра, ролевая игра, урок-путешествие (реальное, виртуальное), урок-наоборот (ученик в роли учителя), урок в школе будущего, прогностический урок, урок защиты творческих работ, урок-олимпиада, урок творческого обобщения;

- **Уроки оргдеятельностного типа:** урок целеполагания, урок нормотворчества, урок разработки индивидуальных образовательных программ, урок защиты индивидуальных образовательных программ, уроки с групповой работой, урок-проект (с использованием метода проектов), урок-консультация (взаимоконсультация), урок самооценок (взаимооценок), урок-зачёт (самозачёт), урок-рефлексия;

- **Уроки коммуникативного типа:** бинарный урок (ведут два учителя), урок рецензирования, урок взаимоконтроля, урок-вернисаж, урок-выставка, урок-аукцион, урок-конференция, урок-соревнование, урок-КВН, урок «суд над явлением», урок-спектакль, урок

«круглый стол», урок-панорама, творческий отчёт;

- **Уроки ценностно-смыслового типа:** урок самопознания, урок самоопределения, урок самореализации, метапредметный урок, урок символотворчества, урок «изменения» истории (собственное решение исторической ситуации), урок-концепт (построение картины мира или её части), урок философского обобщения.

Перечисленные типы уроков позволяют строить систему занятий, образующих целостную технологию обучения. На основе названных типов уроков могут составляться и комбинированные уроки. Кроме того, каждый из перечисленных типов уроков включает в себя неограниченный набор вариантов их построения.

Литература

1. Иванов С.В. Дидактические правила успешного ведения урока / С.В. Иванов. – Воронеж: Коммуна, 1957. – 23 с.
2. Иванов С.В. Типы и структура урока / С.В. Иванов – Воронеж: Коммуна, 1952. – 152 с.
3. Кириллова Г.Д. Особенности урока в условиях развивающего обучения: учебное пособие / Г.Д. Кириллова. – Л.: ЛПГУ, 1976. – 147 с.
4. Кульневич С.В. Совсем необычный урок / С.В. Кульневич, Т.П. Лакоценина. – Воронеж: Коммуна, 2011. – 9 с.
5. Махмутов М.И. Современный урок. Монографии. / М.И. Махмутов. – М.: Педагогика, 1985. – 183 с.
6. Хуторской А.В. Современная дидактика. Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. / А.В. Хуторской. – М.: Высш. шк. 2017. – 639 с.

KAZEMSKAYA Alina Viktorovna

Teacher of Russian Language and Literature,
MOU "Printsevskaya Secondary School", Russia, Valuiki

SADAKOV Denis Gennadievich

Teacher of Mathematics and Computer Science,
MOU "Printsevskaya Secondary School", Russia, Valuiki

ZHIROVA Natalia Vasilyevna

Teacher of German Language and Literature,
MOU "Printsevskaya Secondary School", Russia, Valuiki

DURAKOVA Tatyana Mikhailovna

Teacher of German Language and Literature,
MOU "Printsevskaya Secondary School", Russia, Valuiki

TPOLOGY OF LESSONS FROM CLASSICS TO MODERNITY

Abstract. *The article describes the most common and well-developed approaches to how lessons are classified. The presented types of lessons allow us to build a system of activities that form an integrated learning technology. In addition, each of the listed lessons includes an unlimited set of options for their construction. Combined lessons are compiled based on these types of lessons.*

Keywords: *lesson, typology, approaches, classification, goals, content, methods, teaching tools.*

МАВЛЯНОВА Рахима Мустафаевна

к.п.н., доцент кафедры общей педагогики,

Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова,
Республика Таджикистан, г. Худжанд

СОЗДАНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. В статье отмечается, что фактором, влияющим на изменение мотивационных структур, является такая проблемная ситуация, которая через необходимость выбора, отказ от оценки и устранение временных ограничений стимулирует творческую активность человека.

Ключевые слова: проблемная ситуация, учебно-познавательная потребность, процесс обучения, возможности обучающихся, эффективность процесса.

В юношеском возрасте морально-этические проблемы встают особенно остро. Старшеклассники значительно чаще подростка принимают самостоятельные решения и более серьезные вопросы. Кроме того, свойственное юношескому стремлению обобщениям и оценкам заставляет ее видеть не только конкретные последствия, но и общий нравственный смысл поступков и ситуаций. Наконец, активизация деятельности самосознания побуждает юношу обращать внимание на морально-этические вопросы. Оценка своих нравственных качеств – один из важнейших аспектов юношеского образа “я”.

Психологические особенности юношеского возраста ставят не мало проблем перед учителем литературы. Прежде всего, равномерно ли вообще существование какой-либо особой юношеской литературы? Как справедливо полагает Б.И. Каратаев, специфика юношеской литературы состоит не в особой форме, а в том, что она поднимает проблемы, которые в первую очередь волнуют человека, стоящего на самом пороге самостоятельной жизни. Это уже вопрос не формы, а только содержания.

По мнению Е.Н. Ильина тот же принцип ориентации на развитие творческих сил ученика должен лежать и в основе преподавания литературы. Урок литературы только тогда воспитывает и вызывает интерес, когда он идет не от привычных штампов и формальных учебных вопросов, а от “безответных” нравственных проблем, обсуждение которых ставит старшеклассникам в активные личностные отношения с писателем и его героями [3, с.35].

Необходимым условием для создания у

учащихся интереса к содержанию обучения и к самой учебной деятельности считает возможность проявить в учении умственную самостоятельность и инициативность. Чем активнее методы обучения, тем легче заинтересовать ими учащихся. Основное средство воспитания устойчивого интереса к учению – использование таких вопросов и заданий, решение которых требует от учащихся активной поисковой деятельности [1, с.36].

Большую роль в формировании интереса к учению играет создание проблемной ситуации, столкновение учащихся с трудностью, которую они не могут разрешить при помощи имеющихся у них запасов знаний; сталкиваясь с трудностью, они убеждаются в необходимости получения новых знаний или применение старых в новой ситуации. Интересна только та работа, которая требует постоянного напряжения. Легкий материал, не требующий умственного напряжения, не вызывает интереса. Преодоление трудностей в учебной деятельности – важнейшее условие возникновения интереса к ней. Трудности учебного материала и учебной задачи приводят к повышению интереса только тогда, когда эта трудность особенно преодолима, в противном случае интерес падает [2, с.37].

Учебный материал и приемы учебной работы должны быть достаточно разнообразны. Разнообразие обеспечивается не только столкновением учащихся с различными объектами в ходе обучения, но и тем, что в одном и том же объекте можно открывать новые стороны. Новизна материала – важнейшая предпосылка возникновения интереса к нему. Однако

познание нового должно опираться на уже имеющиеся у школьников знания. Использование усвоенных знаний – одно из основных условий проявления интереса. Существенный фактор возникновения интереса к учебному материалу – его эмоциональная окраска, живое слово учителя.

Фактором, влияющим на изменение мотивационных структур, является такой вид проблемных ситуаций, который через необходимость выбора, снятие оценки и снятие временных ограничений побуждает человека к творческой активности. Создание проблемной ситуации предполагает наличие проблемы, то есть соотношение нового и известного, учебно-познавательной потребности и способности решать эту задачу. Перед учителем встает задача организации таких ситуаций, в которых объективная, организуемая им проблемная ситуация, содержащая в себе противоречия и учитывающая возможности обучающихся, стала бы их субъективной проблемной ситуацией, была бы присвоена ими в форме некоторой подлежащей решению проблеме.

Создание проблемных ситуаций, проблемности обучения представляют значительную педагогическую трудность для каждого преподавателя. Обще дидактическое определение проблемного обучения: “это тип развивающегося обучения, в котором сочетаются систематическая самостоятельная поисковая деятельность учащихся с усвоением ими готовых выводов науки, а система методов построена с учетом целеполагания принципа проблемности; процесс взаимодействия преподавания и учения ориентирован на формирование научного мировоззрения учащихся, их познавательной самостоятельности, устойчивых мотивов учения и мыслительных способностей в ходе усвоения ими научных понятий и способов деятельности детерминированного системой проблемных ситуаций”. Проблемная ситуация сама определяет отношение между субъектом и условиями его деятельности, в которых раскрывается неизвестное [1, с.23].

Определяя решение задачи в учебно-проблемной ситуации выделить несколько этапов. Первый этап – это понимание задачи, сформулированной в готовом виде преподавателем или определяемой самим обучающимся. Последняя зависит от того, на каком уровне проблемности находится задача, и от способности обучающегося ее решить.

Второй этап – “принятие” задачи

обучающимся, он должен решать ее для себя, она должна быть лично значима, а поэтому понята и принята к решению.

Третий этап связан с тем, что решение задачи должно вызывать эмоциональное переживание и желание решить ее. Такие причинные формы задания, как “объясните”, “опишите” и другие, являются, по сути разными заданиями, направляющими мышление ребенка и его речевое выражение по определенному пути. При этом в различных возрастных группах влияние императивной и неимперативной формы задания оказывались существенно разными.

Одна из причин, обусловивших большую эффективность процесса усвоения при проблемном обучении, заключалась в большей интеллектуальной активности учащихся. Зависимость эффективности усвоения от обеспечения в обучении интеллектуальной активности можно считать одной из общих закономерностей процесса усвоения. При проблемном обучении учащиеся раскрывают усваиваемые закономерности или способы действия как обобщенные, позволяющие использовать их в широком классе условий действий и объяснить их с помощью широкого класса явлений.

Проблемное обучение обеспечивает эффективность усвоения учебного материала не только “сильными”, но и “слабыми” учащимися. Конечно, при любых методах обучения менее способные учащиеся достигнут менее высоких результатов в усвоении знаний. Но можно предполагать, что именно для этой группы учащихся особенно необходимо проблемное обучение, позволяющее выполнять посильные творческие задания и тем самым способствующие развитию их мышления [3, с.14].

Таким образом, можно сказать, что большая эффективность усвоения большие возможности развития мышления при проблемном обучении достигаются за счет использования в обучении двух главных закономерностей процесса усвоения. Первая закономерность составляет зависимость эффективности процесса усвоения от оптимальной степени интеллектуальной активности учащихся. Процесс мышления не может быть вызван с помощью тех или иных непосредственно действующих стимулов.

В условиях проблемного усвоения учебного материала обеспечиваются возможностью усвоения общих закономерностей, общих

способов и условий действий, что создает большие возможности использования усвоенных знаний и способов действия для решения новых практических и теоретических задач, приводит к большим возможным в последующем усвоении новых знаний и способов действия.

Важной особенностью в подлинно художественных произведениях литературы является то, что в них самих содержатся те или иные проблемы, поставленные автором. Задача учителя заключается в том, чтобы создать условия, при которых наиболее важные из этих проблем станут проблемами и для учащихся.

Организуя изучение произведения с помощью создания проблемных ситуаций, учитель стремится моделировать умственную деятельность учащихся, направить их на самостоятельный поиск ответов по основным вопросам, помогающим понять идейное и художественное значение основных образов и поэмы в целом.

Мы представили основные возможности использования поисковых методов и условия создания проблемных ситуаций в процессе обучения на уроках литературы в старших классах. Приведенные примеры позволили проиллюстрировать отдельные конкретные особенности использования проблемных ситуаций на уроках литературы. Сформулируем итоги проведенного анализа в виде ряда правил проблемного обучения:

- проблемное обучение обеспечивает

эффективность усвоения учебного материала не только “сильными”, но и “слабыми” учащимися;

- при проблемном обучении эффективность процесса усвоения зависит от оптимальной степени интеллектуальной активности учащихся;
- в условиях проблемного усвоения проблемного материала обеспечивает возможность усвоения общей закономерности, что создает возможность использовать усвоенные знания для получения новых.

Литература

1. Актуальные вопросы формирования интереса в обучении / под ред. Г.И. Щукиной. – М.: Просвещение, 1984.
2. Бабанский Ю.К. Проблемное обучение как средство повышения эффективности обучения школьников: Ростов-на-Дону, 1970.
3. Перевозная Е.В. Концепция учебного предмета «Русская литература» / Е.В. Перевозная, С.Н. Коротай, Н.Н. Ковалева, Т.Ф. Мушинская // Русский язык и литература в школе. – 2006. – № 7. – С. 3-14.
4. Методы обучения в современной общеобразовательной школе / под ред. Н.И. Кудряшова. – М.: Просвещение, 1983.
5. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе / Г.И. Щукина. – Москва: Просвещение, 1979. – 160 с.

MAVLONOVA Rakhima Mustafayevna

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of General Pedagogy,
Khujand State University named after Academician B. Gafurov,
Republic of Tajikistan, Khujand

CREATING PROBLEMATIC SITUATIONS IN THE LEARNING PROCESS TO ENHANCE STUDENTS' COGNITIVE ACTIVITY

Abstract. The article notes that a factor influencing changes in motivational structures is a type of problem situation that, through the necessity of choice, the rejection of evaluation, and the removal of time constraints, stimulates a person's creative activity.

Keywords: problem situation, educational and cognitive need, learning process, students' capabilities, process efficiency.

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 40 (275)

Часть II

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 13.10.2025г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40